

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Кочаров Петр Александрович

**ОТРАЖЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАЗАЛЬНЫХ
ИНФИКСОВ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Герценберг Леонард Георгиевич

Санкт-Петербург
2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	2
Введение	5
1. Индоевропейские назальные инфиксы и гипотезы их отражения в древнеармянском	
1.1. Индоевропейские назальные презенсы	11
1.1.1. Гипотезы происхождения назальных презенсов	11
1.1.2. Следы назальных презенсов в индоевропейских языках	19
1.1.3. Функция назальных презенсов	21
1.2. Гипотезы отражения индоевропейских назальных презенсов в древнеармянском	24
1.2.1. Древнеармянские назальные суффиксы	24
1.2.2. Гипотезы происхождения назальных суффиксов	27
2. Древнеармянские презентные основы с назальными суффиксами	
2.1. Презентные основы на <i>-na-</i>	52
2.1.1. Первичные презентные основы на <i>-na-</i>	53
2.1.2. Презентные основы на <i>-na-</i> со вторичным аористом на <i>-c'-</i>	55
2.2. Презентные основы на <i>-ana-</i>	56
2.2.1. Первичные презентные основы на <i>-ana-</i>	58
2.2.2. Деноминативные презентные основы на <i>-ana-</i>	67
2.3. Презентные основы на <i>-ane-</i>	68
2.3.1. Первичные презентные основы на <i>-ane-</i>	70

2.3.2. Каузативный суффикс <i>-uc'ane-</i>	99
2.3.3. Тематические презенсы от именных основ на <i>-an-</i>	101
2.4. Презентные основы на <i>-ani-</i>	102
2.4.1. Первичные презентные основы на <i>-ani-</i>	104
2.5. Презентные основы на <i>-ne-</i>	114
2.5.1. Первичные презентные основы на <i>-ne-</i>	114
2.6. Презентные основы на <i>-ni-</i>	118
2.6.1. Первичные презентные основы на <i>-ni-</i>	119
2.7. Презентные основы на <i>-ni-</i>	123
2.7.1. Первичные презентные основы на <i>-ni-</i>	126
2.7.2. Презентные основы на <i>-ni-</i> со вторичным аористом на <i>-c'</i>	153
2.8. Презентные основы на <i>-nč'</i>	153
2.8.1. Первичные презентные основы на <i>-nč'</i>	154
2.8.2. Первичная презентная основа на <i>-anč'</i>	159
2.8.3. Презентные основы на <i>-nč'</i> со вторичным аористом на <i>-c'</i>	159
 3. Происхождение древнеармянских назальных суффиксов	
3.1. Происхождение суффиксов <i>-na-</i> и <i>-ana-</i>	165
3.2. Происхождение суффиксов <i>-ane-</i> и <i>-ani-</i>	169
3.3. Происхождение суффикса <i>-ne-</i> и <i>-ni-</i>	177
3.4. Происхождение суффикса <i>-ni-</i>	179
3.5. Происхождение суффикса <i>-nč'</i>	182

Заключение	186
Относительная хронология формирования презентных классов древнеармянского языка.....	186
Следы индоевропейских инфиксальных основ в системе древнеармянского глагола	188
Список использованной литературы	190
Приложение	211

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена развитию индоевропейских основ настоящего времени, образованных с помощью назального инфикса (далее *назальные презенсы*), в древнеармянском языке.

Несмотря на то, что этимологическая база древнеармянского языка была заложена около столетия назад, благодаря трудам таких выдающихся арменистов как Г. Гюбшман, А. Мейе, Х. Педерсен, Р. Ачярян, этот индоевропейский язык остается одним из наиболее сложных для реконструкции. До сих пор исследователи не пришли к единому мнению о некоторых регулярных звуковых изменениях, мало что известно о протоармянской акцентуации, в значительной мере остаются неясными многие протоармянские морфологические процессы, которые привели к радикальной перестройке языковой системы, унаследованной от праиндоевропейского. Развитие протоармянского проходило в условиях длительного сосуществования армянского этноса с неиндоевропейскими народами Малой Азии и Кавказа в I тыс. до н.э., а затем почти тысячелетнего иранского политического, культурного и языкового влияния. Этим во многом объясняется сложность выявления черт языковой системы, унаследованных от праиндоевропейского, и протоармянских инноваций.

Специфической особенностью основ настоящего времени в древнеармянском является сосуществование различных типов основ в рамках одного глагола, порой без видимых грамматических, семантических или стилистических различий. Это побуждает уделить особое внимание поиску возможных источников аналогии и установлению тех специфических функций, которые характеризовали тот или иной презентный класс в протоармянском, и оснований позднейшего смешения глагольных классов. Установление относительной хронологии образования вторичных

презентных основ в древнеармянском необходимо для выявления древнейших морфологических форм, релевантных для индоевропейской реконструкции.

В этой связи одной из наиболее **актуальных** проблем армянской компаративистики является установление относительной хронологии фонетических и морфологических изменений, происшедших в эпоху между отделением протоармянского от позднего праиндоевропейского и письменной фиксацией древнеармянского языка в начале 5 в. н. э. При этом вопрос о происхождении древнеармянских презентных суффиксов, содержащих сонант *-n-* (*-na-*, *-ne-*, *-ni-*, *-ni-*, *-nč'-*, *-ana-*, *-ane-*, *-ani-*, *-anč'-* – далее *назальные суффиксы*), занимает центральное место в кругу вопросов, касающихся предистории древнеармянской глагольной системы. Отсутствие систематического исследования по истории становления древнеармянских назальных суффиксов и установлению их взаимосвязи с индоевропейскими назальными презенсами отсутствует, чем обуславливается актуальность заявленной в диссертации темы.

Цель работы состоит в выявлении следов праиндоевропейских назальных презенсов в древнеармянском и определении роли, которую протоармянские рефлекссы назальных презенсов сыграли в образовании древнеармянских назальных суффиксов.

В рамках диссертационного исследования поставлены следующие **задачи**:

1. критический анализ выдвигавшихся гипотез происхождения древнеармянских назальных суффиксов;
2. пословный этимологический анализ древнеармянских глаголов, основы настоящего времени которых образовывались с помощью назальных суффиксов;

3. выявление протоармянских морфологических и синтаксических процессов, которые привели к образованию древнеармянских назальных суффиксов;

4. установление относительной хронологии образования назальных суффиксов с учетом синхронных и диахронических данных;

5. выявление следов индоевропейских назальных презенсов;

6. установление роли протоармянских рефлексов праиндоевропейских назальных презенсов в образовании древнеармянских назальных суффиксов.

Материал исследования. Исследование проводится, главным образом, на материале текстов классического периода древнеармянского языка (5 в.). Материал, легший в основу диссертации – сплошная выборка глаголов, содержащих назальные суффиксы.

При сборе материала использовались в первую очередь следующие лексикографические источники: *A Reverse Analytical Dictionary of Classical Armenian*. Под ред. P. Jungmann, J. J. S. Weitenberg. Berlin – NY, 1993; *Grabari bařaran*. I–II. Под ред. R. S. Łazarian. Erevan, 2000; *Hayeren armatakan bařaran*. I–IV. Под ред. Н. Ача́ryan. Erevan, 1971–1979; *Leiden Armenian Lexical Database*. (<http://www.sd-editions.com/LALT/home.html>) Под ред. J. J. S. Weitenberg; *New Dictionary: Armenian – English*. Под ред. M. Bedrossian. Beirut, 1879; *Nor bařgirk' haykazian lezvi*. I–II. Под ред. Н. Avetikyan, Н. Sourmelyan, Н. Avgeryan. Erevan, 1979.

Методы исследования. Основными методами исследования были: методы внешней и внутренней реконструкции, анализ валентностных характеристик и словообразовательных структур рассматриваемых глаголов, анализ употреблений глагольных словоформ в древнеармянских текстах 5 в. Поскольку армянский язык занимает изолированное положение среди индоевропейских языков, а его диалекты представлены в классическом грабаре, носившем нормализаторский характер, достаточно плохо, важным методом изучения развития языка в протоармянский период является анализа

морфологических процессов, продолжающих действовать в языке к моменту письменной фиксации.

Новизна работы. Фундаментальное исследование по рассматриваемой в диссертации теме на сегодняшний день отсутствует, и этим определяется **новизна** данного исследования. В основополагающей монографии Герта Клингenschmittа *Das Altarmenische Verbum* (Klingenschmitt 1982), а также словаре индоевропейского глагола *Lexicon der indogermanischen Verben*, составленном под редакцией Х. Рикса (далее в тексте LIV – первое издание, 1998, и LIV² – второе издание, 2001) акцент сделан на установлении возможных индоевропейских истоков армянских глагольных основ: рассмотрены лишь наиболее архаичные источники аналогии в ущерб описанию и стратификации морфологических процессов, протекавших на протяжении не менее двух тысяч лет в рамках развития собственно протоармянского языка. Интересующему нас аспекту развития глагольной системы протоармянского посвящены важные статьи по теме А. Мейе, Х. Педерсена, К. Х. Шмидта, Р. Годеля, Ч. Бартонна, Ф. Кортдандта и др. (см. библиографию), а также монография Г. Гаспаряна «Das Armenische Tempus- und Modusssystem: Synchrone und diachrone Analyse» (Gasparyan 2000), посвященная синтаксическому анализу инъюнктивных употреблений презентных форм у нескольких классических армянских авторов в широкой перспективе развития видо-временных грамматических категорий от праиндоевропейского до современного восточноармянского. Однако, несмотря на важность упомянутых источников, выдвигавшиеся гипотезы о происхождении древнеармянских назальных суффиксов и относительной хронологии их возникновения зачастую фрагментарны, либо противоречат друг другу. Критическая оценка предлагавшихся гипотез происхождения назальных суффиксов в древнеармянском должна опираться, кроме формальных звуковых законов, также на выявление регулярных деривационных процессов, характеризовавших систему армянского глагола в

целом на разных этапах ее развития. Только с учетом этих процессов можно приблизиться к пониманию формирования рассматриваемых презентных основ и понять, почему отдельные глаголы относятся в древнеармянском к тому или иному классу или входят сразу в несколько классов.

Таким образом, новизна работы определяется критической оценкой предлагавшихся ранее гипотез происхождения назальных суффиксов в древнеармянском; автором был сделан ряд новых предположений о развитии протоармянской глагольной системы, учитывающих не только результаты индоевропейской реконструкции (в работе детально рассмотрено более 120 этимологий), но и результаты детального анализа древнеармянского языкового материала, в частности вариативности презентных основ.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что правильное понимание морфологических процессов, лежащих у истоков древнеармянских глагольных классов, с одной стороны, позволяет лучше понять историю развития древнеармянского языка в дописьменную эпоху, а с другой – позволяет с большей уверенностью использовать глагольные словоформы древнеармянского для индоевропейской реконструкции. Таким образом, результаты данного исследования важны как для истории армянского языка, так и для индоевропеистики.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при составлении учебных пособий по сравнительно-исторической грамматике древнеармянского языка, при составлении этимологического словаря армянского языка и этимологических словарей других индоевропейских языков, в которых используется армянский языковой материал, а также при разработке лекционных курсов по исторической фонетике, морфологии, синтаксису и этимологии древнеармянского языка.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Протоармянский унаследовал от праиндоевропейского суффиксальные основы **-nī-* (древнеармянский класс *-ni-*) и **-nā-* (древнеармянские классы *-na-* и *-ana-*), но полностью утратил следы других индоевропейских инфиксальных основ.

2. Прандоевропейские назальные презенсы, наряду с другими презентными основами, характеризовавшими переходные глаголы, вошли в древнеармянские глагольные классы с основами настоящего времени на *-e-* и *-ane-*.

3. Замещение назальных презенсов происходило путем добавления нового презентного суффикса к основе корневого аориста.

4. Назальные суффиксы *-ane-* и *-ani-* являются протоармянской инновацией, лишь опосредованно связанной с индоевропейскими назальными презенсами; предположительно, они развились на базе протоармянского суффикса **-ana-* в процессе закрепления за тематическими гласными **-e-* и **-i-* переходного и непереходного значений соответственно. Таким же образом, древнеармянские суффиксы *-ne-* и *-ni-* могли развиваться на базе протоармянского суффикса **-ni-*.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались в докладах, сделанных на заседании кафедры Общего языкознания Филологического факультета СПбГУ (2006), а также на следующих конференциях: «Индоевропейское языкознание и классическая филология: Чтения памяти И. М. Тронского» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 2006), «Индоевропейское языкознание и классическая филология: Чтения памяти И. М. Тронского» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 2007), «XXXVI международная филологическая конференция» (Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 2007), «Индоевропейское языкознание и классическая филология: Чтения памяти И. М. Тронского» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 2008), «XXXVII

международная филологическая конференция» (Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 2008), «XIIIth International Conference of the Society of Indo-European Studies: Comparative Philology and Linguistics: A dialogue between Indo-European Studies and General Linguistics» (University of Salzburg, Sept. 21–27, 2008).

По теме диссертации опубликовано 4 статьи общим объемом 1.4 п.л.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, трех глав основной части, заключения, списка использованной литературы (236 наименований) и приложения.

Для передачи древнеармянских словоформ принята следующая транслитерация:

w q r t u v x y z a b c d e f g h i j k l m n o p
 a b g d e z ə t' ž i l x c k h j ł č m y n š o č' p ĵ r s v t r c' w p' k' o f

Рассматриваемые словоформы приводятся в порядке, приближенном к порядку латинского алфавита:

a b c c' č č' d e ē ə g h i j j k k' l l m n o p p' r r̄ s š t t' u v w x y z ž

1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗАЛЬНЫЕ ИНФИКСЫ И ГИПОТЕЗЫ ИХ ОТРАЖЕНИЯ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ

1.1. Индоевропейские назальные презенсы

1.1.1. Гипотезы происхождения назальных презенсов

Индоевропейская глагольная система в том виде, в котором она реконструируется сегодня, характеризуется наличием в ней различных грамматически оформленных *способов действия* (Aktionsarten), обусловленных лексической семантикой глаголов и морфологически выраженных. Это нашло выражение в разнообразии основ (часто,

образованных от одного корня), которые восстанавливаются для трех темпоральных категорий – *презенса*, *аориста* и *перфекта*¹.

Распространена точка зрения, что для поздней стадии развития глагольной системы праязыка, общей, по крайней мере, для некоторых дочерних языков, системообразующей была бинарная аспектуальная оппозиция завершенного и незавершенного действия.² В ряде языков это привело к формированию новых глагольных систем, основанных на противопоставлении двух основ – презентной и аористной. При этом унаследованные от предшествующей стадии типы основ, выражавших различные способы действия, распределились по двум аспектуальным категориям в зависимости от своей семантической коннотации и частично или полностью с этими категориями слились, постепенно утратив свои исходные семантические характеристики. Этим обуславливается сложность отождествления различных типов основ с определенными синтаксическими или семантическими функциями в дочерних языках.

Для наиболее архаичного состояния индоевропейской системы презенса в числе прочих реконструируется основа, в образовании которой принимал участие так называемый «назальный инфикс». В результате метаанализа инфиксальных основ от корней, оканчивавшихся на **-h₂-* и **-u-*, сформировались презентные суффиксы **-nā/na-* и **-neṁ/ni-*, которые, по-видимому, уже в позднем праиндоевропейском функционировали как самостоятельные презентные суффиксы в отрыве от инфиксальных основ,

¹ См. Hoffmann 1970, Neu 1976, Rix 1986, Tichy 2002 о становлении индоевропейской глагольной системы и грамматических категорий, реконструируемых для разных стадий ее развития

² Несомненных следов такой оппозиции не засвидетельствовано в анатолийских языках (см. Strunk 1984: 143 и сл.).

могли выражать различные семантические коннотации и иметь различные синтаксические особенности¹.

Атематические презенсы с назальным инфиксом – специфическая черта индоевропейской морфологии. Это единственный пример инфиксации в реконструируемом праязыке. Этот тип презентной основы характеризуется инфиксацией аблаутирующего аффикса **-né-/n-* в слабую ступень корня перед последним согласным.² Обычно инфикс появляется в трех-консонантных корнях, оканчивающихся на группу согласных, состоящую из сонанта или глайда и смычной фонемы. Аблаутная парадигма у этого типа презенса такая же как и у других типов корневых презенсов – CR-*né*-C- (ед. ч. наст. вр. изъяв. накл.)/CR-*n*-C- (остальные формы), см. Szemerényi 1996: 270, LIV²: 17–18.

Происхождение этого типа презентной основы является спорным вопросом индоевропеистики. В рамках традиционной теории индоевропейского корня, сформулированной Э. Бенвенистом (Benveniste 1935), инфикс располагается между корнем и расширителем. Так, например, корень **ǵieug-* ‘соединять’ образует презентную основу с помощью инфикса **ǵu-né/n-g-*, ср. скр. *yuiñjānti*, ав. *yuiñjinti*, лат. *iungunt*. При этом сопоставление с скр. *yuvāti* ‘связывает’, лит. *jáuju* ‘смешиваю’ указывает на индоевропейский корень **ǵieu-* с тем же общим значением ‘соединять’. Функция, которую расширители выполняли в индоевропейском корне, их морфологический статус и происхождение остаются по большей части без

¹ См. Schwyzler 1939: 693–699; Szemerényi 1996: 271–272. Даже в случаях, когда корень восстанавливается с конечным ларингалом, не всегда можно однозначно сказать, восходит ли та или иная основа к инфиксальному или суффиксальному индоевропейскому презенсу, ср. вед. *kṛīṇāti* < **k^urih₂-nā-ti* или **k^uri-neh₂-ti* (с *-ī-* по аналогии с *kṛītá-*, см. LIV²: 395–396), иран. **xrīn-* < **k^urih₂-nā-*, др.-ирл. *cren(a)id* < **k^uri-nā-ti* ‘он купил’.

² Впервые такая интерпретация была предложена Ф. де Соссюром (Saussure 1879: 239).

объяснения (см. Narten 1967: 63). Это затрудняет критический анализ гипотез, согласно которым становление инфиксации в презентных основах происходило, когда морфологическая граница между двух-консонантным корнем и расширителем еще не стерлась окончательно¹.

Из гипотез, рассматривающий инфиксацию как более поздний процесс, начавшийся после того, как расширители полностью слились с лексической морфемой, наиболее убедительной, на наш взгляд, является теория появления инфикса в результате морфонологически обусловленной метатезы, детально разработанная П. Милиция (Milizia 2004)².

¹ Так, например, согласно взгляду, разработанному Ф. Кейпером в монографии, посвященной назальным презентам (Kuiper 1937, см. также Szemerényi 1996: 272, прим. 10), последний элемент корня, следующий за инфиксом, исходно был суффиксом. Таким образом, в раннем праиндоевропейском расширитель корня мог выступать как суффикс, который мог не только непосредственно следовать за корнем, но и добавляться к суффиксальным основам. Впоследствии расширитель стал переосмысливаться как неотъемлемая часть корня, а предшествующий ему в образовании презентных основ назальный суффикс был переосмыслен как инфикс. При этом Ф. Кейпер высказал предположение, что расширители исходно представляли собой глагольные презентные суффиксы (Kuiper 1937: 63). Слабыми сторонами гипотезы формирования инфиксации под действием метаанализа являются отсутствие свободного варьирования расширителей при одних и тех же корнях, а также разный морфемный статус расширителей со стершейся грамматической семантикой и суффиксов с относительно ясной грамматической функцией.

² Различные гипотезы метатезы суффиксального *-n- с последним согласным корня придерживали еще Ф. Бопп, А. Кюн, А. Шлейхер и К. Бругман.

Ограничение на фонологическую структуру корней (CVRC- → CṘ-ne/n-C-),¹ от которых образовано подавляющее большинство реконструируемых назальных презенсов, побудило искать истоки инфиксации (нетипичной для индоевропейских языков в целом) в метатезе презентного суффикса *-n(e)- с конечным смычным основы, под действием принципа дуги сонорности моносиллабического корня, распространившегося на всю презентную основу, и принципа закрытого слога.² Назальные суффикс и инфикс находились в индоевропейском, по мнению П. Милиция, в отношении дополнительной дистрибуции: когда степень сонорности последнего элемента корня была меньше, чем у суффиксального -n- (т.е., когда корень оканчивался на смычный), метатеза происходила, а когда корень оканчивался на сонант, метатезы не происходило, и суффикс сохранялся. При этом метатеза -Cn- > -nC- была свойственна только презентному назальному суффиксу и не распространялась на другие морфемы (ср. и.-е. *sṵop-no- ‘сон’).³

¹ Согласно П. Милиция, корень *kleṛ- образовывал презенс *klu-neṛ-, а не *kḷ-ne-ṛ- (как в LIV²: 334–335). На это, по его мнению, указывают будд. скр. *śrun-*, ав. *s^hrunaoⁱti*, шунг. *ṣin* ‘слышит’ (и.-е. *kḷ- дало бы прото-иран. *sər-, а не *sr-), др.-ирл. *-cluinetar* ‘слышит’ (< кельт. *kluni- < и.-е. *klu-nu-, ср. McCone 1991: 13), тох. А и В *kāln-* ‘прославлять’ (и.-е. *kḷ- дало бы начальное *ln > *ll). Ведийскую форму *śrnóti* он объясняет как результат выпадения первого *u*. Также высказывалась гипотеза о том, что *klu-nu- является диалектным образованием (Watkins 1969: 185; Bader 1979: 205–207; Lamberterie 1980: 400). В др.-гр. *γανύμαι* ‘радуюсь’ П. Милиция видит продолжение не инфиксальной основы *gh₂-ne-ṛ- от корня *geh₂- (LIV²: 184), а суффиксальную основу *gh₂-neṛ- от корня *geh₂-, ср. др.-гр. *γάνος* ‘радость, яркость’.

² См. обзор морфонологических ограничений на структуру индоевропейского корня в Clackson 2007: 64–71.

³ В качестве типологической параллели метатезы, которой подвергаются отдельные морфемы языка, П. Милиция приводит тамильский язык, в котором во избежание начального закрытого слога происходит метатеза -um- перед корнями на согласный: *b-um-*

Слияние основообразующего суффикса с лексической морфемой в рамках глагольной словоформы достаточно распространенное явление, которое тем более вероятно для реконструируемого индоевропейского праязыка, в котором категория времени в ряде случаев выражалась не с помощью темпорального суффикса, а с помощью акцетно-аблаутного чередования в корне (например, корневой аорист **iēug-/iug-*) или с помощью редупликации начального элемента корня (например, атематический презенс с редупликацией **d^hé-d^hoh₁/d^hh₁-*).

Согласно гипотезе П. Милиция, класс индоевропейских презенсов на **-neṁ/ni-* сформировался не в результате метаанализа инфиксальных основ от корней на *-ṁ-* (Saussure 1979: 240–244), а продолжает индоевропейскую суффиксальную основу. Вслед за К. Бругманом (Brugmann 1892: 968), он рассматривает формант **-neṁ-* как результат добавления презентного суффикса **-ṁ-* к полной ступени суффикса **-ne-*, которое происходило, чтобы восстановить структурное единообразие суффиксальных основ (более малочисленные основы от корней, оканчивающихся на сонанты) с инфиксальными основами *C-ne/n-C-*, заместившими *CC-ne/n-*. Суффикс **-neṁ/ni-*, по его мнению, заместил суффикс **-ne/n-* в случаях, когда последний добавлялся к корням, оканчивающимся на сонанты, а впоследствии, уже в ходе формирования дочерних языков, стал присоединяться и к корням, оканчивающимся на согласный. Этим объясняется сосуществование форм с назальными инфиксом и суффиксом в дочерних языках.

Расширение презентного суффикса **-ne-* элементом **-ṁ-*, обусловленное структурными особенностями индоевропейской основы, кажется необоснованным и малоубедительным. Скорее ожидалось бы

ili, вместо **um-bili*, при том, что с другими префиксами, дающими закрытый начальный слог, метатезы не происходит (McCarthy, Prince 1986).

появление алломорфа **-én-*. С нашей точки зрения, более вероятно, что образование **-néu-* основ относится к периоду функционирования инфиксации как продуктивной морфологической модели. В частности, мы разделяем точку зрения, согласно которой часть индоевропейских презенсов на **-néu-* восходит к инфиксальным деноминативным основам от основ прилагательных на **-u-* по модели **d^hrs-ú-* ‘смелый, дерзкий’ (ср. др.-гр. *θρασύς*) → **d^hrs-n-ú-* ‘сметь’ (р. вед. *dhr̥ṣṇóti*, ав. *adaršnauš*, ст.-сл. **ДРЪЗНЖТИ**); **d^heb^h-u-* ‘маленький’ (ср. хетт. *tēpu-* ‘id.’) → **d^heb^h-ne-u-* ‘делать маленьким’ (ср. хетт. *tepnuzi*, вед. *dabhnóti* ‘делает маленьким’)¹. Впоследствии формант **-nu-* из **-n-u-* был переосмыслен как презентный суффикс, и с его помощью стали регулярно образовываться формы настоящего времени от корневого аориста (см. Bader 1979: 215 и сл.; de Lamberterie 1990: 402–403).

Если гипотеза П. Милиция о происхождении инфиксации в общем виде верна, следует признать формант **-néu-* хронологически более поздним образованием, чем образование инфиксальных основ от корней на смычный.

Менее убедительна, на наш взгляд, теория, выдвинутая Э. Бенвенистом (Benveniste 1932: 161 и сл.) и детально разработанная К. Штрунком (Strunk 1967, 1973, 1979b, 1984). Согласно этой теории, назальные презенсы образовывались не в результате видоизменения суффиксальных презентных основ, а от корневых аористов путем инфиксации форманта *-n-* перед последним согласным аблаутирующей основы аориста корней типа CeRC-/CṘC- и перед аблаутирующей гласной корней типа CReC-/CṘC-. При этом корни со структурой CeRC- и CReC-, для которых засвидетельствовано большинство назальных презенсов, давали, согласно Штрунку, соответственно парадигмы CeR-*n/ṇ*-C- и CṘ-*ne*-C-/CR-*ṇ*-C-. Данные отдельных языков противоречивы. В индоиранских языках и в

¹ См. Kloekhorst 2008: 869–870.

древнегреческом в корнях с аористом типа CeRC- обобщилась либо нулевая ступень корня и суффикса, либо нулевая ступень корня и полная ступень суффикса; в латинском и древнеирландском обобщилась либо нулевая ступень корня и суффикса, либо полная ступень корня и нулевая ступень суффикса. Аналогические процессы других языков сводят к минимуму их доказательную силу при интерпретации структуры индоевропейских назальных презентов.

В рамках теории Бенвениста/Штрунка остается необъясненным происхождение инфигируемого форманта *-n-* и ограничение на структуру корней типа CeRC- и CReC-.

Несмотря на неоднозначность фактического материала, нам кажется предпочтительнее рассматривать назальные презенты как производные от презентных основ, и допускать в отдельных случаях вторичное влияние вокализма основ аориста на презент (по модели аор. CṘC-/CéRC- : през. CR_nC → CéR_nC-), начавшегося, по-видимому, еще в позднем праиндоевропейском (ср. случаи, когда полная ступень засвидетельствована сразу в нескольких языках, например, ав. *parənti*, лат. *pellō*, др.-ирл. *-ella* от и.-е. **pel-n-h₂-* ‘подходить’).

Еще один подход к объяснению происхождения назальных инфиксов был высказан А. Клухорстом (Kloekhorst 2008: 152–155). В рамках этой теории назальный инфикс развился в процессе эпентезы *-n-* в основах, образованных с помощью презентного суффикса **-én/n-* (ср. презентные суффиксы **-éi/i-*, **-és/s-*), в результате которой перед конечным смычным корня возник назальный призвук, и последующей метатезы суффикса с последним согласным корня. В то время как в анатолийских языках назальный призвук развился в полноценную фонему перед велярными, что нашло отражение в хеттских основах на *-nin-* (ср. теорию назальной антиципации/персеверации Oettinger 1994: 320–321), в остальных индоевропейских языках он исчез. Эта теория предполагает метатезу

суффикса с предшествующим согласным корня (с назальным призвуком или без). Возможность подобной метатезы служебной морфемы требует, на наш взгляд, дополнительного объяснения.

1.1.2. Следы назальных презентов в индоевропейских языках

Развитие назальных презентов в дочерних индоевропейских языках происходило по-разному, но ни в одном из них инфиксация не сохранилась как действующий словоизменительный механизм. В большинстве случаев назальные аффиксы замещались продуктивными суффиксами, как восходящими генетически к инфиксальным основам, так и имеющими другое происхождение.

Три типа назальных презентных основ отразились в трех классах древнеиндийских глаголов; инфиксальные основы от корней на смычный вошли в 7-ой класс, основы на **-nā/na-* – в 9-ый, а основы на **-neṁ/ni-* – в 5-ый.

В хеттском, благодаря устранению из системы глагола темпоральной оппозиции основ, назальные формы (около 20 глаголов) перестали ассоциироваться с презентом и больше не составляли особый морфологический тип, кроме пяти глаголов с основой на *-nin-*.¹ Связь хеттских формантов *-inai-*, *-anai-* (Oettinger 1979: 368) и итеративно-дуративного суффикса *-annai-* с индоевропейскими назальными основами остается до конца не выясненной; последний смеет сходное употребляется с суффиксами *-ške/a-* и *-šš(a)-* (см. Kloekhorst 2008: 175–176, где также приведен обзор предлагавшихся этимологий суффикса *-annai-*). В большинстве случаев хеттским назальным основам приписывается

¹ См. Шацков 2007; Kloekhorst 2008: 152–154. О следах суффикса **-nā-* см. Puhvel 2002; Kronasser 1966: 561 и сл.

каузативное значение (Stertevant 1933: 9; Kronasser 1966: 435 и сл.). Кроме того на базе основ на **-neu/nu-* в хеттском от именных и глагольных основ образовывались фактитивные и каузативные глаголы, ср. *ārš-* ‘течь’ → *aršanu-* ‘выливать, заставляя течь’, *talugai* ‘длинный, долгий’ → *daluknu-* ‘удлинять’ (Kloekhorst 2008: 126–128, 608).¹

В древнегреческом презенсы на *-νῦ/-νυ-* в большинстве случаев образуются либо от основы корневого аориста (ср. *ἐπηκτω* → *πήγνυμι*), либо от основы сигматического аориста (ср. *ἐδείξα* → *δείκνυμι*). Древнегреческим новообразованием является образование презенсов от полной ступени корня, ср. *δείκνυμι* ‘показываю’ (см. Schwyzer 1939: 697; Rix 1976: 210). Три древнегреческих глагола заместили индоевропейские глаголы с назальным инфиксом: *ζεύγνυμι* ‘запрягаю’ (**ǵu-né/n-g-*, LIV²: 316), *ὀρέγνυμι* ‘простираюсь’ (**h₃r-né/n-ǵ-*, LIV²: 304–305), *πήγνυμι* ‘закрепляю’ (**ph₂-né/n-ǵ-*, LIV²: 461). Таким образом, суффикс *-νῦ/-νυ-* мог использоваться в древнегреческом для замещения инфиксальных основ (Meillet 1937: 216; Clackson 1994: 84)².

В редких случаях назальный элемент основы сохранился как показатель настоящего времени в латинском. В тохарском инфиксальные основы вошли в состав VI, VII, X, XII глагольных классов (Schmidt 1989), в кельтских языках – в классы B IV и B V (Sjoestedt 1926, Thurneysen 1946, McCone 1990). В славянских языках назальные презенсы сохранились в праславянских основах на **-non-* (Stang 1966: 338; Vaillant 1966: 281), а в балтийских языках в виде отдельных рефлексов инфиксальных основ (Stang 1966: 338 и сл.; Rasmussen 1997: 251; Schmalstieg 2001: 154 и сл.). В готском к

¹ О проблеме значения хеттского «каузатива» см. Шацков 2007: 133–137.

² Единственные возможные примеры замещения индоевропейских инфиксальных основ древнеармянскими основами на *-nu-* – *lnum* (**pl-né/n-h₁-*, LIV²: 482–483) и *t’olum* (**tl-né/n-h₂-*, LIV²: 622–623). Характерно, что оба глагола имеют активные окончания, не свойственные данному глагольному классу в целом.

назальным презенсам восходит суффикс **-nā-* медиальных непереходных глаголов с инхоативным значением слабого IV класса.

1.1.3. Функция назальных презенсов

Вероятно, в праиндоевропейском презенсы на **-ni-* могли иметь непереходные медиальные глаголы. Как показал Дж. Клэксон (Clackson 2007: 147), такие глаголы имеют тенденцию выражать действие, контролируемое субъектом. Наряду с презенсом на **-ni-* они характеризуются корневым аористом и наличием перфектной основы, ср. и.-е. **men-* ‘думать’ (1. **men-* – LIV²: 435–436): **m̥n̥-néu/ni-* (вед. 3 л. ед. ч. наст. вр. мед. залога *manuté* ‘думает’), **mén-/mn-* (вед. 3 л. ед. ч. аор. мед. залога *ámata* ‘подумал’) и **me-món-/*me-mn-* (мл. ав. 3 л. ед. ч. перф. мед. залога *tamne* ‘подумал’).

В некоторых языках (хеттский, древнегреческий, древнеиндийский, древнеармянский) наблюдается вариативность сформировавшихся на базе назальных презенсов основ при одних и тех же глаголах, ср. др.-инд. *minā́ti*, *minóti* ‘уменьшать’; хетт. *ualla-*, *uallu-* ‘хвалить’ (наряду с *ualluške/a-*) с варьированием основ **-na-* и **-ni-* с каузативным значением (см. Melchert 1994: 81; Kloekhorst 2008: 944–945, 952–953). Это обуславливается развитием индоевропейских презентных классов в рамках каждой отдельно взятой глагольной системы, где функция назальных основ во многом зависела от развития глагольной системы в целом, а также перестройки аспектуальных, темпоральных и залоговых оппозиций.

В разных языках назальные презенсы могли иметь различные семантические и синтаксические особенности. Так, например, они могли выражать каузативное значение в хеттском (*ištark-* ‘болеть’, наряду с *ištarnink-* ‘делать больным’) и древнеиндийском (*jávate* ‘спешить’, наряду с *junā́ti* ‘торопить’), инхоативное значение (иногда наряду с пассивным) в готском, старославянском и балтийских языках. Разнообразие семантических

коннотаций и грамматических характеристик, выражаемых назальными презентными и сформировавшимися на их базе глагольными классами в разных языках, требует особого объяснения.

Й. Курилович (Kuryłowicz 1964: 89, 107–109; см. также Clackson 2007: 153) возражал против установления семантических различий между назальными презентными основами, полагая, что их изначальная функция образования новой дуративной глагольной основы всегда оставалась одной и той же, в то время как разделение на дуративные (итеративные) и инхоативные производные основы полностью обуславливалось базовым различием между глаголами действия и глаголами состояния, от которых эти новые основы образовывались. Кроме того, он считал, что новые дуративные основы могли использоваться для выражения каузативности, тогда как инхоативные – для выражения пассивного залога¹. Согласно его теории, если презентная основа утрачивала присущую ей имперфективную семантику действия, протекающего в момент говорения (например, благодаря перфективизирующему префиксу или регулярному контекстно-

¹ В качестве другого примера развития итеративного аффикса в каузативный и пассивный Й. Курилович приводит ведийский суффикс *-āya-*.

Предлагаемая Куриловичем система грамматических развитий, хотя и подтверждается материалом нескольких индоевропейских языков, кажется достаточно специфичной. В частности нуждается в объяснении природа развития синтаксических значений *пассива* и *каузатива* из чисто аспектуальных (либо фазисных) значений *инхоатива* и *дуратива* (о проблемах терминологии в рамках различных синтаксических теорий с библиографией см. Плунгян 2003). Возможным подходом к объяснению взаимосвязи упомянутых значений было бы рассмотрение инхоатива, как грамматической категории, характеризующей класс предикатов, обозначающих действие, в результате которого изменяется состояние субъекта, что коррелирует со свойствами пассивной конструкции. Дуратив, напротив, характеризует действие как таковое, в нормальном случае аккузативных языков, направленное на объект, и в значительно меньшей степени затрагивает состояние субъекта, тогда как состояние объекта меняется, откуда – развитие каузативного значения.

обусловленному перфетному употреблению), появлялась необходимость в новой производной форме, восстанавливающей это имперфективное значение длящегося действия. Так, например, от старославянского презенса *лѣж* был образован префиксальный глагол *прилѣж*, утративший из-за приставки имперфективное значение несовершенного вида; от него в свою очередь был образован новый презенс *припѣкайж*, тогда как в форме **пѣкайж* не было необходимости. Именно такую функцию Й. Курилович приписывает индоевропейскому презентному суффиксу **-sk-* и назальному инфиксу. В этой связи особенно интересны случаи, когда употребление основ, восходящих к назальным презенсам, сопровождалось в отдельных языках употреблением префиксов.

В несколько ином аспекте функция назальных презенсов была рассмотрена Г. Мейзером (Meiser 1993). Он связывает функцию назального аффикса с повышением уровня транзитивности глагола. Под уровнем транзитивности он, вслед за П. Хоппером и С. Томпсоном (Hopper, Thompson 1980), понимает не только число синтаксических валентностей глагола, но также такие характеристики глагола как выражение им действия/состояния, аспекта, предельности/непредельности, наклонения, утверждения/отрицания, степени вовлеченности объекта в действие и степени индивидуализации объекта. Таким образом, повышение и понижение уровня транзитивности глагола Г. Мейзер предлагает определять по градуальной шкале, а не в рамках бинарной оппозиции переходность/непереходность.

Однако теория Куриловича позволяет лучше понять, почему в ряде языков назальные основы характеризовали не активные транзитивные глаголы, а медиальные непереходные и часто выражали инхоативное значение. Обилие таких случаев не позволяет рассматривать их как случайные аномалии. Даже если эта особенность является новообразованием отдельных языков относительно праиндоевропейского состояния, она требует системного объяснения, которое отсутствует в гипотезе Г. Мейзера.

Наконец, выдвигался ряд идей о том, что назальные презенсы могли характеризовать определенные семантические классы глаголов. Так, например, Ф. Бадер (Bader 1979) считает, что индоевропейские основы на **-mi-* имели глаголы, обозначающие телодвижения (*vie du corps*), т. е. глаголы, выражающие положение, движение и действия тела или частей тела, а также явления природы (*phénomènes physiques*), например, ‘высохнуть’, ‘замерзнуть’ и проч. В. Шмидт (Schmidt 1956: 116 и сл.) предложил делальную типологию значений для индоиранских назальных основ: глаголы движения, умственной деятельности, глаголы со значением: «получать», «резать; разламывать», «повреждать; разрушать», «побеждать; уничтожать», «привязывать, плести», «увлажнять, натирать», «наполнять, расти». Обращает на себя внимание близость значений хеттских назальных основ с перечисленными семантическими группами (см. Шацков 2007: 137). Объяснение связи упомянутых выше семантических групп с синтаксическими свойствами инфиксальных основ в различных индоевропейских языках не входит в число поставленных в диссертации задач и может быть предметом отдельного исследования.

1.2. Гипотезы отражения индоевропейских назальных презенсов в древнеармянском

1.2.1. Древнеармянские назальные суффиксы

При формировании глагольной системы древнеармянского продолжали действовать тенденции поляризации презенса и аориста как основной аспектно-темпоральной оппозиции, наметившиеся уже в поздний индоевропейский период. В результате основы, унаследованные из праязыка, были отождествлены в протоармянском либо с презенсом, либо с аористом. В дальнейшем в языке действовали аналогические процессы, ведущие к

формированию регулярных глагольных классов, в которых определенным основам презенса соответствовали бы определенные основы аориста. К моменту письменной фиксации данный процесс завершился не до конца, что проявляется в вариативности основ презенса и аориста, образованных по различным продуктивным моделям от одного корня.

От основ настоящего времени и аориста в древнеармянском образуются формы всех времен и наклонений. От основы презенса образуются: в индикативе – собственно *настоящее время* и *имперфект*, в конъюнктиве – *конъюнктив настоящего* (или будущее I), в императиве – *прохибитив*; а также отглагольные имена: *инфинитив* и *причастия будущего времени* (*as-awc* ‘который должен сказать’, *as-i* ‘который скажет’). От основы аориста образуются: в индикативе – *аорист*, в конъюнктиве – *конъюнктив аориста* (или будущее II), в императиве – *императив настоящего времени* и *императив будущего времени*; а также отглагольные имена: *причастие прошедшего времени* (*asac* ‘-eal ‘сказанное’) и *субъектное причастие* (*asac* ‘-awl ‘говорящий’).

На синхронном уровне в образовании презентных основ среди прочих принимают участие четыре так называемых «назальных суффикса»: *-an-*, *-en-*, *-n-* и *-nč-*, которые, считаясь четырьмя тематическими гласными *-a-*, *-e-*, *-i-*, *-u-*, образуют 10 глагольных классов: *-ana-*, *-ena-*, *-ane-*, *-ani-*, *-anc* ‘-, *-na-*, *-ne-*, *-ni-*, *-nu-*, *-nč* ‘i-, характеризующихся определенным типом основы аориста и парадигмой окончаний (активных и/или медио-пассивных). В языке классического габара засвидетельствовано около 500 глаголов, содержащих перечисленные суффиксы в основе настоящего времени. За редкими исключениями, которые рассмотрены в соответствующих разделах данной работы, презенсы на *-ane-*, *-ani-*, *-na-*, *-ne-*, *-ni-* имеют корневой аорист, презенсы на *ana-*, *-ena-* – аорист на *-ac* ‘-, а презенсы на *-nu-*, *-nč* ‘i- – корневой аорист или аорист на *-ea-*. Основы, образуемые с помощью назальных суффиксов, разнородны также по своим функциям и по происхождению.

С диахронической точки зрения тематические гласные в ряде случаев являются частью суффикса, унаследованного от протоармянского. Сведение протоармянских глагольных основ к системе четырех спряжений является, по-видимому, относительно поздним процессом, ставшим источником аналогических процессов и в назальных презенсах.

Переход глаголов из одного глагольного класса в другой, сопровождавшийся образованием новой презентной основы от того или иного корня, обуславливался внутри-армянским морфологическими процессами, связанными с выражением активного, медиального и пассивного залогов, а также категории переходности/непереходности. К моменту письменной фиксации процесс закрепления за различными типами основ залоговых значений не завершился. Так, например, ряд глаголов на *-ana-* и *-ni-* формально не различает оппозиции переходность/непереходность в настоящем времени, ср. през. *banam* ‘я открываю (акт. перех.)’, открываюсь (мед. неперех.), являюсь открытым (пасс. неперех.)’; класс глаголов на *-ane-*, типичный для активных переходных глаголов, содержит ряд непереходных глаголов движения, ср. *elanem* ‘я выхожу’.

В то же время, в качестве примера частичной грамматикализации категории переходности/непереходности можно привести регулярное образование пассивных форм с помощью основ на *-i-* от активных основ на *-e-*, а также различение активных и медио-пассивных окончаний в парадигме аориста.

Отсутствие выражения категории переходности/непереходности и залога привело не только к переходу глаголов из одного глагольного класса в другой, но и в определенной степени послужило основанием для создания некоторых глагольных классов (ср. *-ani-*).

Определение того, какие из презентных основ являются первичными, а какие вторичными, требует детального исследования засвидетельствованного древнеармянского материала.

1.2.2. Гипотезы происхождения назальных суффиксов

Вопрос о происхождении древнеармянских назальных презентных суффиксов до сих пор остается проблематичной областью сравнительно-исторической грамматики древнеармянского языка. При этом большинство гипотез связывает происхождение древнеармянских назальных суффиксов с индоевропейскими назальными презенсами.

В LIV из 290 корней с назальными презенсами (включая **-nh₂-* и **-ni-*; реконструкция назального презенса для 83 корней, по мнению составителей словаря, является ненадежной), 51 имеет древнеармянские соответствия; при этом 37 древнеармянских глаголов имеют вариант презентной основы с назальным суффиксом. Из бессуффиксальных древнеармянских глаголов, от корней, для которых засвидетельствован назальный презенс, только один может формально содержать рефлекс инфикса: *t'ndam*, аор. *t'ndac'i* 'шуметь' (наряду с *t'ndem*, аор. *t'ndec'i* и *t'ndim*, аор. *t'ndec'ay*) может восходить к и.-е. **(s)tu-n-d-* (ср. лат. *tundō* 'толкую, бью', вед. *tundate* 'погонять, заставлять') от **(s)teud-* 'толкать' (1. **(s)teud-* – LIV²: 602). Однако глаголы *t'ndam* и *t'ndem* формально относятся к продуктивным классам вторичных деноминативных глаголов и образованы, по-видимому, от существительного *t'ind* (вариант *t'und*) 'шум' (возможно, иранское заимствование, ср. совр. перс. *tundīdan* 'греметь', HÜB: 154).

В случае древнеармянских глаголов, корень которых оканчивается на согласный, можно с уверенностью считать суффиксальные основы новообразованиями, а не прямым развитием индоевропейских инфиксальных основ. Тот факт, что большинство древнеармянских глаголов от индоевропейских корней с назальным презенсом формально не сводимы к инфиксальным основам, заставляет предположить, что в древнеармянском индоевропейские назальные презенсы были заменены новыми основами,

образованными в протоармянский период. Как именно происходил процесс замещения назальных презенсов на древнеармянские суффиксы, а также, в какой степени индоевропейские и древнеармянские назальные аффиксы связаны генетически, будет рассмотрено ниже.

1.2.2.1. Инфиксация как источник суффиксов -ana/na-. Еще Г. Гюбшманн (Hübschmann 1897) различал первичные глаголы, оканчивающиеся на -ana-, на те, у которых первая гласная относится к корню (*lua-na-m*, *sta-na-m*) и те, в которых -ana- является суффиксом (*log-ana-m*, *moř-ana-m*). При этом *stanam* (наряду с лат. **stanare* в *praestinare* ‘покупать’ и проч.) он возводит непосредственно к и.-е. **-stā-nā-m*, а суффикс -ana- оставляет без объяснения.

Х. Педерсен и А. Мейе (Pedersen 1906: 356; Meillet 1936: 111) анализируют основы на -ana- как результат добавления суффикса -na-, который также засвидетельствован в глаголах *bařnam* и *dařnam*, к основам на -a- из **-ā-*; последний остается без объяснения.

Согласно этому традиционному взгляду суффикс -na- и элемент -na- в суффиксе первичных глаголов на -ana- восходит к индоевропейскому **-néh₂-* / **-nh₂-*. Хотя не вызывает сомнений, что индоевропейский суффикс сформировался на базе инфиксальных презенсов от корней, оканчивающихся на лирингальный, как отмечалось выше (см. 1.1.3.2.), подобный суффикс мог существовать в качестве самостоятельного уже в индоевропейском¹. От решения вопроса о продуктивности суффикса **-néh₂-* / **-nh₂-* в индоевропейский или протоармянский период зависит, насколько

¹ Как самостоятельный суффикс с чередованием эта индоевропейская основа сохранилась в индоиранском (ср. вед. *-nā/nī-*) и, возможно, древнегреческом, ср. *πίτιμι*, 1 л. ед.ч. *πίτιαιεν* ‘распространяться’. В германских языках засвидетельствован инхоативный суффикс, образующий непереходные деноминативные глаголы, восходящий к **-nā-*. Возникает вопрос о сопоставлении прото-германского **-na-* с древнеармянским инхоативным суффиксом -ana-, ср. **pleh₁-nh₂-mi*: гот. *fullna*, др.-арм. *lianam* ‘наполняю’.

архаичными мы можем считать протоармянские основы на *-na-*, а также можем ли мы оперировать при реконструкции армянских *-na-* основ аблаутными алломорфами индоевропейского суффикса.

Так, например, А. Мейе (Meillet 1936: там же) отвергает существование в индоевропейском класса глаголов, образованных с помощью обособившегося суффикса **-neh₂-/-nh₂-*, но допускает существование суффикса **-na-* в протоармянском, оставляя без объяснения первую гласную *-a-* в основах на *-ana-*. Р. Годель (Godel 1975: 124–125) постулирует для позднего индоевропейского презентный суффикс **-nā/nə-* и считает, что протоармянский заимствовал только один из указанных алломорфов.

Если все же протоармянский суффикс на раннем этапе сохранял чередование индоевропейского суффикса **-neh₂-/-nh₂-* в виде **-nā/-nH-/-ṇH-*, в корнях оканчивающихся на смычный, а также в архаичных инфиксальных основах, где конечному ларингальному предшествовал смычный, мы ожидали бы варианты **CCnā-/CC-an(a)-*¹. Также, мы ожидали бы *-an(a)-* при полной ступени корня *CeC-ana-*.

Тот факт, что древнеармянские глаголы на *-na-* и первичные глаголы на *-an(a)-* не имеют соответствий с рефлексами основы **-neh₂-/-nh₂-* в других языках, говорит о том, что соответствующий суффикс был продуктивен в протоармянском, ср. *baṙ-nam*².

¹ Ср. арм. *alač'em* < **slh₂-(s)k-je-*, *čanač'em* < **ḡnh₃-sk-je-* и проч. (Klingenschmitt 1982: 66 и сл., 84, 167, прим. 13; Beekes 2003: 193–194; см. критику в Ravnaes 1991: 99, где предлагается развитие **-R̥- > -aR-*).

² Единственное формальное указание на хронологию образования вторичных основ на **-nā-* — звуковое развитие группы согласных и.-е. **-rḡn- > *-rjn- > *-rn- > -ṙn-*. Отсутствие такого же упрощения группы согласных в *erdnum* < **erdunum* и *sartnum* < **sartinum* указывает на то, что образование презентной основы *baṙnam* происходило до падения безударных *-u-* и *-i-*, которое в свою очередь происходило после периода парфянских заимствований (Godel 1975: 22; Ravnaes 1991: 61–62).

Особо следует отметить в этой связи несколько древнегреческих глаголов на *-ανάω*: *ἰσξανάω*, *ἐρुकανάω* ‘удерживать’. Как следует из значения обоих глаголов, суффикс мог выражать дуративное значение, что согласуется как со значением древнеармянских первичных глаголов на *-ana-*, так и вторичных стативных и инхоативных глаголов. Х. Педерсен (Pedersen 1906: 357) считает источником как *-ανάω*, так и *-άνω* суффикс **-nā-*, возможно, прибавленный к корням на **-ə-*, что находит параллель в образовании древнеармянских суффиксов *-na-* и *-ana-*, а также *-ane-* как активной формы *-ana-*.

Согласно гипотезе Г. Клингеншмитта (Klingenschmitt 1982: 124), суффикс *-ana-* имеет двоякое происхождение. В небольшой группе глаголов (тип *banam*, аор. *bac'i*) *-ana-* восходит, по его мнению, к назальному инфиксу в корнях, оканчивающихся на ларингальный: *bana-* < **b^h-ne/ŋ-h₂-*. С другой стороны, на базе индоевропейских глаголов, образованных от прилагательных с помощью фактитивного суффикса **-h₂-* (ср. и.-е. **neŋ-o-s* ‘новый’ → **neŋ-eh₂-ti* ‘обновляет’) и развивших через посредство возвратных форм инхоативное значение (ср. «обновляется» → «становится новым»), в протоармянском сформировался класс инхоативных презенсов с основой на *-a-* (из **-ā-* < *-eh₂-*). Из презенса основообразующее *-a-* распространилось на аорист, откуда путем добавления аористного суффикса *-c'-* образовался аорист на *-ac'-*. Затем, по аналогии с глаголами типа *banam* (през. *bana-* : аор. *bac'-*), у таких глаголов развился презенс на *-ana-*.

Слабым местом данной гипотезы, на наш взгляд, является то, что в ее рамках моделью для аналогии, приведшей к образованию инхоативных (в большинстве случаев медиальных) *-ana-* основ от *-a-* основ послужили активные фактитивные глаголы. Это маловероятно, даже если в протоармянском сохранились фактитивные *-a-* основы (тип **neŋ-eh₂-ti* ‘обновляет’).

Более вероятно, на наш взгляд, что суффикс *-ana-* сформировался путем добавления суффикса **-nā-* к *-a-* основам, восходящим либо к корням с исходом на ларингальный (у первичных глаголов), либо к стативному суффиксу **-ā-* (у деноминативных и некоторых первичных глаголов).

Следы суффикса **-ā-* сохранились также в презентных отыменных основах на **-ā-je/o-* (Meillet 1990a: 73–74; Meillet 1936: 110; см. также Godel 1975: 123) и в аористном суффиксе **-ā-ske/o-*.¹ Отыменные основы на *-a-* < **-ā-je/o-* и *-e-* < **-e-je/o-* продолжают индоевропейскую модель образования глаголов с помощью суффикса *-je/o-* от именных **-ā-* и **-e/o-* основ соответственно. Эта модель развилась на базе первичных глаголов с презентной основой на *-je/o-*, восстанавливаемой в двух формах: **CéC-je-* и **CC-je-*. Второй тип был характерен для непереходных глаголов и, возможно, имел медио-пассивные окончания. Именно на базе второго типа сформировался класс отыменных глаголов с нулевой ступенью корня и ударением на суффиксе, ср. Fortson 2004: 89–90. Свидетельство большинства индоевропейских языков указывает на то, что в праязыке основы **-e-je/o-* характеризовали непереходные инхоативные или стативные отыменные глаголы. Однако в древнеармянском в результате смешения основ на **-e-je/o-* с основами на **-e/o-* и формирования медио-пассивного суффикса *-i-*, за презентными основами на *-e-* закрепились функции выражения активных переходных глаголов. Функцию индоевропейского форманта **-e-je/o-* в армянском взял на себя суффикс *-ana-* < **-ā-nā-*.

¹ С помощью суффикса *-ac'* аорист образуют ве глаголы на *-ana-*, а также четыре бессуффиксальных глагола: *asem* 'говорить', аор. *asac'i*; *gitem* 'знать', аор. *gitac'i*; *mart'em* 'мочь', аор. *mart'ac'i*; *karem* 'мочь', аор. *karac'i*. Как убедительно показал Ш. де Ламбертри (Lamberterie 1982: 33–55), данный тип аориста имеют глаголы, презенс которых восходит к индоевропейским перфектным основам. Кроме того данный суффикс образует аорист у всех глаголов на *-ana-*.

Медиио-пассивное значение отыменных глаголов на *-a-* развилось на базе нескольких архаичных непереходных глаголов на **-ā-je/o-*: *tnam* ‘остаюсь’, *orcam* ‘меня врет’, *keam* ‘живу’; суффикс *-a-* в этих глаголах сопоставим с медиио-пассивным **-ā-* в составе лат. *cubāre* ‘лежать’, др.-гр. *γηράω* ‘старею’ (Meillet 1900a: 74). С другой стороны, ряд древнеармянских активных глаголов с презенсом на *-a-*, сопоставимы с фактитивными глаголами в других языках, ср. лат. *novāre* ‘обновлять’.

Индоевропейский суффикс **-eh₂-* (**-ā-*) мог выражать фактитивное значение¹. В качестве деноминативного (главным образом от тематических основ прилагательных) он употреблялся в значении «сделать что-либо X (где X значение мотивирующей именной основы)», ср. хетт. *neṣahḫ-*, лат. *novāre*, д.-в.-н. *niuwōn* ‘обновлять’, др.-гр. *νέάω* ‘пашу’ (архаичный сельскохозяйственный термин наряду с более поздним *νέω*) от и.-е. **neṣ-eh₂-*.

Основу медиио-пассивного аориста *-a-* А. Мейе (Meillet 1936: 113–114) сопоставляет с балтийским претеритом на **-ā-*, а также латинским имперфектом *eram* ‘я был’ и имперфектным суффиксом *-bā-* (Meillet 1936: 88). Это сопоставление было поддержано также Р. Гodelем (Godel 1975: 121–122), который считал, что изначально аорист на **-ā-* не был связан с медиио-пассивным залогом – залоговая оппозиция выражалась окончаниями. На это, по его мнению, указывают парадигмы, в которых отсутствует ожидаемая корреляция между медиио-пассивными основами на *-i-* в презенсе и основами на *-a-* в аористе, ср. през. *lsem* : аор. *luay*, през. *linim*, аор. *elē*.

Идея о том, что формы активного и медиио-пассивного залога аориста базируются на суффиксах **-ē-* и **-ā-* соответственно с добавлением вторичного аористного суффикса **-s-* (*beri* ‘я взял’ < **b^her-ē-s-om*, *beray* ‘я был взят’ < **b^her-ā-s-om*) была развита Ч. Бартоном (Barton 1973–1974).

¹ См. Fortson 2005: 90.

Видеть в армянском корневом аористе вторичный атематический аорист, сравнимый с претеритом на *-ē-* и *-ā-* в балтийских языках, впервые предложил Дж. А. Кернс (Kerns 1939: 29). При этом др.-арм. *e-di* ‘я положил’ (през. *dnem*) он возводил к атематическому сигматическому аористу **e-dē-m* из и.-е. **e-d^heh₁-s-*. Эту идею поддержал Дж. Бонфанте (Bonfante 1942: 102–105), показавший на основании сопоставления со старославянским материалом, что в формах 1 л. ед. и мн. ч., а также в 3 л. мн. ч. в обоих языках была использована вторичная сигматическая основа **(e-)d^heh₁-s-* (ср. ст.-сл. *дѣхъ* ‘я дал’), тогда как в остальных формах парадигмы – атематический корневой аорист, например, **(e-)d^heh₁-t¹* (ср. арм. *ed*, ср.-сл. *дѣ*, вед. *ád^hāt* ‘от положил’). Распределение форм по парадигмам повторяет распределение индоевропейских окончаний с тематической гласной и без нее (ср. лат. *s-um*, *es-s*, *es-t*, *s-umus*, *es-tis*, *s-unt*). Аналогичный анализ был предложен Дж. Бонфанте и для арм. *tam* ‘давать’: аор. *etu* ‘я дал’ < **(e-)dō-s-om* < и.-е. **e-deh₃-s-*, ср. ст.-сл. *дахъ* ‘я дал’; арм. *et* ‘он дал’ < **(e-)dō-t*, ср. ст.-сл. *да*, вед. *ádāt*. По его мнению, окончание 1 л., ед.ч., аор., акт. *-i* (< **-ē-s-om*) в *edi* могло стать источником этого окончания во всех других глаголах.

Позднее Ч. Бартон сопоставил балтийский и славянский претерит на *-ē-*, типичный для переходных глаголов, с активным залогом корневого армянского аориста (арм. *ber-i*), а претерит на *-ā-*, типичный для непереходных залогов – с медио-пассивным залогом корневого армянского аориста (арм. *ber-ay*). В отличие от А. Мейе, Ч. Бартон предложил реконструировать вторичные аористные основы **b^her-ēs-om* > др.-арм. *ber-i* и **b^her-ās-om* > др.-арм. *ber-a-* (к последним впоследствии добавилось *-i*, окончание первого лица активного залога, ср. аналогичный процесс в литовском претерите *bira-ũ*, в котором *-ũ* развилось по аналогии с 1 л., ед. ч.,

¹ Из-за падения конечных *-s*, *-t*, *-st* в древнеармянском и старославянском нельзя с уверенностью сказать был ли в формах 3 л. ед.ч. сигматический суффикс.

наст. вр. *byrù*)¹. В балтийских языках наблюдается следующая корреляция между двумя претеритными основами и основами презенса: в большинстве случаев претеритам на *-ē-* соответствуют *je/o*-презенсы (в основном переходные), а претеритам на *-ā-* – презенсы с назальным инфиксом или с суффиксом *-sta-* с непереходным значением (Stang 1966: 378; см. также Endzelin 1910: 34–35, Kolln 1969: 31).

Сходство армянского и балто-славянского претерита прослеживается не только в сигматических формах 1 л. ед. ч. аор., но и в асигматических формах 2 л. и 3 л., ед. ч., образованных от тематических основ имперфекта (арм. *eber* ‘взял’, ст.-сл. **вѣдѣ** ‘он узнал’).

Сигматическая форма основ *-ē/ā-* кроме балтийских и славянских языков (ст.-сл. **видѣхъ** ‘я увидел’, ст.-сл. **вирахъ**) встречается также в древнегреческом (ср. *ἤφελησα*, *ἐμέλησα*), хотя и с атематическими окончаниями. Таким образом, по мнению Ч. Бартона, арм. *arbi* ‘я выпил’ находит соответствие, с одной стороны, в лит. *surbiaũ* < *srb^h-ē-*, а с другой – в др.-гр. *ἐρρόφησα* < **e-srob^h-ē-s-*.

В пользу этого анализа говорит также тот факт, что для индоевропейских стативных глаголов с суффиксом **-ē-* чаще восстанавливаются активные окончания, а для глаголов с суффиксом **-ā-* – медиальные (Watkins 1994: 180, прим. 35).

Противопоставление стативных суффиксов, восходящих к **-ē-* и фактитивных, восходящих к **-ā-* на синхронном уровне, засвидетельствовано, например, для древневерхненемецкого (ср. *einēn* ‘быть разъединенным’ : *einōn* ‘объединить’) и латинского (ср. *clārēre* ‘быть чистым’ : *clārāre* ‘чистить’).

¹ Видеть в медио-пассивном *-a-* отражение слогового назального в окончании 3 л. мн. ч. (Kortlandt 1987: 51) не позволяет относительная хронология вокализации сонантов и выпадения постуданой гласной, ср. регулярное развитие сонанта в *ekin* ‘он пришел’ < **e-g^hem-s-nt*.

1.2.2.2. Инфиксация как источник суффиксов *-ane-/-ne-* и *-ani/ni-*. А. Мейе (Meillet 1936: 106–113) предполагал, что на базе унаследованных из праиндоевропейского назальных инфиксов в протоармянском сформировались суффиксы *-ane-* (акт.) и *-ani-* (мед.-пасс.) при корневых аористах; в дальнейшем от других корней с корневым аористом образовались новые презенсы на *-ane-* и *-ani-*. Таким образом, он различает «первичные» глаголы типа *lk'anem*, для которых надежно восстанавливается индоевропейская инфиксальная основа (ср. лат. *linquō*, вед. *riṇákti*, др.-прусс. *-līnka*), и «вторичные» типа *harc'anem*, образованного по аналогии с «первичными» от основы аориста *harc'-* и заместившего архаичный презенс **harc'em* (из и.-е. **prk-ske-*, ср. вед. *prcchāmi*, лат. *poscō*, ср. Godel 1975: 113). При этом презентные основы на *-ne-* и *-ane-* он сопоставляет с древнегреческими глаголами на *-νω* и *-ανω* (Meillet 1936: 143). Однако А. Мейе не объясняет, каким образом инфиксальные основы перешли в суффиксальные. Очевидно, *lk'anem* не восходит прямо ни к **li-né-k-*, ни к **li-n-k-* (ср. др.-арм. *hing* ‘пять’ < и.-е. **penkʰe*, ср. др.-гр. *πέντε*, др.-инд. *páñca*).

Идея о прямой линии развития индоевропейских инфиксальных основ в отдельные армянские презентные основы на *-ane-* и их последующее распространение по аналогии на другие основы была принята Г. Клингenschмиттом (Klingenschmitt 1982: 159–161). Он рассматривает суффиксы *-ne-* и *-ane-* как производные от индоевропейских инфиксальных основ от корней с исходом на ларингальный; при этом тематическая гласная, по его мнению, распространилась по аналогии из формы 3 л., мн. ч. **-enti*. Он принимает звуковое развитие, при котором инфиксальное *-n-* при слабой ступени основ, в которых конечному ларингалу предшествовала согласная фонема, давало слогаобразующий сонант *-ŋ-*. Если же конечному ларингальному предшествовал сонант, инфикс отражался как *-n-*. В пользу этой гипотезы он приводит тот факт, что фонетически обусловленное распределение древнеармянских суффиксов *-ane-* и *-ne-* соответствует

распределению суффиксов $-ν€/ο-$ и $-αν€/ο-$ в древнегреческом. У Гомера $-ν€/ο-$, восходящее к и.-е. $*-ne/o-$, появляется после слоговых $-m-$, $-l-$, а также $\bar{i}$, тогда как $-αν€/ο-$ — после смычных. В древнеармянских глаголах $-ne-$ появляется после $*-r-$ и $*-i-$, а $-ane-$ в остальных случаях. Впоследствии, по аналогии с инфиксальными основами, оканчивающимися на ларингальный суффикс, $-ane-$, по мнению Г. Клингenschmitta, распространился на другие инфиксальными основы, ср. $*\underline{u}i-n-d- > *\underline{u}id-\eta h-e-$ (Klingenschmitt 1982: 177–178).

Однако в качестве надежных примеров для древнеармянского суффикса $-ne-$ он приводит только $ya\bar{r}net$ и $dnet$, из которых $ya\bar{r}net$ является, по всей видимости, обновлением индоевропейской основы на $*-ni-$ (см. $ya\bar{r}net$), а $dnet$ продолжает, согласно анализу Г. Клингenschmitta, $*d\bar{i}-ne- < *d^heh_1-ne-$, что не отвечает постулируемой закономерности. Кроме того, есть основания полагать, что кластер $*CnH-$ давал в древнеармянском $Ca\eta a-$, ср. $\check{c}ana\check{c}'em < *g\eta H-sk-$.

Вместе с тем, постулат Г. Клингenschmitta о том, что основы на ларингальный являются источником образования презентного суффикса, заместившего назальные инфиксы других классов, кажется вполне убедительным.

Ряд гипотез опирается на сопоставление древнеармянских глаголов на $-ane-/ani-$ с древнегреческими глаголами на $-άνω$, содержащими назальный инфикс в корне (тип $\lambda\mu\acute{\pi}\acute{\alpha}\nu\omega$ ‘оставляю’, аор. $\acute{\epsilon}\lambda\iota\pi\omicron\nu$), ср. Hübschmann 1877: 406. Как заметил еще Х. Педерсен (Pedersen 1906: 357) формальное и функциональное сходство арм. $-anet$ с др.-гр. $-άνω$ может быть результатом параллельного развития. По мнению Педерсена, суффикс $-ane-$ образовывал новые презентные основы от основ корневого аориста, также как

древнегреческие презенсы на *-άνω*.¹ Он также замечает, что примеры типа *lk'anem* (*λιμπάνω*), *dizanem* (*θιγγάνω*) малозначительны, поскольку соответствия в других языках (лат. *linquō*, *finḡō* и проч.) указывают на индоевропейскую древность инфиксального презенса, от которого образовались вторичные презентные основы в древнегреческом.

Независимо друг от друга Ч. Бартон (Barton 1969) и Э. Хэмп (Hamp 1975: 106) высказали гипотезу о развитии в древнегреческом и протоармянском вторичного назального суффикса в слабой ступени, который дал в обоих языках **-an-*, ср. **li-né-kʷ-/*li-n-kʷ-* (лат. *linquo* ‘оставляю’, вед. *riṇakti* ‘оставляет’) → **li-n-kʷ-ŋ-* (др.-гр. *λιμπάνω* ‘оставляю’) → **likʷ-ŋ-* (арм. *lk'anem* ‘оставляю, бросаю’); также **uī-n-d-ŋ-* → **uid-ŋ-* (*gtanem* ‘нахожу’), **bʰe-n-g-ŋ-* → **bʰeg-ŋ-* (*bekanem* ‘ломаю’). И в древнегреческом, и в древнеармянском, согласно данной гипотезе, вторичный суффикс **-ŋ-* по закону Зиверса в позиции после закрытого слога дал **-an-*. Дж. Клэксон (Clackson 1994: 85) упоминает в этой связи литовский каузативный суффикс *-in-* (*bùdinu* ‘бужу’) и хеттский имперфективный суффикс *-annāi-*, указывающие, по его мнению, на возможную индоевропейскую древность суффикса **-ŋ-* (**-^en-*).

Хеттский презентный аффикс *-nin-* (тип *harnink*) позволяют предположить другой сценарий развития, согласно которому индоевропейский инфикс сам по себе развился в результате распространяющегося за пределы морфемной границы назального предвосхищения презентного суффикса. В таком случае суффиксальное *-n-* в рамках гипотезы Бартона-Хэмп могло приобрести слоговой характер именно в процессе вторичной инфиксации по мере того, как корневой слог становился закрытым.

¹ Про глаголы на *-άνω* см. Kuiper 1937: 152 и сл., Schwyzer 1939: 699, Chantraine 1953: 314.

Независимо от вопроса о первичности суффикса или инфикса, данная гипотеза теоретически возможна. Однако поскольку выпадения инфиксального **-n-* в древнеармянском не является регулярным, в рамках данной гипотезы остается установить, была ли основа презенса «прояснена» по аналогии с аористом, или инфикс выпал в силу фонетических причин. Первому варианту противоречит значительное число примеров, где основа аориста была, напротив, обновлена по образцу презентной основы (ср. аор. *tolay* от *tolum* из **tolnum*). В случае второго варианта фактическим свидетельством в пользу рассматриваемой гипотезы были бы следы влияния *-n-* на предшествующие *-r-* ($> -\bar{r}-$) и *-l-* ($> -\bar{l}-$):

$$CR-n-C-\underset{\circ}{n}- \rightarrow CaR-n-C-an- \rightarrow CaR^n-C-an-.$$

Однако все без исключения засвидетельствованные основы такой структуры с *-l-* и *-r-* в корне имеют полную *-e-* ступень, ср. *elcanem* ‘порчу’, *stelcanem* ‘создаю’. В связи с этим в рамках гипотезы о вторичной суффиксации остается допустить, что устранение инфикса из корня проходило не в силу выпадения назального сонанта, а путем *обновления основы презенса от протоармянского корневого аориста* (при этом не ясно, обновлялась ли основа презенса на этом этапе с помощью суффикса **-ane-* или какого-либо другого продуктивного презентного суффикса, например, **-ie-*).

Кажется маловероятным сценарий, предложенный Ф. Кортландтом, согласно которому *-an-* развилось из слогового **-n-* после кластера, состоящего из конечного смычного корня и *-s-* сигматического аориста (Kortlandt 1996: 42). Такое развитие предполагает либо относительно позднюю вокализацию сонанта (после образования вторичных презентных основ от обновленных сигматических аористов), либо то, что новая презентная основа была образована с помощью уже вокализовавшегося *-an-*. Последнее возможно, но в рамках гипотезы Ф. Кортландта остается необъясненным источник аналогии презентного форманта *-an-*.

Наконец, ряд гипотез основывается на предположении, что суффиксы *-ane-* и *-ani-* вообще не связаны с назальными презенсами генетически, а замещали в период своей продуктивности более архаичные основы презенса, в том числе и назальные презенсы, добавляясь к основе корневого аориста.

Так, например, Дж. Греппин (1973: 192–193) высказал предположение о том, что основы на *-ane-* восходят к именному суффиксу *-n-* неизвестного происхождения, который часто прибавляется в древнеармянском к индоевропейским именным основам без изменения их значения¹. К таким основам относятся, например, *jukn* ‘рыба’, *tukn* ‘мышь’, *otn* ‘нога’ и *akn* ‘глаз’. По мнению Дж. Греппина, частотная форма этого суффикса, *-an-*, появляющаяся в составе композитов, а для некоторых существительных в формах родительного падежа единственного числа, могла обобщиться в словообразовательной модели, служащей для образования отыменных глаголов на *-ane-*. В частности он рассматривает *harc'-ane-m* ‘спрашиваю’ как деноминатив от *harc'* ‘вопрос’.

С этой гипотезой, однако, невозможно согласиться. Образование глагольных форм от основы косвенных падежей действительно засвидетельствовано, однако, с закономерным суффиксальным аористом.

¹ Большинство приведенных Дж. Греппином примеров, как справедливо заметил Э. Хэмп (1975: 100), продолжают индоевропейские корневые имена. Как полагает А. Нуссбаум (Nussbaum 1986: 193–220), индоевропейским корневым основам среднего рода было свойственно распространение суффикса **-n-* (возможно, по аналогии с **-en-* локатива, но в нулевой ступени суффикса, см. также Godel 1970: 143–144). Так, например, *akn* может продолжать индоевропейскую основу слабых падежей **h₃ekʷn-*, ср. герм. *augan-* ‘глаз’ (Nussbaum 1986: 201 и сл.). Б. Ольсен рассматривает для слов *jukn* и *tukn* возможность наличия в них рефлекса вторичного суффикса **-nt-*, использовавшегося для образования обозначений животных, ср. ст.-сл. **тѣльць** ‘теленка’, др.-гр. *κεμῶς* ‘лань’, *μεμβράς* ‘сардина’. Этот суффикс в безударной позиции закономерно дал бы *-an-*, отличающее родительный падеж этих слов от родительного падежа слов типа *otn* (род. пад., ед.ч. *otin*).

Так, например, от *c'akn*, род. пад. *c'akan* 'нужда' по продуктивной модели образован деноминативный тематический глагол *c'akan-em* 'быть в нужде', аор. *c'akan-es'i*; *bažin* 'доля', род. пад. *bažan* (*bažan-akan* 'делимый', *bažan-abar* 'отдельно'), през. *bažan-em*, аор. *bažan-es'i*. Этот тип глаголов, несомненно, опознавался как деноминативный, благодаря суффиксальному аористу, существованию в языке мотивирующей именной основы и отчетливой деноминативной семантике. Нет оснований полагать, что тематические основы таких глаголов были переосмыслены как основы *-ane-* от несуществующих кроме как в этих глаголах корней и повлияли на более архаичные глагольные классы с корневым аористом. Скорее можно ожидать интерференцию этого типа при выделении тематической гласной из уже существующих основ на *-ana-*, *-ane-* и *-ani-*. Другим, на наш взгляд, более важным источником метаанализа деноминативных основ могут являться отглагольные существительные на *-an-*, ср. *ank-an* 'смесь' от *ank-ane-m* (аор. *ank-i*) 'смешиваю'.

1.2.2.3. Инфиксация как источник суффикса *-ni-*. Согласно традиционной точке зрения (ср. Meillet 1936: 112–113) древнеармянский суффикс *-ni-* восходит к индоевропейским основам **-neϋ/ni-*. При этом лишь несколько дреанеармянских презентных основ непосредственно продолжают индоевропейскую. Древнеармянский суффикс может либо продолжать нулевую ступень индоевропейского суффикса **-neϋ/ni-* (Godel 1975: 125), либо является результатом слияния аблаутных форм протоармянского суффикса **-nī/ni-* (ср. Klingenschmitt 1982: 106, 346).

Х. Педерсен (Pedersen 1906: 358) предложил рассматривать *-nit* как продолжение **-ni-mai*, ср. арм. *zgenit*, др.-гр. *ἐννιμαί* 'одеваться'. При этом в *-net* он видит нерегулярное развитие **-néϋ-mi*. Второе предположение маловероятно с формальной точки зрения.

Характерной чертой презентных основ на *-ni-* в древнеармянском является вариативность с презентным суффиксом *-č'* и основа аориста на *-i-*.

Основа аориста *-i-*, наряду с основой активного корневого аориста, восходит к стативному суффиксу **-ē-* (ср. Godel 1975: 121; Klingenschmitt 1982: 255; Kortlandt 1987: 51).

По мере того, как за аористным суффиксом **-ā-* закреплялось медио-пассивное значение, он стал присоединяться к аористным основам на *-i-*, откуда *-ea-*.

Индоевропейский суффикс **-eh₁-* (**-ē-*, а также в составе формантов **-ē-s-*, **-ē-sk-*), вероятно, выражал стативное или инхоативное (фиентивное)¹ значение (см. LIV²: 25; Fortson 2005: 90–91). Вероятно, в индоевропейском с помощью этого суффикса от именных основ образовывались глаголы со значением «иметь или получать признак/качество X» (где X – мотивирующая именная основа). В дочерних языках он развил различные употребления. Так, например, в он сохранился в древнегреческих непереходных пассивных аористах на *-η-* (ср. аор. *ἐμάνην*, през. *μαίνομαι* ‘свирепствую’), к нему восходит часть латинских глаголов 2-го спряжения на *-ē-* (ср. *habēre* ‘иметь’), 3-й класс германских слабых глаголов на *-ēn* (ср. *habēn* ‘иметь’)²; славянские глаголы с аористом на *-ѣти*, литовские – на *-eti* (ср. инф. *minėti*, през. *miniù* ‘помню’), 3-й класс тохарских непереходных глаголов на *-e-* (B) и *-a-* (A)³.

¹ Далее в работе для обозначения грамматической категории, выражающей переход субъекта в новое состояние, либо становление какого-либо признака субъекта, употребляется термин *инхоатив*. В ряде работ (Klingenschmitt 1982; LIV²) для обозначения того же значения употребляется термин *фиентив* (нем. Fientiv).

² См. анализ германских глаголов на *-ēn* в Aumann 1935. Автор демонстрирует, что почти полное отсутствие следов стативного суффикса **-ē-* в восточно- и северогерманских языках объясняется тем, что в этих языках данный суффикс был замещен *-nan-*, другим суффиксом со тативным и инхоативным значением при непереходных глаголах. Э. Ауманн приходит к выводу, что засвидетельствованный в древнверхненемецком суффикс *-ē-* является общегерманским архаизмом.

³ Возможно, суффикс **-ē-* проник в балто-славянскую аористную основу данного глагольного класса из парадигмы отыменных основ на **-ē-*. Форма презенса же этих глаголов восходит к индоевропейскому перфекту, ср. ст.-сл. *мнѣ-ти*, лит. *mini* < **mn-ei*

Материал различных индоевропейских языков свидетельствует о том, что стативный суффикс **-ē-* присоединялся к нулевой ступени корня, ср. др.-гр. *χαρῆναι* ‘радоваться’, ст.-сл. *бѣдѣти*, лат. *vidēre* ‘видеть’. Таким образом, архаичными можно считать те древнеармянские аористы на *-i-*, которые отражают нулевую ступень корня.

В составе отыменных основ стативный суффикс **-ē-* засвидетельствован в древневерхненемецком (ср. *altēn* ‘стареть’), старославянском (ср. *цѣлѣти* ‘исцелять’), литовском (ср. *senėti* ‘стареть’)¹, латинском (ср. *senēre* ‘стареть’)², кельтских языках (ср. др.-ирл. *ruidi* ‘цветет’ < **rud^h-ē-t*). Как убедительно показал К. Уоткинз (Watkins 1973), деноминативный стативный суффикс, хотя и засвидетельствован во вторичных основах, может быть не менее архаичным, чем глагольный. К. Уоткинз также указывает на случаи, когда стативный суффикс замещает основообразующий суффикс прилагательного; ср. лат. *acus* ‘игла’, субстантивировавшееся прилагательное от **ak-u-* ‘острый’, наряду с *acēre* ‘быть острым’; лат. *macer* ‘тонкий’, др.-гр. *μακρός* ‘длинный’ из **mac-ro-*, наряду с *macēre* ‘быть тонким’, и т. д.

Это наблюдение может быть релевантным при обсуждении происхождения древнеармянского аориста на *-i-* при презенсах на *-ni-*: у истока этого глагольного класса могут стоять индоевропейские прилагательные с основой на *-u-* от которых были образованы, с одной стороны, инфиксальные презентные основы на *-ni-*, а с другой – стативные

(Kurylowicz 1964: 77, 79–84). Е. Курилович считал суффикс **-ē-* показателем аориста, причем в соответствующих типах латинских и германских глаголов речь, по его мнению, идет о новообразованиях. См. опровержение этой точки зрения в Watkins 1973.

¹ В балто-славянских языках суффикс преимущественно выражал инхоативное значение и входил в состав презентной основы на **-ē-je/o-*.

² См. Mignot 1969: 81–144, где приведен список отыменных стативных глаголов на *-ē-* и обоснование архаичности суффикса.

основы на *-i-* (< **-ē-*), перешедшие вместе с индоевропейскими перфектными основами в древнеармянский аорист.

В ряде языков от стативной основы были образованы вторичные суффиксы **-ē-s-* и **-ē-sk-*.¹ В хеттском засвидетельствован инхоативный суффикс *-ēš-* < **-ē-s-* (ср. *ḫāt-* ‘сохнуть’ → *ḫāt-ēšš-* ‘становиться сухим’)². В древнегреческом группа глаголов на *-εω*, образованных в большинстве случаев от именных *s*-основ, имеют нерегулярные формы аориста на *-ησα* и будущего *-ησω* (Chantraine 1953: 349; Watkins 1994: 184–185), которые могут восходить к архаичным аористным основам на **-ē-s-*, засвидетельствованным для хеттского; все относящиеся к этой группе глаголы имеют стативное значение. В латинском засвидетельствован инхоативный суффикс *-ēsc-* (< **-ē-sk-*), ср. *flaccus* ‘слабый’ → *flaccēre* ‘быть слабым’ → *flaccēscere* ‘становиться слабым’ (см. Mignot 1969: 145–228).

1.2.2.4. Гипотезы о деривационной базе новообразований с назальными суффиксами.

То, что значительное число глаголов с назальными суффиксами, восходящих к корням с исходом как на ларингальный, так и на смычный, не содержат рефлекса назального инфикса, что они имеют *e*-огласовку корня, а также то, что некоторые из них оканчиваются на неэтимологичекый согласный (глаголы типа *hesnum* ‘сидеть (в седле)’ от индоевропейского

¹ Еще К. Бругманн (Brugmann, Delbrück, 1906–1916: 2.2.1029., 2.3.1.350) отметил параллелизм глагольных суффиксов **-s-* и **-sk-*. В дальнейшем это наблюдение было развито в Иванов 1965: 139–174, Watkins 1969: 56 и Watkins 1973. Так, например, К. Уоткинз указывает на параллелизм между хеттским суффиксом *-šk-* и лув. *-šš-*; тох. А *-s-*. Данный параллелизм прослеживается и в более широкой индоевропейской перспективе. Так, например, хеттскому инхоативному суффиксу *-ēš-* соответствует латинский инхоативный суффикс *-ēsk-*, др.-ирл. *céssaim* ‘страдаю’ < **k^unth-s-* и др.-гр. *πάσχω* ‘id.’ < **k^unth-sk-*.

² А. Клуххорст (Kloekhorst 2008: 126) возводит хеттский инхоативный суффикс к и.-е. **-éh₁-sh₁-*.

корня **sed-* ‘сидеть’), послужило основанием для предположения о том, что в протоармянском действовала деривационная модель образования вторичных презентных основ (в том числе основ на *-ane-* и *-ani-*) от протоармянских корневых аористов или от архаичных презентных основ.

Было предложено два варианта звукового развития: сочетание конечной дентальной фонемы с **-s-*, суффиксом сигматического аориста, либо с **-j-*, начальным элементом презентного суффикса **-je/o-*.

Так, Р. Годель (Godel 1960: 147; Godel 1975: 123) восстанавливает для протоармянского следующие презентные основы:

CoC-é-je-, ср. **srou-é-je-* ‘лить’, арм. *ořogem*, вед. *srāvayati* ;

CeC-je-, ср. **h₃nejd-je-* ‘поносить’, арм. **anicem*.

Согласно распространенной точке зрения, древнеармянский корневой аорист, который соответствует презентным классам *-ane-*, *-ne-*, *-ani-*, *-ni-*, *-na-*, а также *-u-*, продолжает индоевропейский имперфект и аорист.

Так, например, А. Мейе (Meillet 1936: 113–114) видел в древнеармянском корневом аористе следы индоевропейского тематического имперфекта (арм. *eber* ‘принес’, др.-гр. *ἐφερε*) и тематического аориста (арм. *elik*, др.-гр. *ἐλιπε*). Учитывая тот факт, что в парадигме тематического имперфекта содержалась как полная ступень корня, так и нулевая ступень корня, а тематический аорист мог иметь только нулевую ступень, с уверенностью можно говорить только об имперфектном происхождении первичных основ древнеармянского аориста, содержащих полную ступень корня, например, *nerki* ‘покрасил’ (см. *nerkanem*). Хотя и в этом случае возможно вторичное аналогическое выравнивание по аналогии с основами настоящего времени или именными формами. Таким образом, различие рефлексов тематического имперфекта и аориста в рамках гипотезы А. Мейе затруднительно.

Поскольку индоевропейские имперфектные основы образовывались от презентных основ путем замены первичных окончаний на вторичные и, в

ряде языков, добавления аугмента, из гипотезы А. Мейе в частности следует, что древнеармянские презентные классы *-ane-*, *-ne-*, *-ani-*, *-ni-*, *-na-* и *-u-*, имеющие при себе корневой аорист, восходящий к индоевропейскому имперфекту – вторичны и заместили индоевропейские тематические презентные основы (Godel 1975: 113). Архаичными, по его мнению, являются бессуффиксальные варианты *lizem* ‘лижу’ (наряду со вторичной основой *lizanem*), *ořogem* ‘орошаю’ (наряду со вторичной основой *ořoganem*) и проч.¹

В рамках этой гипотезы изменение характера конечного смычного корней на согласный произошло в результате специфических звуковых изменений в группах согласных типа *C-je-* основ презенса с последующим выравниванием консонантизма основы аориста по аналогии с основой презенса (см. также Godel 1975: 81–82; Klingenschmitt 1982: 196; Olsen 1988). Так, например, согласно такому сценарию, *hec-* в *hecnum* восходит к и.-е. **sed-je/o-* ‘сидеть’, ср. прагерм. **setja-*, др.-ирл. *-said*, др.-гр. *έζω*.

Р. Годель предложил следующие звуковые переходы для развития индоевропейских групп согласных **-C-je-* в древнеармянском (знаком вопроса отмечены звуковые переходы, которые Р. Годель постулирует, исходя из системных соображений, но которые он не подтверждает примерами):

<i>*-tj̥-</i> > <i>-c'-</i> (?), <i>-č'-</i>	<i>*-kj̥-</i> > <i>-c'-</i>	<i>*-k̥j̥-</i> > <i>-č'-</i>
<i>*-d̥j̥-</i> > <i>-c-</i>	<i>*-g̥j̥-</i> > <i>-c-</i> (?)	<i>*-gj̥-</i> > <i>-č-</i> (?)
<i>*-dʰj̥-</i> > <i>-j̥-</i>	<i>*-gʰj̥-</i> > <i>-j̥-</i>	<i>*-gʰk̥j̥-</i> > <i>-j̥-</i> (?)

Из непридыхательных серий развития индоевропейских смычных поддержаны примерами (исключая нерелевантные в данном случае глаголы с назальными презенсами) только переходы **-tj̥-* > *-č'-*; **-kj̥-* > *-č'-*.

¹ Только пять глаголов, таким образом, сохранили в своей парадигме архаичные основы презенса и имперфекта одновременно: *aset* ‘приношу’ (аор. *aci*), *berem* ‘несу’ (аор. *beri*), *hanem* ‘тащу’ (аор. *hani*), *helusem* ‘прикрепляю’ (аор. *helusi*) и *nstim* ‘сажусь’ (аор. *nstay*).

Развитие $*-tj-$ > $-\check{c}'-$ поддержано одним примером: *koč'em* < $*g^uot-jē-$ (Meillet 1936: 108; IEW 480; LIV²: 212–213). Как справедливо замечает Б. Ольсен (Olsen 1988: 8), развитие у этого слова фонемы $-\check{c}'-$ может быть объяснено влиянием *goč'em*, а также достаточно многочисленным классом глаголов звучания с $-\check{c}'-$ и $-nč'$ в основе настоящего времени.

Для перехода $*-tj-$ > $-c'-$ Р. Годель не приводит примеров, но в качестве косвенного подтверждения такого развития он приводит параллельное развитие $*-dĭ-$ > $-c-$. Однако развития $*-dĭ-$ > $-c$ ¹ и $*-kĭ-$ > $-c'$ основываются только на глаголах с презенсом на $-ane-$ (которые здесь не учитываются). Б. Ольсен (Olsen 1988: 7–8) приводит следующие примеры в подтверждение перехода $*-tj-$ > $-c'$: *erkic's* ‘дважды’ < $*dūtĭo-$ (ср. вед. *dviťiya-*), *eric's* ‘трижды’ < $*tritĭo-$ (ср. вед. *trťiya-*, др.-перс. *θritiya-*, лат. *tertius*, лит. *trėčias*), c' ‘к’ < $*potj-$ (ср. др.-гр. *ποτι*, ав. *paiti*, др.-перс. *patiy*), *k'ec'* ‘отделять’ < $*sue-tj-o-$ (от основы возвратного местоимения, ср. *svėčias* ‘гость, чужак’), *xuc'* ‘комната’ < $*k^hut-j-ah_2$ (ср. д.-в.-н. *hutta* ‘изба, хата’), а также суффикс условного наклонения $-ic'$ < $*-ē-tj-$ (с метаанализом формы 3 л. ед.ч. в качестве основы условного наклонения).

Для $*-kĭ-$ > $-\check{c}'-$ Р. Годель приводит следующие примеры: *č'ogay* ‘я пошел’ < $*kĭou-ā-$, *č'u* ‘начало, отправной пункт’ < $*kĭu-ti-$; *goč'em* ‘звать’ < $*uok-jē-$ (ср. др.-гр. *όσσα* ‘слух’); *ač'k'* ‘глаза’ < $*okjē-$ (ср. др.-гр. *όσσε* ‘глаза’); $-i\check{c}'-$ < $*-ikĭā-$. Однако все примеры, приведенные на развитие $*-kĭ-$ > $-\check{c}'-$, за исключением $-i\check{c}'-$ отражают развитие лабиовелярного, но не велярного: *č'ogay* и *č'u* < $*k^uĭe-$ (LIV²: 394–395); *goč'em* < $*ĭek^u-jē-$, либо $*ĭek^u-e-$ (LIV²: 673–674, где армянское соответствие не приводится) и *ač'k'* ($*h_3(e)k^u-jē-$, либо $*h_3(e)k^u-i-$).

Из придыхательной серии хорошо засвидетельствовано развитие $*-d^hĭ-$ > $-j-$ (ср. *mej* ‘средний’ < $*med^h-jō-$), при этом единственный глагол с

¹ Впервые предложено в Scheftelowitz 1904: 287, см. также Godel 1965: 24–26.

назальным презенсом и исходом корня на *-j̥-* – *iĵanem* ‘спускаюсь’ традиционно возводится к и.-е. **h₁eig^h-* (см. *iĵanem*).

Дж. Греппин различает развитие группы согласных **-Cj̥-* в палатальные аффрикаты и в дентальные аффрикаты (Greppin 1993: 16). Согласно его гипотезе, группы согласных **-d^hj̥-*, **-dj̥-* и **-tj̥-* дали, с одной стороны, *-j̥-*, *-č-* и *-č’-* соответственно, а с другой стороны, **-d^hj̥-*, **-dj̥-* дали *-j-* и *-c-*. К уже предложенным Р. Годелем, добавляются примеры на развитие **-dj̥-* > *-č-* (*mačar* ‘молодое вино’ < **mad-j̥-*, *oročem* ‘жую’ < **rod-j̥-*) и **-d^hj̥-* > *-j-* (*ginj* ‘кориандр’ < **ġend^h-j̥-*), **-dj̥-* > *-c-*: *alc-* ‘солёный’ < **sald-j̥-* и *mic-* < **meid-j̥-*. Реконструкции последних двух примеров не имеют надежных семантических соответствий (Greppin 1993: 18; Kortlandt 1994: 28). Кроме того морфологическая позиция исхода корня делает возможным реконструкцию другого суффикса (например, **-s-*, ср. Pedersen 1906: 423–427).

Как видно из приведенных выше примеров постулируемые Р. Годелем звуковые переходы в целом крайне ненадежны. С уверенностью можно принять только переходы **-k^u-* > *-č’-*, **-tj̥-* > *-c’-*, **-d^hj̥-* > *-j̥-*.

В пользу гипотезы Р. Годеля приводятся также следующие аргументы:

1) Выравнивание консонантизма аористной основы по аналогии с презентной основой в древнеармянском засвидетельствовано довольно хорошо: *toġum*, аор. *toġi*; *zarkanem*, аор. *zarki* (наряду с *harkanem*, аор. *hari*). Бесспорных свидетельств обратного процесса образования основы презенса от основы аориста в древнеармянском или протоармянском нет.

2) Глагол *harkanem* мог быть образован только от основы презенса, ср. аорист *hari* (этот аргумент зависит от того, принимается ли для объяснения различия основ презенса и аориста гипотеза супплетивизма или архаичного презентного суффикса *-k-*).

3) Период продуктивности вторичных презентных основ на **-j̥e-* подтверждается данными других глагольных классов: *-č’-* < **-(s)k-j̥e-*, возможно, тип *plpġem* < **pul-pul-j̥e-*.

Вместе с тем остается необъясненным, каким образом из протоармянского глагола были устранены рефлексы индоевропейских назальных презенсов. В рамках гипотезы Р. Годеля остается предположить, что на раннем этапе развития протоармянского инфиксальные презенсы были полностью вытеснены продуктивным классом презенсов на *-je-*; при этом не ясно, образовывались ли новые презенсы от основы аориста или от корня.

Высказывалось также предположение в том, что древнеармянские основы настоящего времени, содержащие назальные суффиксы образовывались от корневого аориста, который, в свою очередь, продолжает помимо индоевропейского корневого также и сигматический аорист (Pedersen 1905: 206; Pedersen 1906: 423–424; Kortlandt 1987: 51).

В рамках гипотезы, высказанной впервые С. Бугге и развитой Х. Педерсеном, нерегулярное отражение конечной согласной ряда древнеармянских корней объясняется их происхождением от индоевропейского сигматического аориста с исходом на **-C-s-* (см. Bugge 1893: 47; Pedersen 1905: 206; Pedersen 1906: 423–427; Kortlandt 1987; Kortlandt 1994). В рамках данной гипотезы предлагаются следующие звуковые переходы:

<i>*-ts-</i> > <i>-c'-</i>	<i>*-ks-</i> > <i>-c'-</i>
<i>*-ds-</i> > <i>-c-</i>	<i>*-ǵs-</i> > <i>-c-</i>
<i>*-dʰs-</i> > <i>-z-</i>	<i>*-ǵʰs-</i> > <i>-z-</i>

наряду с **-ss-* > *-s-*, **-ns-* > *-s-*, **-ls-* > *-lc-*. Перечисленные звуковые переходы не поддержаны примерами, помимо глаголов, содержащих назальные суффиксы. Таким образом, с фонологической точки зрения засвидетельствованный языковой материал не имеет доказательной силы для верификации предлагаемого в рамках теории обновления суффиксальных основ настоящего времени от основы аориста.

Отнесение отдельных древнеармянских глаголов с исходом основы аориста на *-uc-*, *-us-*, *-uj-* к индоевропейской корневой или сигматической

основе затруднено тем, что после *-u- индоевропейские *-k-, *-g- и *-g^h- палатализовались, переходили в *-k̥-, *-g̊-, *-g̊^h- и отражались в армянском как -s-, -c- и -z- (Meillet 1936: 37). Таким образом, в глаголах типа *bucanem* аористная основа *buc-* закономерно может восходить как к **b^heuḡ-* (Meillet 1936: там же), так и к **b^heuḡ-s-* (Kortlandt 1996: 42).

С морфологической точки зрения предлагались следующие аргументы.

1) Б. Ольсен (Olsen 1988: 13, прим. 3), выступая против гипотезы происхождения суффиксальных презентных основ от аориста, упоминает следующие аргументы: во-первых, в индоевропейском назальным презентам соответствовали корневые аористы, а не сигматические; во-вторых, примеры типа *hesnum* указывают на полную, а не продленную ступень корня, которая согласно наиболее распространенному мнению была свойственна ряду форм парадигмы сигматического аориста; в-третьих, постулируемым рефлексам сигматических форм в древнеармянском не соответствуют сигматические аористы в индоевропейском.

Ни один из приведенных Б. Ольсен аргументов не может считаться решающим, а последний является фактически ошибочным (только среди основ на *-ane-* и *-ani-*, которые гипотетически могли быть образованы от сигматического аориста, 4 имеют соответствия в других языках, продолжающие индоевропейский сигматический аорист, ср. *anicanem*, наряду с мл.-авест. *nāist* ‘обругал’ < и.-е. **h₃néid-s-*).

Как было показано выше, древнеармянские назальные суффиксы не продолжают напрямую индоевропейские инфиксальные основы, следовательно, нет оснований ожидать для древнеармянских суффиксальных основ именно корневого аориста. Большое число рефлексов слабой ступени корня в суффиксальных презентсах, предположительно образованных от корневого аориста (ср. *mtanem*, *harkanem* и др.), указывает на то, что в процессе образования презентсов от сигматического аориста также могла быть использована основа множественного числа с полной ступенью корня.

2) Напротив, критикуя гипотезу происхождения суффиксальных презентных основ от презенса, Ф. Кортландта (Kortlandt 1994: 28) указывает на то, что презентные основы с назальным суффиксом никогда не образовывались от презенсов на *-ĭe-*, тогда как сами презенсы на *-ĭe-* во вторичных образованиях засвидетельствованы в глаголах на *-č'e-* из **-sk-ĭe-* (Meillet 1936: 109). В этой связи интересно рассмотреть глаголы, в которых, наряду с назальным презенсом, засвидетельствован бессуффиксальный вариант с презенсом на *-e-* и аористом на *-ec' -*. Так, например, *anicanem* (аор. *anici*) имеет вариант *anicet* (аор. *anices'i*). Нельзя исключать, что форма *anicet*, в которой есть все необходимые условия для развития дентального по сценарию Р. Годеля, архаичнее суффиксальной презентной основы, и что новый презенс был образован от старой презентной основы **anic-*, а не от основы аориста. Уподобление консонантизма аориста консонантизму презенса подтверждается глаголами, в которых аорист демонстрирует неэтимологические *-r̄-* и *-l-*, развившиеся в презентных основах в соседстве с назальным суффиксом, ср. *aṛnum* 'брат', аор. *aṛi*. Это позволяет допустить, что таким же образом аорист **anitec'i* перешел в *anices'i*, либо **aniti* перешел в *anici* (в случае, если назальные презенсы развились на основе класса глаголов в синхронии характеризующихся презенсом на *-e-* и корневым аористом, ср. *aset* (аор. *aci*) 'веду', *beret* (аор. *beri*) 'несу', *hanem* (аор. *hani*) 'тащу') под влиянием *anicet* < **h₃neid-ĭe-*.

Как видно из вышеизложенного, вопрос о происхождении презентных суффиксов *-ane-*, *-ne-*, *-ani-*, *-ni-*, а также вопрос о мотивирующей основе в рамках деривационной модели, по которой были образованы новые презентные основы, остается открытым. В следующей главе приводится анализ глаголов, для которых в древеармянском засвидетельствованы презентные основы с назальными суффиксами.

2. ДРЕВНЕАРМЯНСКОЕ ПРЕЗЕНТНЫЕ ОСНОВЫ С НАЗАЛЬНЫМИ СУФФИКСАМИ

В данной части работы приводится детальный анализ фактического языкового материала с целью верификации гипотез происхождения различных глагольных классов, рассмотренных в предыдущей части. Глагольные классы сгруппированы следующим образом: основы на *-na-* и *-ana-* (раздел 2.1.); основы на *-ane-* и *-ani-* (раздел 2.2.); основы на *-ne-* и *-ni-* (раздел 2.3.); основы на *-ni-*; основы на *-nč'-* (раздел 2.4.). Такая группировка во многом обусловлена выводами о происхождении перечисленных глагольных классов, сделанными в результате исследования, и может заведомо противоречить анализируемым в данной части работы гипотезам.

Рассмотрение конкретных глаголов предваряется характеристикой глагольного класса с синхронной точки зрения, классификацией входящих в тот или иной класс глаголов в соответствии с морфологическими, синтаксическими и семантическими характеристиками, важными для синхронного сопоставления различных глагольных классов между собой.

Отдельные глаголы характеризуются с точки зрения их синхронного употребления в классическом древнеармянском языке (реже указываются пост-классические свидетельства). В частности, нас будет интересовать, какие префиксальные и суффиксальные формы образуются от одного корня, и каким образом в рассматриваемых формах выражены залоговые оппозиции. Затем приводится этимологический анализ, цель которого – установить: а) содержит ли основа исконный суффикс или же она является протоармянским новообразованием; б) вокализм корня, важный для определения деривационной базы в случае новообразований; в) конечный согласный корня (что в ряде случаев является важным аргументом в обсуждении гипотез, рассмотренных в *Главе I*).

2.1. Презентные основы на -na-

К этому классу относятся четыре глагола: *baṛnam* (аор. *barji*) ‘поднимаю’, *daṛnam* (аор. *darjay*) ‘поворачиваюсь’ (раздел 2.1.1.1.), а также *oṛnam* (аор. *oṛnac’i*) ‘вою, реву’ и *spraṛnam* (аор. *spraṛnac’i*) ‘пугаю’ – два последних (раздел 2.1.1.2.) имеют вторичный аорист и синхронно относятся к классу глаголов с презенсом -a-.

Четыре глагола с основой на -na- можно разбить на следующие группы:

1) активные переходные/ медио-пассивные непереходные: *baṛnam*, *spraṛnam*;

2) медио-пассивные непереходные: *daṛnam*, *oṛnam*.

		акт. залог	мед. залог	пасс. залог
1	през.	-na-/-a-		
	аор.	-ø-/-ac’-	-a-	
2	през.		-na-/-a-	
	аор.		-a-/-ac’-	

Валетностные характеристики этих двух типов глаголов можно проиллюстрировать следующими примерами:

1.

- Активный залог: *Barj i ver z-ac’s iwr Yisus*. (Ин. 6:5) «Иисус, возведя очи и увидев...».
- Пассивный залог: *I xonarhut’ean nora datastan nora barjaw* (Деян. 8: 32) «В уничижении Его суд Его совершился (букв. был свершен)».
- Медиальный залог: *Ew anemayn klzik’ p’axean, ew lerink’ i miḵoy barjan*. (Ар.Ю. 16: 20) «И всякий остров убежал, и гор не стало».

2.

Медиальный залог: *Ew es oč’ xstanam, ew oč’ anddēn daṛnam* (Ис. 50: 5) «И Я не воспротивился, не отступил назад».

2.1.1. Первичные презентные основы на *-na-*

Baṛnam, аор. *barji* – акт. (перех.) ‘поднимать’; аор. *barjay* – мед.-пасс. (неперех.) ‘подниматься’ (прич. прош. вр. *barjeal*, кауз. *barjuc'anem*). Варианты медио-пассивного презенса – *baṛnim*, *baṛnanim*¹, *barjeal linim* (аор. *barjay*) ‘являться взятым, унесенным’. К тому же корню относятся прилагательное *barjr* ‘высокий’ и существительное *bowrgn* ‘башня’. NBH, I: 440; HÜB: 428; HAB I: 413–415.

Основа презенса восходит к протоармянскому новообразованию **barj-na-*. Г. Клингenschmitt видит в презентной основе **barjnam* фактитивное протоармянское новообразование на **-nā-* от медиального тематического презенса **b^herǵ^he/o-* по аналогии с инфиксальными назальными презенсами от корней, оканчивающихся на ларингальный (Klingenschmitt 1982: 109–10). Однако, праформа **barj-na-* содержит рефлекс нулевой ступени корня. Была ли нулевая ступень корня основой аориста или презенса, определить затруднительно. Вместе с тем присоединение суффикса **-na-* к корневой морфеме должно было произойти достаточно рано, таким образом, чтобы после выпадения рефлекса **-ǵ^h-* успел произойти переход **-rn- > -ṛn-*.

Основа аориста *barj-* восходит к нулевой ступени индоевропейского корневого атематического аориста **b^hrǵ^h-* от корня **b^hérǵ^h-* (мед.) ‘подниматься’, (акт.) ‘поднимать’², ср. хетт. *park-* ‘id.’, тох. В *pärk-* ‘восходить (о солнце)’, гот. *briggan* ‘приносить, вести’, а также рефлекс

¹ Форма засвидетельствована один раз у Хосровика Таргманича (*Xosrovik T'argmanič*’, см. Thomson 1995: 216), автора 8 века.

² Г. Клингenschmitt предположил, что корень **b^herǵ^h-*, подобно корню **ǵert-* ‘поворачиваться’, имел смещенную парадигму, в которой презенс выражался медиальными формами, а аорист и перфект – активными. Данный тип парадигмы был рассмотрен К. Хоффманном (Hoffmann, 1975). С другой стороны, А. Клухорст (Kloekhorst: там же), на основании анализа хеттского материала, восстанавливает для данного глагола медиальный корневой презент и активный презент на **-ǵé/ó-*.

образованного от корневого аориста причастия **b^hrǵ^hnt-* – др.-инд. *br̥hant-* ‘высокий’, ав. *bərəzant-* ‘высокий’, д.-в.-н. *Purgunt*, и др. (см. Pedersen 1906: 354; LIV²: 78–79; Klingenschmitt 1982: 107–109; Kloekhorst 2008: 636–637).

Daṛnam, аор. *darjay* – (неперех.) ‘поворачиваться, оборачиваться, возвращаться’ (прич. прош. вр. *darjeal* (часто употребляется в качестве наречия со значениями «снова, опять, еще»), кауз. *darjuc’anem* (перех.) ‘возвращаю, поворачиваю, превращаю’). От глагола образовано существительное *darj* ‘поворот, оборот’ откуда *darjadarj* ‘возвращение’ и *darjadarjim* (аор. *darjadarjec’ay*) (неперех.) ‘повернуться несколько раз’. К тому же корню относятся существительное *dowrgn* ‘гончарный круг’¹. NBH, I: 596–597; HAV I: 639.

Основы презенса восходят к протоармянскому новообразованию **darj-na-*. Г. Клингеншмитт предположил, что новая презентная основа заменила тематическую медиальную основу презенса **d^hreǵ^h-e/o-*, ср. алб. *dreth* ‘прясть, скручивать’ (Klingenschmitt 1982: 110). Как и в *baṛna-*, основа *daṛna-* содержит рефлекс нулевой ступени корня. Основы аориста *darj-* восходят к нулевой ступени индоевропейского корневого атематического аориста **d^hrǵ^h-* от корня **d^herǵ^h-/*d^hreǵ^h-* ‘вращать(ся), оборачивать(ся)’ (Clackson 1994: 122–123, Jokl, 1912: 206–208, LIV²: 146), ср. алб. мед. *darjaw* ‘закручиваюсь’ (Demiraj, 1997: 143), возможно, также др.-гр. (дор.) през. *τροῦχω* (Létoublon, Lamberterie, 1980).

¹ Б. Олсен (Olsen 1999: 954) отрицает прямое сопоставление *dowrgn* с др.-ирл. *droch* и др.-гр. *τροχός* ‘колесо’ и предлагает считать армянское слово заимствованием из соседнего индоевропейского *centum* языка.

2.1.2. Презентные основы на *-na-* со вторичным аористом на *-с'*

Хотя рассматриваемые здесь два глагола, *oṙnam* (аор. акт. *oṙnas'i*, мед.-пасс. *oṙnas'au*) и *spraṙnam* (аор. акт. *spraṙnas'i*, мед.-пасс. *spraṙnas'au*) формально относятся к классу глаголов на *-a-*, а не на *-na-* (ср. основу аориста), но являются таковыми по происхождению; основы аориста, несомненно, являются вторичными образованиями от основ презенса.

Oṙnam, аор. *oṙnas'i* (акт.), *oṙnas'au* (мед.-пасс.) – (неперех.) ‘выть’. NBH, II: 517; HAV, III: 565.

Надежной этимологии нет. В отличие от глаголов *baṙnam* и *daṙnam*, основа **or-na-* формально не может восходить к нулевой ступени корня. Поскольку эта основа заместила корневой аорист, на существование которого указывает суффикс *-na-*, точно установить вид корневого аориста нельзя. Одна из возможных корневых этимологий – восстанавливать для этого глагола корень **oru-* (с закономерным развитием **oru-na-* > *oṙ-na-*) и возводить его к **h₃ruH-*, либо **h₃oruH-* от и.-е. корня **h₃reuH-* ‘реветь’, ср. др.-гр. *ὠρῶμαι* ‘реву’, скр. *ruvāti* ‘ревет’, мл.-ав. *uruiuatō* ‘ревуший’ (LIV²: 306–307)¹. Из восстанавливаемых для индоевропейского корня основ армянское **oru-* формально может продолжать только корневой атематический презенс.

Spraṙnam, аор. *spraṙnas'i* (акт.) – (перех.) ‘угрожать, пугать’, *spraṙnas'au* (мед.-пасс.) – (неперех.) ‘пугаться’ (прич. прош. вр. *spraṙnas'eal*). NBH, II: 735–736; HAV, IV: 261.

Согласно общепринятой этимологии данный глагол восходит к и.-е. **sp^herH-* ‘пугать’ (Klingenschmitt 1982: 111; LIV²: 585–586; Meillet 1936: 32, 35). Формально основа презенса может восходить к индоевропейскому назальному презенсу **spr-ne-h₂-*, если корень содержал **-h₂-*. Инфиксальная

¹ Об отражении **h₃-* в древнеармянском см. Beekes 2003: 184.

основа от этого корня засвидетельствована в лат. *spernere* ‘отталкивать, презирать’, др.-исл. *sperno*, др.-англ. *spornan* ‘отталкивать’. Как видно из приведенных примеров, инфиксальная основа демонстрирует парадигму **sper-n-H-/ *spr-n-H-*, которая либо образованная от аориста (по гипотезе К. Штрукка, см. раздел 1.1.), либо развила полной ступень по аналогии с аористом, возможно, еще в индоевропейском (см. LIV², там же). Однако древнеармянская основа согласуется с «нормальной» полной ступенью **spr-né-h₂-*, а не с **sper-n-h₂-*, что может служить аргументом в пользу более позднего изменения вокализма презенса в германских и итальянских языках.

2.2. Презентные основы на -ana-

Данная презентная основа характеризуется доминированием медиальной флексии и основой аориста, образующейся с помощью суффикса *-ac’-*. К этому же классу относятся основы, образованные с помощью суффикса *-ena-*, который представляет собой сочетание конечного гласного корней, оканчивающихся на *-i-*, с суффиксом *-ana-*.

К этому классу относятся 10 первичных глаголов, а также большая группа отыменных глаголов (более 300) с инхоативным значением становления признака, приобретения какого-либо свойства или уподобления чему-либо.

К первичным глаголам на *-ana-* относится 10 глаголов. Эти глаголы распределяются по следующим морфо-синтаксическим типам:

- 1) активные переходные/медио-пассивные непереходные: *banam* ‘открываю’, *luanam* ‘мою’, *t’anam* ‘мочу’;
- 2) медио-пассивные переходные/непереходные: *imanam*, *mořanam*, *stanam*, *uranam*;
- 3) медио-пассивные непереходные: *ənt’anam*, *loganam*, *slanam*.

		акт. залог	мед. залог	пасс. залог
1	през.	-ana-		
	аор.	-ac '-	-ac 'a-	
2	през.	-ana-		
	аор.	-ac 'a-		
3	през.		-ana-	
	аор.		-ac 'a-	

Валетностные характеристики этих трех типов глаголов можно проиллюстрировать следующими примерами:

1.

- Активный залог: *Bac'er i mez z-amenayn berans t'snameac' meroc'*: (Плач 3: 46) «Разинули на нас пасть свою все враги наши.»
- Медиальный залог: а) *Bac'aw ew asēr, tesanem z-mardiks zi šrjīn ibrew z-caṛs* (Мк. 8: 24) «Он, взглянув (*ἀναβλέψας*), сказал: вижу проходящих людей, как деревья».
- Пассивный залог: *...ew greank' banayin. ew ayl girk' bac'aw kenac'...* (Ар. Ио. 20: 12) «... и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни...».

2.

- Активный залог: *Ew oč' goy or imanay, ew oč'ok' ē or xndrē z-Astuac.* (Рим. 3: 11) «нет понимающего; никто не ищет Бога».
- Медиальный залог: *Zi oč' gites ew oč' imanas, ew oč' iszbanē bac'er z-akanjš k'o,...* (Ис. 48:8) «Ты и не слышал и не знал об этом, и ухо твое не было прежде открыто;...».
- Пассивный залог: *Ew anj-n or uxtic'ē č'ar inč' aṛnem, kam bari. əst amenayni z-or inč' uxtic'ē mard erdmamb č'ap'. ew moṛanayc'i ayn y-ač'ac' nora...* (Лев. 5:4) «Или если кто безрассудно устами своими поклянется

сделать что-нибудь худое или доброе, какое бы то ни было дело, в котором люди безрассудно клянутся, и он не знал того (букв. *это было скрыто от его глаз*);...».

3.

- Медиальный залог: *Ew valvalaki ant'ac'aw mi omn i nos'anē*,... (Мт. 27: 48) «И тотчас побежал один из них,...».

2.2.1. Первичные презентные основы на *-ana-*

Banam, аор. *bas'i* – (перех.) ‘открывать’; аор. *bas'ay* – (неперех.) ‘открываться; прозревать’ (прич. *bas'eal*; каузатив не засвидетельствован). В пост-классический период засвидетельствован медиальный вариант презенса *banim*¹. От основы аориста образовано прилагательное *bas'* ‘открытый’. NBH, I: 434; HAV, I: 403–405.

Согласно традиционной этимологии в этом глаголе сохранился индоевропейский корень **b^heh₂-* ‘светить; быть светлым’ откуда ‘освещать; открывать’ и ‘объяснять; говорить’ (DELG 1196; EWAi, I: 259–260; IEW: 104; Klingenschmitt 1982: 112–113; LIV²: 68–69).²

Г. Клингenschmitt реконструирует фактивную презентную основу **b^h-ne-h₂-/*b^h-n₂-h₂-*, предлагая семантическое развитие ‘делать светлым, освещать’ → ‘делать явным, показывать’ (ср. др.-гр. акт. *φαίνω* ‘являю, показываю’, мед. *φαίνομαι* ‘становлюсь явным’) → ‘делать открытым, открывать’. В древнегреческом и албанском засвидетельствована вторичная презентная основа на *-je-*, образованная, по его мнению, на базе назального

¹ У автора 12 в. Карапета Саснеци (Karapet Sasneč'i, см. Thomson 1995: 140).

² К этому же индоевропейскому корню в древнеармянском относятся глагол *bat* ‘говорю’ (из и.-е. **b^heh₂mi*, ср. др.-гр. *φημί* ‘говорю’) и *ban* ‘слово’ (из и.-е. **b^heh₂-ni-*, ср. др.-исл. *bōn* ‘просьба’).

презенса $*b^h\text{-}\eta\text{-}h_2\text{-}\dot{\imath}e/o\text{-}$, ср. др.-гр. (акт.) $\phi\acute{\alpha}\iota\nu\omega$, (мед.) $\phi\acute{\alpha}\iota\nu\omicron\mu\alpha\iota$; алб. *bën* ‘сделал’.

Другое решение, предложенное еще А. Мейе (Meillet 1936: 111) и остающееся, на наш взгляд, более вероятным, заключается в реконструкции для данной основы $*b(e)h_2\text{-}n\bar{a}\text{-}$, ср. *baṛnam* из $*barj\text{-}na\text{-}$; основа аориста при этом восходит к имперфекту $*b(e)h_2\text{-}sk\text{-}$ (ср. др.-гр. (Гом.) $\acute{\epsilon}\phi\alpha\sigma\kappa\omicron\nu$ ‘я говорил’).¹ П. Шантрэн (DELG: 1172) указывает на возможность суффиксального, а не инфиксального происхождения основы и для др.-гр. $\phi\acute{\alpha}\iota\nu\omega$ (ср. также палайск. *pa-na-a-ga-an-zi* ‘он появился’) от $*b^heh_2\text{-}n\text{-}$.

Основа аориста могла также обновиться в армянском на базе архаичного корневого аориста $*b^heh_2\text{-}$ в связи с падением конечного ларингального основы и переходом глагола в класс односложных основ с исходом на гласный. Согласно другой интерпретации, аорист может продолжает основу имперфекса $*e\text{-}b\bar{a}\text{-}sk\text{-}$.

Imanam, аор. *imas’ay* – (перех.) ‘понимать, узнавать’ (причастие не засвидетельствовано, кауз. *imas’uc’anem*). В то время как отглагольные имена *imas’* ‘разумность’ и *imas’ol* ‘умный’ образованы от аористой основы *imas’-*, существительное *imast* ‘значение, смысл, мудрость’ образовано от основы $*ima\text{-}$. NBH, I: 846; HAV, II: 241–242.

Основа презенса является либо образованием от основы $*ima\text{-}$ с помощью суффикса *-na-*, либо от корня $*im\text{-}$ с помощью суффикса *-ana-*. Этимология спорна. Ниже рассмотрены выдвигавшиеся гипотезы.

Корневое *im-* может восходить к $*\bar{e}m\text{-}$, которое может восходить к редуцированному презенсу $*h_1i\text{-}h_1\acute{e}m/h_1m\text{-}$ (ср. лит. *imù*, ст.-сл. **имѣ**

¹ Свидетельства развития ларингального в позиции **-CHR-** отсутствуют; в позиции **-CHC-** ларингальный вокализуется в *-a-* в первом слоге и перед группой согласных, ср. $*ph_2t\bar{e}r > hayr$ ‘отец’ (см. Beekes 2003: 193). Таким образом, кажется оправданной возможность восстанавливать для обоих основ как полную, так и нулевую ступень корня.

‘имею’) или перфекта **h₁e-h₁óm/h₁m-* (ср. лат. *ēmtī* ‘он взял’) от корня **h₁em-* ‘брать; держать; иметь’ (LIV²: 236)¹. Семантическое развитие ‘брать’ → ‘достигать’ (ср. тох. А *yomār* ‘достигают’) → ‘постигать, понимать’ подтверждается арм. (*mtk’ov*) *əmbṛnel* ‘держат (в уме); понимать’, а также семантическим развитием в славянских языках, ср. ст.-сл. **имати**, русс. *понимать* (Jensen 1959: 20–21; Barton 1990–1991: 49²). Для протоармянского, таким образом, можно восстанавливать през. **im-ā-na-* и имперф. **im-ā-sk-* от стативной основы **im-ā-* ‘иметь; знать’, откуда *imast* ‘знание’.

Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 125–126) предлагает рассматривать презентную основу *imana-* либо как фактитив или статив от именной основы **im-* или **eim-* ‘понимающий’, либо как первичный приставочный глагол **i-ma-na-*, восходящий к **en + meh₂-* или **eti + meh₂-* (для древнеармянской презентной и аористной основ он восстанавливает соответственно **eti + m-ṇa-h₂-/m-ṇ-h₂-* и **eti-mah₂-ss-*) от корня **meh₂-* ‘видеть’ (ср. ст.-сл. **съмотрити** (деноминативный глагол от **mh₂-tr-*), др.-гр. *μανθάνω* ‘умею’ < **mh₂-n-d^h-*).³ Данная реконструкция кажется

¹ Ср. Barton 1965: 14, где восстанавливается префиксальная основа **em-ṇnā-* (< **h₁em-nā-*). Такая реконструкция не объясняет начального *i-* в древнеармянском. Назальный презенс засвидетельствован для данного индоевропейского корня в тохарском (ср. тох. А Зл., ед.ч., усл. накл. *yomnās* ‘достиг бы’), однако продуктивность тохарского *-nā-* не позволяет сделать вывод об индоевропейской древности суффикса при этом корне.

² В рамках этой же корневой этимологии Ч. Бартон предлагает несколько иное морфологическое решение. Согласно его взгляду на образование древнеармянских стативных *-a-* основ, он восстанавливает **im-h₁-je-* из **im-eh₁-*. Свидетельства развития ларингала с позиции *-RHW-* отсутствуют. Единственный пример вокализации ларингала в *-a-* в позиции *-RHC-*: *dalar* ‘зеленый, свежий’ < **d^hh₁-ro-* наряду с др.-гр. *θαλερός* ‘цветущий, свежий’ < **d^hh₁-ero-* – не надежен (Beekes 2003: 194–195).

³ В LIV²: 425 корень **meh₂-* со значением ‘подавать знак’ восстанавливается на основании сопоставления др.-гр. *μηνύω* ‘указываю, информирую’ со ст.-сл. **помажти**.

малоубедительной как с морфологической, так и с фонетической точек зрения.

А. Мейе сопоставлял глагол с корнем **men-* ‘думать’ (Meillet 1894: 280; IEW: 728). При этом без объяснения остается начальная гласная.

Сопоставление с тох. В *ime* ‘сознание, знакомство’ (Benveniste 1936: 236) формально проблематично; согласно традиционной этимологии тохарское слово восходит к и.-е. **ueid-mo-* (van Windekens 1976–1982: 184).

Ənt'anam, аор. *ənt'ac'ay* – (неперех.) ‘бежать’ (прич. *ənt'ac'eal*, кауз. *ənt'ac'uc'anem*). Засвидетельствована также приставочная форма *aṛənt'anam* (аор. *aṛənt'ac'ay*) с тем же значением. От глагола образовано существительное *ənt'ac'(k')* ‘бег’. NBH, I: 776; HAV, II: 125–126.

Надежная этимология отсутствует. Этимология, согласно которой *ənt'-* восходит к полной ступени индоевропейского корня **sent-* ‘идти’ (Alayan 1975: 82; IEW: 908; см. также *anc'anem*), уязвима с формальной точки зрения – необъясненной остается отсутствие регулярного озвончения и.-е. **-nt-* > арм. **-nd-* (см. Klingenschmitt 1982: 114)¹.

¹ Ср. *ənd* ‘в’, *ənd* ‘для’, *and* ‘поле’, *kendani* ‘живой’, *spand* ‘убийство’. Попытки объяснить эти примеры как исключения из «нормального» развития **-nt-* > *-n-*, ср. *hun*, *gan* (Viredaz 2004–2005: 97; Viredaz: там же, прим. 66) кажутся неубедительными. Так, например, Р. Виредаз объясняет первые три примера как специфическое развитие в двусложных словах, начинающихся с гласной, в противоположность выпадению **-t-* в двусложных словах, начинающихся с согласной.

Фонетическая природа такой закономерности остается неясной. Слово *spand* он считает армянским новообразованием (из **spán-di*) с добавлением к глагольной основе субстантивирующего суффикса *-di-* (< **-ti-s*), распространившегося на *n*-основу по аналогии с *r*- и *l*-основами, где **-t-* регулярно озвончалось. Слово *kendani* (наряду с *kean-k'*) в рамках гипотезы Р. Виредаза остается без объяснения. Кажется, убедительнее признать существование процесса озвончения *-t-* после назального, хотя и менее регулярного, чем после *-r-* и *-l-*.

Предложенная Г. Клингenschmittом (Klingenschmitt 1982: 115; 2. **peth₂* – LIV²: 479) этимология, согласно которой арм. *ant'ana-* восходит к основе **and-t^hana-*, образованной с помощью приставки от назального презенса **pt-ne-h₂-*/**pt-n₂-h₂-* от **peth₂* ‘лететь’, кажется семантически менее убедительной.

Loganam, аор. *logac'ay* – (неперех.) ‘мыться, купаться’ (прич. *logac'eal*, кауз. *logac'uc'anem* ‘купаю’). В тексте 5 в. «Patmut'iwn Ałek'sandri Makedonas'voу» (Venice, 1842) засвидетельствованы варианты *lokanam* и *lołkanam*, а в недатированном тексте «Girk' Vastakoc'» (ed. L. Ališan, Venice, 1877) – *lolanam*. От глагола образовано существительное *logank'* ‘купание’. NBH, I: 891; HÜB: 452; HAB, II: 291.

См. *luanam*.

Luanam, аор. (акт.) *luac'i* – (перех.) ‘мыть’; аор. (мед.) *luac'ay* – (неперех.) ‘мыться, умываться’ (прич. *luac'eal*, каузатив не засвидетельствован). От основы аориста образовано существительное *luac'k'* ‘мытьё, отбеливание’ и *luac'ank'* ‘омовение’. NBH, I: 893; HÜB: 454; HAB, II: 300.

Было предложено два варианта реконструкции данного глагола. Согласно первому, армянский глагол сопоставляется с др.-гр. *πλύνε/ο-* ‘стирать, полоскать’ (Meillet 1936: 111; DELG: 919) и восходит к индоевропейскому корню **pleu-* ‘плыть’ (LIV²: 487–488). В древнегреческом с помощью суффикса *-νε/ο-*¹ от медиального тематического презенса **pleu-e/o-* с непереходным значением «плыть» был образован активный глагол с переходным значением «мыть». Корневое безударное *lu-* в рамках этой

¹ Согласно Г. Клингenschmittу (Klingenschmitt 1982: 116), данный суффикс, восходящий к **-n-je/o-*, является новообразованием, заместившем факитивную основу **-nā-*.

этимологии формально может восходить к **plu-*, либо к **pleu-* (ср. также Klingenschmitt 1982: 116).

Согласно другой этимологии, *luanam* вместе с *loganam* (см. *loganam*) ‘мыться, купаться’ могут восходить соответственно к формам *luh₃-* и **leu_{h3}-* индоевропейского корня **leu_{h3}-* ‘мыть(ся)’, ср. лат. *lavāre* (неперех.) ‘мыться’ vs. *lavere* (перех.) ‘мыть’ и проч. (Klingenschmitt 1982: 116–118; LIV²: 418).

Глагол *loganam* Г. Клингеншмитт объясняет расщеплением парадигмы корневого презенса индоевропейского глагола, при котором полная ступень основы **leu_{h3}-ā-* закономерно дала арм. *loga-*, а нулевая **luh₃-ā-* – арм. *lua-*. Без объяснения Г. Клингеншмитт оставляет процесс дифференциации значений, в результате которого за одним вариантом презентной основы закрепилось медиальное значение «мыться», а за другим – активное переходное «мыть».

Сопоставление с моделью образования основ на *-na-* от нулевой ступени корня, по которой образовались глаголы типа *baṛnam*, вполне удовлетворительным в рамках этой этимологии кажется возведение *luana-* к **luh₃-na-*.¹

Moṛanam, аор. *moṛas'ay* – (мед.-пасс, перех.) ‘забывать’ (прич. *moṛas'eal*; кауз. *moṛas'uc'anem*). В пост-классических текстах также засвидетельствована пассивная форма презенса *moṛanim* ‘быть забытым; потерянным’. NBH, II: 297; HÜB: 475; HAV, III: 346.

Основа *moṛana-* является протоармянским новообразованием, которое восходит к индоевропейскому корню **mers-* ‘забывать’² (LIV²: 440–441;

¹ Предложенное Б. Олсен развитие ларингала *-WhC-* > *-WaC-* (т.-н. «Armenian breaking») вполне вероятно, ср. *ǵelh₁u-h₃n-eh₂-* > арм. **jeluan* ‘черепаший’, ср. др.-гр. *χελύνη* ‘губа, створка’ (Olsen 1999: 133).

² Ч. Бартон (Barton 1990–1991: 49) предлагает на основании значений, засвидетельствованных в хеттском и германских языках, восстанавливать *«быть

EWAI, II: 332). В индоевропейском *o*-степень для этого корня восстанавливается в перфекте **(me-)mórs-* (ср. вед. *pra-tamárṣa* ‘является забывчивым’, тох. В *mārsam* ‘быть забытым’) и каузативе **mors-éje-* (ср. вед. *marṣayanti* ‘дают забыть’, гот. *marzjan* ‘мешать’). Кроме древнеармянского, *-na-* презенс засвидетельствован также в тох. А *mārsneñs* ‘забывают’, однако, учитывая продуктивность тохарского суффикса, его едва ли можно учитывать как надежное соответствие.

Гипотеза об отыменном происхождении глагола предложена Г. Клингenschмиттом (Klingenschmitt 1982: 126–127). Преимущество этой гипотезы состоит в том, что объясняется вокализм корня *moř-* < **mors-*. Субстантив от данного корня засвидетельствован хеттским прилагательным *maršant-* ‘ложный’ от прото-анат. **mṛsa-* < и.-е. **mṛs-o-* (Kloekhorst 2008: 561–562). И все же отсутствие каких-либо свидетельств унаследованных от индоевропейского именных основ с этим корнем в армянском побуждает считать *mařanam* первичным глаголом.

Slanam, аор. *slac'ay* – (неперех.) ‘лететь, нестись; перелетать, пересекать’ (прич. *slac'eal*, кауз. *slac'uc'anem*). NBH, II: 717; HAV, IV: 223–224.

Сопоставление с алб. *sūljem* ‘бегу, бросаюсь’, ст.-сл. **сѣлъжъ**, **сѣлати**, голл. *hollen* ‘бежать рысью’, возможно, также др.-инд. *prasulati* ‘проталкивать’ (Фасмер, IV: 667) указывает на индоевропейский корень **kuel-*. Сопоставление не надежно (ср. Pedersen, 1900: 338, который указывает на сомнительный характер албано-славянского соответствия и, вообще, не упоминает армянский глагол), однако формально допустимо.

непригодным, испорченным», откуда «быть умственно непригодным» → «не помнить». Такое сужение значения он считает инновацией во всех остальных языках.

Stanam, аор. *stac'ay* – (перех.) ‘владеть, получать; создавать, устанавливать’ (прич. *stac'eal*, кауз. *stac'uc'anem*). У пост-классических авторов также встречаются презентные основы *stanim* и *stac'anim*. От глагола образованы существительные *stac'k* ‘приобретение’. NBH, II: 742; HÜB: 492; НАВ, IV: 269–270.

Глагол восходит к и.-е. **steh₂-* ‘стоять’ (LIV²: 590–592). Презенс может восходить либо к слабой ступени индоевропейского назального презенса **st-né/ṇ-h₂-*, хорошо засвидетельствованного для этого корня (Klingenschmitt 1982: 112), либо к основе с назальным суффиксом **-nā-*. Сходное семантическое развитие «ставить» → «посылать» обнаруживается в лат. -*stināre* (e.g., *destināre* ‘предназначать’, etc.), русс. *по-с-тав-лять*; дальнейшее развитие «посылать» → «получать», которое можно приписать в древнеармянском конверсивной функции медио-пассивного залога,¹ засвидетельствовано в ср.-перс. *stanam* ‘получать’.

Сопоставление с латинским указывает на каузативное значение «посылать, доставлять»; при этом каузативное значение может быть отождествлено как с инфиксальной основой, так и с суффиксом **-nā-*.

T'anam, аор. *t'ac'i* – (перех.) ‘увлажнять, смачивать, мочить’, аор. *t'ac'ay* – (неперех.) ‘увлажняться, намокать’ (прич. *t'ac'eal*, кауз. *t'ac'uc'anem*). Сюда же относится существительное *t'an* ‘похлебка’. NBH, I: 795; НАВ, II: 150–151.

Согласно традиционной этимологии, глагол восходит к и.-е. **teh₂-* ‘таять, становиться влажным’, ср. ст.-сл. **ТАЯТИ**, оссет. *taĩn* ‘таять’, др.-гр. *τηκε/ο-* ‘растопить’ (2. **teh₂-* – LIV²: 616; IEW: 1053). В других индоевропейских языках назальный презенс **t-né-h₂-* (Klingenschmitt 1982:

¹ Конверсивная функция медио-пассивного залога может является здесь архаизмом. На существование ее у индоевропейского медиального залога указывает, в частности, вед. *dā-* (акт.) ‘давать’ : *a-dā-* (мед.) ‘брать’, *dhā-* (акт.) ‘класть’ : *(ā-)dhā-* (мед.) ‘брать’, и проч.

114) для этого корня не засвидетельствован. Следовательно, наиболее вероятно, что древнеармянский глагол продолжает вторичную протоармянскую основу **ta-na-* с фактитивным транзитивным значением «мочить, делать влажным», образованным от корневого презенса с непереходным инхоативным значением «становиться влажным».

Вокализм корня неоднозначен.

Uranam, аор. *urac'ay* – (перех., неперех.) ‘отрицать, отречься’ (прич. *urac'eal*, кауз. *urac'uc'anem*). От глагола образовано существительное *urast* ‘отрицание’. NBH, II: 558–559; НАВ, III: 614–615.

Вероятно, от индоевропейского корня **h₂er-* ‘громко говорить, кричать’ (3. **h₂er-* – LIV²: 271). Древнеармянская презентная основа указывает на *ō*-огласовку корня.¹ На основании этого Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 127) сделал предположение о том, что *uranam* является деноминативным глаголом, образованным от именной основы **h₂ōr-*, ср. лат. *ōrāre* ‘говорить, просить’, ст.-сл. **орати** (см. также Meillet 1925: 19–20; DELG, I: 112; Фасмер, III: 149, EWAi, I: 172). Это находит параллель в гипотезе о деноминативном происхождении **moř-a-* (см. *mořanam*).

Семантически менее вероятной кажется этимология Ч. Бартона (Barton 1990–1991: 49), который возводит древнеармянское слово к и.-е. **ur-eh₁-* (ср. др.-гр. (Гом.) *ἐῖρηται* ‘объявлять’ и ст.-сл. **врати**) от корня **uer-* ‘говорить’ (**uerh₁-*, см. LIV²: 689–690). Кроме того начальное **ur-* скорее всего дало бы **erg-* (см. *ergicanem*).

¹ Ср. *tun* ‘дом’ < **dōm*. Кратное *-o-* перед резонантом должно было бы, ср. *gorc* ‘работа’ < **uorǵ-om* (см. Beekes 2003: 156–157).

2.2.2. Деноминативные презентные основы на *-ana-*

Помимо первичных глаголов, суффикс *-ana-* образует отыменные глаголы. В классическом грабаре засвидетельствовано более 300 таких глаголов. Подавляющее большинство из них является инхоативными. Это значение, помимо суффикса *-ana-*, в классическом древнеармянском может быть выражено аналитически с помощью глагола *linel* ‘становиться, быть’ (ср. *kokoz-ana-m*, *kokoz linem* ‘горжусь’) и с помощью бессуфиксальной медио-пассивной основы на *-i-* (*azazanam*, *azazim* ‘высыхать’)¹.

Деноминативные глаголы на *-ana-* образуются от всех типов именных основ: от существительных (*got* ‘вор’ → *got-ana-l* ‘становиться вором’ > ‘воровать’), прилагательных (*oys* ‘холодный’ → *is-ana-l* ‘охлаждаться’) и наречий (*andr* ‘там’ → *andr-ana-l* ‘отправиться’), как унаследованных из индоевропейского, так и заимствованных (субстратные слова, иранские и древнегреческие заимствования), что говорит о большой продуктивности этой словообразовательной модели на протяжении длительного периода, предшествующего письменной фиксации языка. Из всех назальных суффиксов этот был наиболее продуктивным и, благодаря своей ярко-выраженной инхоативной семантике, сохранился в современном армянском, ср. совр. вост. арм. *elektranal* ‘электрифицировать’.

В редких случаях мотивирующая именная основа, от которой был образован инхоативный глагол, в классическом языке не засвидетельствована, ср. *artanam* ‘удивляться’ от незасвидетельствованного **arm* ‘удивленный’ (Klingenschmitt 1982: 124–125). Возможно, инхоативный

¹ Ср. конкуренцию готских глаголов на *-na-* (IV класс слабых глаголов) с унаследованными медио-пассивными *-da*, *-za*, *-da*, *-nda* (Streitberg 1920: 191; Kuryłowicz 1964: 89).

глагол на *-ana-* мог также быть образован от основы причастия, ср. *arbenam* ‘напиваюсь’ (аор. *arbec’ay*, кауз. *arbec’uc’anem* ‘опьяняю’, см. NBH, I: 342), образованный от *arbeal* ‘пьяный’, субстантивировавшегося причастия глагола *əmpet* ‘пью’ (аор. *arbi*, кауз. *arbuc’anem* ‘пою’).

Класс вторичных инхоативных глаголов на *-ana-* тесно связан с отыменными и первичными стативными *-a-* основами (Meillet 1936: 110). Как убедительно показал Ч. Бартон (Barton 1990–1991: 29–52), к последним относятся главным образом *verba affectuum*, выражающие эмоциональное или ментальное состояние. В ряде случаев на базе презентной *-a-* основы этих глаголов с помощью суффикса *-na-* были образованы новые презентные основы: *balj-a-m* → *balj-a-na-m* ‘стремлюсь’, *c’ank-a-m* → *c’ank-a-na-m* ‘желаю’, *əlj-a-m* → *əlj-a-na-m* ‘стремлюсь’, *ox-a-m* → *ox-a-na-m* ‘негодую’, *taltk-a-m* → *taltk-a-na-m* ‘являюсь раздраженным’, *tenč’-a-m* → *tenč’-a-na-m* ‘страстно желаю’, *tṛp’-a-m* → *tṛp’-a-na-m*, *xroxt-a-m* → *xroxt-a-na-m* ‘являюсь высокомерным’. В перечисленных случаях при образовании новых *-na-* презенсов стативное значение, присущее мотивирующим *-a-* основам остается неизменным. Из перечисленных глаголов *c’ankam/c’ankanam*, *tenč’am/tenč’anam* восходят не к именным, а к глагольным основам; существительные *c’ank* и *tenč’* ‘желание’ являются отглагольными (см. Barton 1990–1991: 31, прим. 8).

2.3. Презентные основы на *-ane-*

К этому классу с учетом приставочных образований относится более пятидесяти активных переходных глаголов. Они характеризуются корневым аористом (в нескольких случаях медиальным аористом на *-i-*) и образующимся от него причастием прошедшего времени, на *-eal* (в случаях

аориста на *-i-* – причастие образуется с помощью форманта *-uc'eal*), и каузативом на *-uc'ane-*.

К этому же глагольному можно отнести каузативные глаголы, основы презенса которых, образуются с помощью форманта *-uc'ane-*, а аористная основа с помощью суффикса *-uc'-*. Таким образом, в синхронии образование форм каузатива формально укладывается в словообразовательную модель образования презенса на *-ane-* от основы аориста.

Глаголы данного класса имеют либо индоевропейское происхождение, либо не имеют надежной этимологии и, возможно, относятся к языковому субстрату. При этом нет случаев образования глаголов на *-ane-* от иранских или греческих заимствований, что говорит о том, что продуктивность презентного суффикса *-ane-* приходится на период, предшествующий периоду иранского влияния, начавшегося на рубеже VII и VI веков до н. э.

С синхронной точки зрения можно выделить следующие группы значений, характерных для глаголов данного класса:

1) Лексические каузативные или переходные глаголы, выражающие физические и мыслительные действия: *ankanem* 'тку', *awcanem* 'мажу', *ařoganem* 'мочу', *aracanem* 'пасу, кормлю', *arcarcanem* 'раздуваю огонь', *bucanem* 'кормлю', *c'uc'anem* 'показываю', *dizanem* 'нагромождаю', *gtanem* 'нахожу', *ant'erc'anem* 'читаю', *harc'anem* 'спрашиваю', *klanem* 'глотаю', *lizanem* 'лижу', *lk'anem* 'оставляю', *luc'anem* 'зажигаяю', *macanem* 'прилепляю', *mucanem* 'ввожу', *nerkanem* 'крашу', *ololanem* 'наводняю', *sp'acanem* 'подпоясываю', *stelcanem* 'создаю', *suzanem* 'прячу', *tesanem* 'вижу', *t'k'anem* 'плюю'.

Сюда же относятся группа глаголов разрушения: *anicanem* 'проклинаяю', *arkanem* 'бросаю, опрокидываю', *bekanem* 'ломаю', *elcanem* 'разрушаю', *gercanem* 'брею, стригу', *harkanem* 'бью', *hatanem* 'отрезаю', *heljanem* 'душу', *herjanem* 'раскалываю', *kcanem* 'кусаю, жалю', *lucanem* 'развязываю', *spananem* 'убиваю'.

2) непереходные глаголы движения: *anc'anem* 'прохожу', *elanem* 'выхожу', *iĵanem* 'спускаюсь', *hasanem* 'достигаю', *mtanem* 'вхожу'.

		акт. залог	мед. залог	пасс. залог
1	през.	-ane-		
	аор.	-ø-		
2	през.		-ane-	
	аор.		-ø-	

Валетностные характеристики этих двух типов глаголов можно проиллюстрировать следующими примерами:

1.

Активный залог: *Ew eleal cařayk'-n i čanaparh-s žolovec'in z-amenesean z-or ew **gtin** z-č'ars ew z-baris.* (Mt. 22:10) «И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых».

2.

Медиальный залог: ***Elin** i k'alak'ēn, ew gayin ař na:* (Ин. 4:30) «Они вышли из города и пошли к Нему».

2.3.1. Первичные презентные основы на -ane-

Anc'anem, аор. *anc'i* – 'прохожу, протекаю, пробегаю мимо, перехожу' (мед.-пасс. *anc'anim*, аор. *anc'ay*). От данного глагола образованы также приставочные глаголы: *ařanc'anem* (аор. *ařanc'i*) 'подхожу; дохожу до крайности, теряю голову, брежу', мед.-пасс. *ařanc'anim* (аор. *ařanc'ay*); *yanc'anem* (аор. *yanc'eay*), *yanc'em* (аор. *yanc'ec'i* 'допускаю ошибку, совершаю грех'); *zanc'anem* (аор. *zanc'i*, *zanc'eay*) 'превосхожу; прохожу вперед'; *zařanc'em* (аор. *zařanc'ec'i*, *zařanc'i*, *zařanc'eay*). К этому корню также относится ряд существительных: *anc'(-k')* 'переход', *anc'(-anak)*

‘Пасха’; *aṛanc* ‘без’, *aṛanc’k* ‘ось, проход’, *aṛanc’ank* ‘ложный, вымышленный’, *yanc’(-ank’)* ‘грех, преступление’, *zanc* ‘переход’; *zaṛanc’ank* ‘бред, лихорадка’. NBH, I: 248–249 (*anc’anem*), I: 286 (*aṛanc’anem*); II: 328 (*yanc’anem*); I: 715 (*zanc’anem*); НАВ I: 212–213.

Презенс *anc’ane-* образован от основы аориста *anc’-*, этимология которой спорна. Наиболее вероятная этимология была предложена еще А. Мейе, который восстанавливал имперфектную основу **snt-sk-* (Meillet 1936: 107, см. также Aḷayan 1975: 82) от и.-е. **sent-* ‘идти; чувствовать (?)’. Возможно, к этому же корню восходит латинский сигматический аорист *sēnsi* ‘я почувствовал’ (< **sénts-*¹) с семантическим развитием ‘идти’ → ‘преследовать’ → ‘замечать’ → ‘чувствовать’ (см. LIV²: 533–534). Корень **sent-* со значениями ‘идти’ засвидетельствован также в гот. *sandjan* ‘посылать’ и в архаичном отглагольном существительном **sentos* ‘путь, дорога’, ср. тох. А *ʃont* ‘улица’, др.-ирл. *sēt*, валл. *hynt* ‘путь’, др.-исл. *sinn* ‘время, прохождение’, *sinni* ‘путь, проход’, др.-англ. *sīþ* ‘путь, сторона’, а также деноминативные германские глаголы др.-англ. *sīðian* и д.-в.-н. *sindōn* ‘идти, отправляться, путешествовать’. Возможно, к этому же корню относится арм. *ənt’ac* ‘путь, проход’, *ənt’anam* ‘бежать’ с переходом **sent-* > *ənt’-* (см. *ənt’anam*). Отражение и.-е. **-sk-* как арм. *-с’-* засвидетельствовано в *harc’anem* < **prk-sk-*; в позиции перед *-s-* дентальный после сонант, по-видимому, не озвончился. Косвенным свидетельством в пользу данной реконструкции может служить медиальный *i*-аорист *yanc’eaу*, *zanc’eaу* и *zaṛanc’eaу*, который характерен для презенсов на *-ni-* и *-čī-* < **-sk-e/o-*. В целом данная реконструкция выглядит убедительной как с формальной, так и с семантической точки зрения.

¹ Мы поддерживаем точку зрения Б. Дринки, согласно которой продленная ступень в сигматическом аористе является новообразованием отдельных языков, представляющим собой компенсаторное удлинение при упрощении групп согласных, возникавших на стыке сигматической основы и окончаний 2-го и 3-го л. ед. ч. (Drinka 1990: 205).

Г. Б. Джаукян (1982: 180) возводит этот корень к сигматическому аористу **snt-s-*. Недостатком такой реконструкции является слабая ступень постулируемой для армянского аористной основы, отсутствующая в парадигме индоевропейского сигматического аориста. Реконструкция Р. Годеля, **snt-je/o-* (Godel 1965: 24), на наш взгляд, менее вероятна с морфологической точки зрения.

Согласно другой этимологии, армянский глагол восходит к именному корню **h₂ent-* ‘лоб, перед’. Так, Х. Педерсен (Pedersen, 1906: 425, см. также Kortlandt 1987: 51 и Kortlandt 1996:42) восстанавливает сигматический аориста **h₂ent-s-*, от которого была образована презентная основа *anc’-ane-*.

Б. Ольсен (Olsen 1988:7, Olsen 1999: 811) восстанавливает презентную основу **h₂ent-je/o-*, содержащуюся также в др.-гр. *ἀντιάω* (также засвидетельствованы формы *ἀντιῶ*, *ἀντιόω*) ‘встречаю, выхожу навстречу, иду впереди, получаю, принимаю’ – эпическом термине, встречающемся почти только у Гомера, а также *ἀντιάζω* (аор. *ἀντίασα*) ‘встречаю, умоляю’ и *ἀντιόομαι* ‘встречаю, сопротивляюсь’ (Геродот, Эсхил).

При оценке этих этимологий следует учитывать, что др.-гр. *ἀντιάμαι* ‘встречаю, сражаюсь’ (Гом.) и ‘умоляю’ (трагики) не имеет форм аориста и перфекта. Этот глагол образован от основы *ἀντ-* с помощью тематической гласной. П. Шантрэн (DELG I: 91) рассматривает его как вторичное образование от наречия *ἀντα* ‘напротив’. Поскольку кроме вторичного древнегреческого глагола никаких свидетельств глагольных основ для этого именного корня в других индоевропейских языках не засвидетельствовано, данная этимология для древнеармянского глагола кажется маловероятной. Кроме того, как и в случае с реконструкцией **snt-s-*, реконструкция **h₂ent-i-* противоречит нормальному фонетическому развитию **-nti- > -ndi-*.

Еще менее вероятна этимология, предложенная Г. Клингеншмиттом; он возводит древнеармянский глагол к индоевропейскому корню **d^heg^uh-* ‘подходить, проходить’ (см. LIV²: 134–135 – **d^heg^uh₂-*; LIV²: 150–151 –

**d^hg^{uh}ei-*) и реконструирует для армянской основы праформу **sm-d^hg^{uh}-nH-* (Klingenschmitt 1982: 191). Помимо вед. *dagh-no/nu-* ‘достигать, пропускать, проходить’ презенс на *-nu-* от этого корня обнаруживается в единожды засвидетельствованном ав. *aγžaoṇuuatna* (Y.28.3). К этому же корню относятся индоиранские рефлексy и.-е. **d^hg^{uh}-er-* ‘поток’: вед. *kṣárati*, ав. *γžar-* ‘поток’. В других языках корень **d^heg^{uh}-* засвидетельствован др.-гр. *φθαίνω* ‘опережать’¹.

Несмотря на убедительность семантической стороны реконструкции, с фонологической стороны этимология Г. Клингеншмитта недопустима. Во-первых, сомнителен переход **-m- > -n-/V_c'*, который он объясняет акустическими свойствами группы согласных, лежащих в основе *-c'*-, в то время как в остальных случаях сонант *-m-* после гласного перед *-c'*- выпадал, ср. **-lom-skō > -loc'* (окончание результативного причастия) (Klingenschmitt 1982: 43, прим. 10). Что касается перехода и.-е. **-d^hg^{uh}- > др.-арм. -c'*-, прямых подтверждений такого развития не засвидетельствовано. Во-вторых, значительную сложность представляет собой отражение в древнеармянском индоевропейского сочетания дентального с гуттуральным. Принять предлагаемое Г. Клингеншмиттом развитие **d^hg^{uh}- > *g^{uh}d^h- > *g^{uh}- > арм. -c'* мешает, с одной стороны, отсутствие свидетельств метатезы для рефлексов других корней содержащих такую группу согласных (ср. и.-е. **d^hg^huH-* ‘рыба’ > **dzū-* > арм. *jow-kn* ‘id.’), а с другой стороны, тот факт, что

¹ Тохарское соответствие (тох. АВ *kätkänā-* ‘подходить, проходить’) ненадежно. Оба решения, предложенных Г. Клингеншмиттом (Klingenschmitt 1982: 189), выходят за рамки регулярных звуковых и морфологических развитий. Отсутствие префиксации в тохарском делает крайне сомнительной реконструкцию *kä-tkänā-*, а отсутствие примеров метатезы и.-е. **d^hg^{uh}- > тох. kt-* (метатезы не происходит, например, в и.-е. **d^hg^hóm-ṃ* (вин. пад. от **d^hég^hōm* ‘земля’) > **tkænä(-ṃ)* > тох. А *keṃ*/ тох. В *tkam*) не позволяет видеть в *kätkänā-* результат контаминации презентной основы **ktänā-* с претеритной основой **kt'äkā-*, откуда **ktkänā- > *kätkänā-*.

в остальных случаях арм. -с'- восходит к группам согласных, содержащим глухие фонемы, а не звонкие. Оглушение группы согласных в позиции после сонанта противоречит обратному звуковому процессу озвончения глухих согласных в данном контексте (ср. *ard* 'сейчас' < **h₂rti*, др.-гр. *ἀρτι*, лит. *arti* 'около').

Наконец, если предположить, что к этому же словообразовательному гнезду относится существительное *c'ank/c'ang* 'стена, забор, ограда' с привативной приставкой *c'-*, то глагольная основа *anc'-* может быть закономерно возведена к основе сигматического аориста **ank-s-* от неизвестного корня.

Anicanem, аор. *anici* – 'проклиная'. Также засвидетельствован презенс *anicem* (аор. *anices 'i*). От основы аориста также образовано существительное *anēck* 'проклятие, отвращение'. NBH, I: 154; HAV, I: 195.

Основа презенса восходит либо к презенсу **h₃neǵd-ǵe-*, либо к сигматическому аористу **h₃neǵd-s-* от индоевропейского корня **h₃neǵd-* 'поносить, проклинать' (Pedersen 1905: 206; Meillet 1936: 106; LIV²: 303). Сигматический аорист для этого корня засвидетельствован и мл. ав. *nāist* 'поносил' от **h₃nēǵd-s-* (продленная ступень в иранских языках вторична, см. Drinka 1990: 202–204). При этом реконструкция презенса для данного корня затруднена неоднозначностью соответствий. В LIV² приводятся реконструкции двух возможных основ презенса: корневой и инфиксальной. На корневой презенс указывают балтийские соответствия: лит. *nīedu* 'испытываю отвращение', лтш. *nīdu* 'ненавижу' (из прото-балт. **nēid-/nīd-*). На назальный презенс указывает др.-инд. *nindati* 'поносит, презирает' и, возможно, также медиальное причастие *nid-ānā-* 'поруганный' (< **nind-ānā-*), а также ав. *nīsta* (RV: V, 18.16) 'поносит' (< **ninsta*).

Ankanem, аор. *anki* – 'плету, тку' (мед.-пасс. *ankanim*, аор. *ankay*). Встречается вариант со звонким велярным в основах *anganem* (аор. *angi*). К

этому же корню относятся приставочные глаголы: *zankanem* (аор. *zanki*), *zanganem* (аор. *zangi*), *zankem* (аор. *zankec'i*), *zangem* (аор. *zangec'i*) 'смешивать, месить', а также существительное *ankan* 'смесь'. Формы со звонким смычным вторичны (ср. прич. *ankeal*; см. Klingenschmitt 1982: 203, прим. 51). NBH, I: 168–169 (*ankanem*), I: 712–713 (*zanganem*, *zankanem*); НАВ, I: 197–199.

Этимология не ясна. Возможно, презенс образован от деноминативного глагола **ankem* 'прясти' от **anu-k-* 'пряжа' < **sanu-* < **sñh₁-u-* 'пряжа, плетеное', ср. др.-русс. *сновати* 'набирать основу ткани', лтш. *snauijs* 'петля', др.-исл. *snuu* 'вертеть, плести', *sniðr* 'поворот, узел' (Фасмер, III: 699). От корня **sneh₁-* 'ткать' (ср. лат. *neō* 'пряду', др.-гр. *νῆ* 'он соткал' и проч., см. LIV²: 571–572) в древнеармянском помимо именной основы **sñh₁-oц-* сохранилась основа **sneh₁-tu-* (ср. *niwt* 'ткань' и деноминативный глагол *niwt'em* 'ткать'; Klingenschmitt 1982: 180).

Ařoganem, аор. *ařogec'i* – 'орошаю, мочу; отчетливо произношу (ср. *ařoganut'iwn* 'произношение')' (кауз. *ařogac'uc'anem*). Также засвидетельствован презенс *ařogem* (аор. *ařogec'i*), а также варианты с начальным *o-*: *ořoganem* (аор. *ořogec'i*), *ořogem* (аор. *ořogec'i*). NBH, I: 310; НАВ, I: 263.

Вероятнее всего презентная основа *ařogane-* является вторичным образованием от *ařogem* (ср. аорист). Каузативное значение *ařogem* позволяет сопоставить этот глагол с индоевропейской каузативной основой **srou-éje-*, ср. вед. *srāvayati* 'выливает' (Godel 1965: 24; см. также НАВ I: 263; Джаукян 1982: 179) от корня **sreу-* 'течь' (LIV²: 588). Другая интерпретация была предложена Г. Клингеншмиттом, который рассматривает *o*-окласовку корня как результат развития *-e- > -o-/_ у*, ср. *č'ogan* 'они пошли' < *kjeу-nto* (Klingenschmitt 1982: 204, прим. 52). При таком анализе основа **srou-* должна восходить к **sreу-* и может быть рассмотрена либо как продолжение

индоевропейского тематического презенса **sreu-e/o-*, ср. вед. *sváratī* ‘течет’, др.-гр. *ῥέω* ‘теку’, др.-лит. **srãva* ‘просачиваться’). Однако отчетливая каузативная семантика армянского глагола оставляет сопоставление с вед. *srāvayati* более убедительным.

Согласно другой гипотезе презентная основа *ařoragem* развилась на базе деноминативного презенса *ařogem*, образованного от существительного **sróu-/sreu-*, ср. др.-гр. *ῥόος* ‘поток’, ст.-сл. **островъ**, арм. *ařu* ‘струя, поток воды’, др.-ирл. *srūaim*, д.-в.-н. *stroum* ‘поток’ от корня **sreu-* ‘течь’ (Adams, Mallory 1997: 207)¹.

Aracanem, аор. *araci* – ‘пасу, кормлю, забочусь’ (мед.-пасс. *aracanim*, аор. *aracay*). Глагол имеет также форму *aracem* (аор. *araces'i*) и *aracim* (аор. *araces'ay*) с тем же значением. Этот же корень содержит существительное *arawt* ‘пастбище’. NBH, I: 338; HAV, I: 294.

Вероятно, глагол развился на базе **hacanem*, ср. *hawt* ‘стадо’, *arawt* ‘пастбище’. Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 153–154) возводит глагольную и именную основы к **ar-hat-* < **pr-peh₂-d-*, ср. *hawt* ‘стадо’ < **peh₂-d-*, наряду с *hawran* ‘стадо’ < **peh₂-tro-* от и.-е. **peh₂-* ‘пасти’. Эпентетическое *-u-* в *arawt* и *hawt* достаточно хорошо засвидетельствовано в позиции перед последним согласным корня, если за ним следовало еще одно *-u-*, ср. *artawrs* ‘слеза’ < **drák-ur-* (Meillet, 1936: 55; см. также Kortlandt, 1985: 59–61). Однако, чтобы объяснить конечное *-с-* основы, необходимо допустить образование сигматического аориста от именной основы **peh₂-d-*. В связи с этим наиболее вероятным представляется следующее развитие. От

¹ Аргументом в пользу такого сценария развития может выступать гипотеза Ф. Кортландта о том, что появлявшейся перед вторичным начальным *r-* протетической гласной могла быть только *e-*, тогда как *a-* появляется только в именных формах (арм. *ařu* ‘поток’ < **sreu-*), наряду с протетическим *e-* в глагольных формах, и является отражением приставки **po-* (Kortlandt 2003: 132).

именной основы **peh₂d-o-* по продуктивной модели образовался глагол **ph₂d-je-* с сигматическим аористом **peh₂d-s-* (ср. др.-гр. през. *τῆμάω*, аор. *ἐτῆμασα*), что в протоармянском отразилось как през. **(ar-)at-e-*, либо **(ar)ac-e-*, аор. *(ar-)ac-*. В дальнейшем был использован, с одной стороны, аористный суффикс *-ec'-* типичный для деноминативов на *-e-* (откуда вариант *arace-* : *araces'-*), а с другой, презентный суффикс *-ane-*, часто использовавшийся для обновления активных глаголов от корневого или сигматического аориста (откуда *aracane-* : *arac-*).

Arkanem, аор. *arki* – ‘бросать, выбрасывать, выливать; одеваться’ (мед.-пасс. *arkanim*, аор. *arkay*). NBH, I: 362–363; HAB, I: 320–322.

Этимология не ясна. Сопоставление с вед. *√SARJ-* ‘отпускать, освобождать’ маловероятно как с семантической, так и с формальной (в связи с отражением смычного, см. Klingenschmitt 1982: 204–205) точек зрения. К тому же, согласно общепринятой этимологии индоиранский корень восходит к и.-е. **selǵ-* (EWAi, II: 709, Klingenschmitt 1982: 207; LIV²: 528–529).

Awcanem, аор. *awci* – ‘мазать, натирать’. Глагол *awcet* (аор. *awces'i*)¹, а также формы *mi awcanik*² и *zawcaniln*³, указывающие на медиальную основу *(z-)awcani-*, встречаются в недатированных или пост-классических текстах. К этому же корню относится существительное *aws* ‘мазь’, также засвидетельствованное в двух недатированных текстах (см. NBH). NBH, II: 1025; HAB, IV: 611.

Корневое *aws-* может закономерно восходить к **h₂ngʷ-*, к сигматическому аористу **h₂ngʷ-s-*, либо к **h₂ongʷ-eje-* от корня **h₂engʷ-*

¹ *Srboyn Ep'remi Matenagrut'iwnk'*. Venice, 1836 (см. Thomson 1995: 46–48).

² *T'ult'k' S. Ignatiosi astuacazgeac' martirosi Antiok'ay episkoposi*. 1783 (см. Thomson 1995: 60).

³ *Girk' parapmanc' S. Kiwrlı Alēk'sandrac'woy*. 1717 (см. Thomson 1995: 42).

‘мазать’ (LIV²: 267). Восстановление $*h_2-$ объясняет др.-гр. $-\alpha\mu\beta\omicron\varsigma$ в составе композитов (ср. LIV: 265, где восстанавливался $*h_3-$). Однако древнеармянское слово могло содержать и $*h_3-$, ср. $*h_3- > o-$, $h_3e- > ho-$, $*h_3o- > o-$, а также $o- > a-$ в безударном положении, наряду с $*h_2- > a-$, $*h_2e- > ha-$, $*h_2o- > a-$ (Beekes 2003: 179–187). Таким образом, независимо от характера ларингального, анлаут может отражать $*Hng^u-$ и $*Hong^u-$.

Для корня $*h_2eng^u-$ реконструируется инфиксальная основа презенса на основании свидетельства вед. *anákti, ankté* ‘мажет’ $< *h_3n-né-g^u-$.

Регулярным развитием и.-е. $*-g^u-$ асигматического аориста должно быть $-k-$, а не $-c-$. Г. Клингеншмитт предлагает в качестве возможного объяснения нерегулярного развития и.-е. $*-g^u-$ в арм. $-c-$ следующее фонетическое развитие: и.-е. $*h_3ng^u-$ $> *n^ug^u-$ $> *n^ug-$ $>$ арм. *awc-* (Klingenschmitt 1982: 181–182, см. также Kortlandt 1980: 99). Он приводит еще два армянских слова со сходным нерегулярным отражением индоевропейских звонких велярных смычных: *awj* ‘змея’ (из и.-е. $h_2éng^uhi-$ / h_2ng^uhi- , см. Adams, Mellory 1997: 530) и *awjik* ‘воротник’ (из и.-е. $*h_2eng^hu-$ / h_2ng^hu- / $*h_2ng^hu-iō-$, наряду с др.-гр. $\alpha\upsilon\chi\acute{\eta}\nu$ ‘затылок’ $< *h_2eng^hu-en-$ / $*h_2ng^hu-en-$, см. DELG, I: 145). Такое объяснение согласуется с регулярной палатализацией гуттуральных в позиции после $*-u-$.

Презентная форма *awcanet* может также базироваться на деноминативном глаголе през. *awset* : аор. *awsec'i* от *awc* ‘мазь’, ср. индоевропейскую именную основу $*h_3ng^u-en-$ ‘предназначенное для мазанья; мазь’, ср. вед. *áñjana-*, лат. *unguen* ‘мазь’ и проч. (EWAi, I: 40, 54)¹.

Bekanem, аор. *beki* – ‘ломаю’ (мед.-пасс. *bekanim*, аор. *bekau* ‘ломаюсь, отчаиваюсь’). От того же корня образованы именные формы *bek* и *bekbek*

¹ Ш. де Ламбертери (Lamberterie 1990: 268) восстанавливает тематический аорист с нулевой ступенью корня $*h_3ng^u-e/o-$ (лат. *unguō*, др.-ирл. *imb*), оставляя конечное $-c-$ основы без объяснений.

‘сломанный’, а также глаголы *bekem* (аор. *bekec'i*), *bekbekem* (аор. *bekbekec'i*) и *bektem* (аор. *bektec'i*), *bekotem* (аор. *bekotec'i*) и *bekč'im* ‘ломаю, разламываю’.¹ NBH, I: 479; HAV, I: 436–437.

Корневое *bek-* восходит к полной ступени индоевропейского корня **b^heg-* ‘ломать’. Индоевропейский корень образовывал назальный презенс **b^h-ne/n̥-g-*, засвидетельствованный в др.-инд. *bhanāti* ‘ломает’), др.-ирл. *com-boing* ‘он разбивает’, лит. *beĩgti* ‘заканчивает’ (Meillet 1936:106; Klingenschmitt 184–185, EWAi II: 242–243; LIV²: 66–67) и, возможно, имел корневой аорист, который однако кроме армянского нигде не засвидетельствован.

Bucanem, аор. *buci* – ‘выращивать, кормить’. Засвидетельствована также основа презенса *bucet* (аор. *bucetec'i*). От этого корня образованы существительные *buc* ‘ягненок’, *bucaran* ‘пища, загон’, *bucin* ‘ферма’, *bucitn* ‘кормление’, а также прилагательное *bucakan* ‘питательный’. NBH, I: 511; HÜB: 430.

Корневое *buc-* формально может восходить к корневому аористу **b^heuğ-*, к презенсу **b^heuğ-je-*, либо к сигматическому аористу **b^heuğ-s-* (с регулярной палатализацией гуттурального после **-u-*). Кроме того, презенс *bucet* может отражать каузативную основу **b^houğ-éje-*, откуда могла развиваться обновленная каузативная основа *bucane-*.

Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 182–183) восстанавливает для *bucane-* протоармянскую презентную основу **b^heuğ-n̥H-* с полной ступенью в корне, распространившейся из аориста. Однако в других языках основа с назальным суффиксом отсутствует. Для данного корня в индоевропейском

¹ Обращает на себя внимание конечный смычный именной основы *bekt-*. Такое же неэтимологическое *-t-* встречается в арм. *art* ‘поле’, ср. др.-гр. *ἀρούς* (Meillet, 1936: 101–102). Г. Гюбшманн (Hübschmann 1877: 406) предлагает рассматривать основу *bekt-* как производную от *bek-ut*.

засвидетельствован только назальный презенс **b^hu-né-g-*, ср. вед. *bhunákti* ‘кормит’, лат. *fungor* ‘переживать, радоваться’ (EWAi, I: 275–276; LIV²: 64–65). См. также Meillet 1936: 106; Solta 1960: 371.

C’uc’anem, аор. *c’uc’i* – ‘указывать, показывать, выделять, отмечать, доказывать’. К этому же корню относится существительное *c’uc’(k’)* ‘представление, торжество’, *c’uc’anak* (наряду с *c’uc’ak*) ‘знак, указатель’ (по модели *əmp-ak*, *əmp-an-ak* ‘чашка’ от основы аориста *əmp-em* ‘пить’ (глагол имеет супплетивный аорист *arb-i*), *kend-an-ak*, *kend-ak* ‘созвездие’, *kend-an-anam* ‘светиться, сиять, возвращаться к жизни’ или от *an*-презенса). NBH, I: 918; НАВ, IV: 460–461.

Презентная основа образована от основы аориста *c’uc’-*, восходящего, по всей видимости, к индоевропейской основе **sku_h-ske/o-* (ср. Klingenschmitt 1982 228–229) от корня **(s)keu_h-* ‘замечать, смотреть’, ср. д.-в.-н. *scouwōn* ‘созерцать’ (LIV²: 561). Реконструируемая полная *e*-степень корня (см. Meillet 1936: 107) не засвидетельствована в других языках и не встречается в других рефlekсах *ske/o*-презенсов в армянском.

Dizanem, аор. *dizi* – ‘нагромождаю, собираю в кучу’ (мед.-пасс. *dizanim*, аор. *dizay*), в пост-класический период засвидетельствована презентная форма *dizum* (аор. *dizi*)¹. К этому к корню относится существительное *dēz* ‘куча’, прилагательное *dizan* ‘нагроможденный’ и образованный от них глагол *dizanam* (аор. *dizac’ay*) ‘собираю’. NBH, I: 623; НАВ, I: 658–659.

Корневое *diz-* восходит к и.-е. **d^heiǵ^h-* ‘месить’, ср. ав. *ur-diz-* ‘воздвигать стену’ (Klingenschmitt 1982: 275–276; LIV²: 140–141). Презенс *dizanem* мог быть образован от деноминативного *dizem*, ср. *dēz* ‘куча’ (и.-е.

¹ У автора VII в. Анании Ширакаци (*Anania Širakac’i*, см. Thomson 1995: 97–100); также в *P’iloni Ebrayec’woy Mnac’ordk’ i Hays*. Venice, 1826 (Thomson 1995: 75).

**d^hoiǵ^h-o-*, ср. ав. *pairi-daēza-* ‘замкнутое пространство’, др.-гр. *τοιῆχος*, гот. *daigs*) по аналогии с *dizanam*.

Для корня **d^heiǵ^h-* реконструируется назальный презенс **di-né/n-ǵ^h-*, ср. лат. *fingō* ‘создаю’, др.-ирл. *con:u-tainc* ‘строит, воздвигает’, тох. В *tsikalle*, др.-гр. *θαγγάνω* (см. LIV²: там же).

Elanem, аор. *eli* – ‘выхожу’ (прич. *eleal*, каузатив *eluzanem* ‘произвожу’¹; мед-пасс. *elanim*, аор. *elay*). От медио-пассивной основы образован префиксальный глагол *andelanim*, *andelnum* (аор. *andelay* или *andelec* ‘ау’) ‘знакомлюсь, привыкаю’ (кауз. *andeluc* ‘анем’ и *andelac* ‘ус’ ‘анем’ ‘знакомлю, даю привыкнуть’)². От каузатива *eluzanem* образован глагол *andeluzanem* ‘налаживаю, устанавливаю, сплетаю’ (аор. *andeluzi*, прич. *andeluzeal*). Сюда же относится существительное *el(k’)* ‘средство’. NBH, I: 649 (*elanem*), I: 770 (*andelnum*); HAV, II: 8–9.

Надежной этимологии нет. Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 206) предлагает рассматривать три потенциально возможных источника – корни **h₁el(h)-*, **sel(h)-* и **pel(h)-*. Из них в LIV² для арм. *el-* постулируется либо **h₁elh₂-* ‘тащить’ (LIV²: 235), либо **pelh₂-* ‘приближаться’ (LIV²: 470).

Корень **h₁el(h₂)-* надежно засвидетельствован только в древнегреческом, ср. *ἐλάω*, *ἐλαύνω* ‘тащу (перех.); еду (неперех.)’. При этом древнегреческий глагол скорее всего является деноминативным (ср. DELG: 332–334) и образован от основы *ἐλα-* из **h₁el(h₂)-* или **h₁el-eh₂-*. Как и

¹ С семантической точки зрения кажется более вероятным видеть в каузативе *eluzanem* фонетический вариант **eluc* ‘анем’ (Klingenschmitt 1982: 263), чем восстанавливать на основании сопоставления с др.-гр. *ἐλεύσομαι* ‘иду, прихожу’, отдельный глагол *eluzanem* от основы аориста **eloyz* из и.-е. **eloyd^h-eje-t* (см. Normier 1980: 19; Olsen 1989: 9, прим. 12; Viredaz 2001–2002: 5, прим. 23), либо **eleyd^h-s-t* (см. Kortnaldt 1987: 51; Kortlandt 1996: 41; Viredaz 2005: 85, прим. 4).

² Формы *andelec* ‘ау’ и *andelac* ‘ус’ ‘анем’ указывают соответственно на незасвидетельствованные презенсы **andelim* и **andelanam*.

армянский глагол с фонологической точки зрения к обоим корням (**h₁elh₂*- и **pelh₂*-) может восходить также кельт. **el* ‘тащить; идти’, ср. др.-ирл. *luid* ‘от пошел’ (см. IEW: 306; в LIV² кельтские слова относятся к корню **pelh₂*-).

Для корня **pelh₂*- восстанавливаются основы корневого атематического аориста **pélh₂*-/p_l*h₂*- и презенса на **nā*- **p_l*-*né/n-h₂*-, ср. др.-гр. *πίλναμαι* ‘приближаюсь’, лат. *pellō* ‘тащить’, мл. ав. *pərəne* ‘начинается’. Возведение армянского глагола прямо к индоевропейскому инфиксальному презенсу возможно только при условии образования инфиксальных основ по гипотезе К. Штрунка, **pel-n-h₂*-/p_l*neh₂*- с развитием **elana*-/p_l*alna*-. Если допустить, что незасвидетельствованная форма **andelanam* (ср. кауз. *andelac* ‘*uc*’ *anem*) отражала архаичную основу, ее значение должно трактоваться как «вытаскиваться», медиальная форма от архаичного каузатива со значением «тащить, вытаскивать».

См. *andelnum*.

Elcanem, аор. *elci* – ‘портить, разрушать’. Также засвидетельствованы основы *elcanim* (аор. *elcay*), *elcnum* (аор. *elci*), *elcem* (аор. *elcec* ‘*i*’), а также префиксальные глаголы: *a₁elcanem* (аор. *a₁elci*), *a₁elcum* (аор. *a₁elci*) ‘портить, разрушать, развязывать, разгадывать’ и *zelcanem* (аор. *zelci*), *zelcanim* (аор. *zelcay*) ‘быть разрушенным, оскорбленным; неправильно использовать’, *zelcem* (аор. *zelcec* ‘*i*’), каузатив *zelcuc* ‘*anem*’ ‘разрушать, обманывать, красть’. В пост-классический период засвидетельствована презентная основа *a₁elcanu*-¹. К этому корню относится существительное *elc* ‘разрушение’. NBH, I: 302 (*a₁elcanm*), I: 655 (*elcanem*); НАВ, II: 20.

Этимология не ясна. Возможно, родственно *heljanem* ‘разбивать’.

См. *heljnum*.

¹ *P’iloni Ebrayec* ‘woy *Mnac*’ *ordk*’ *i Hays*. Venice, 1826 (Thomson 1995: 75)

Ergicanem, *ergici* – ‘рвать, разрывать, осмеивать’ (кауз. *ergicus’anem* или *ergices’us’anem*, прич. прош. вр. *ergiceal* или *ergicaneal*). Также засвидетельствованы варианты презенса *hergicanem* ‘разрывать’ и *hergicanim* ‘терзаться, испытывать сильную боль’. NBH, I: 673; НАВ, II: 43.

Основа презенса образована от основы аориста *ergic-*; она либо заместила рефлекс презенса на *-ie-* (**ergicem* из **urh₁ǵ-ie-*, ср. ст.-сл. *рѣжж*, лит. *rėžiu* ‘режу, рву’), либо **ergicnum* (из **urh₁ǵ-nu-*, ср. др.-гр. *ρήγνυμι* ‘разрываю, ломаю’) от и.-е. **ureh₁ǵ-* (LIV²: 698, где древнеармянское соответствие отсутствует; см. также: Meillet 1898; НАВ, II: 43).

Корень **ureh₁ǵ-* хорошо засвидетельствован в качестве именного со значением ‘сила, рвение’: др.-ирл. *ferc* ‘гнев’, тох. А *wärkšäl*, В *warkšäl* ‘сила, энергия’ из **ureh₁ǵ-*; др.-инд. *úrj* ‘сила, подкрепление, пища’, ав. *varəz-* ‘сила, могущество’ из **urh₁ǵ-*; др.-гр. *ορυάω* ‘созревать, приходить в возбуждение’, *ορυή* ‘влечение; раздражение, гнев’ из **uor(h)₁ǵ-*¹, хетт. *uarkant-* ‘толстый, жирный’ из **uor(h)₁ǵ-ont* (см. EWAi II: 242; DELG: 816; Walde 1910: 839–840; Van Windekens 1976–1982: 30; Kloekhorst 2008: 963–964).

Тематический презенс, засвидетельствованный балто-славянскими, а также, возможно, и древнеармянским соответствиями, может быть деноминативным, ср. также латинское деноминативное *urgeō* ‘тесню’, др.-гр. *ορυαίνω*, *ορυίζω* ‘раздражать’.

Предлагались также следующие реконструкции: и.-е. **ur-eǵd-s-* (Frisk 1944, где постулируется общее происхождение *ergicanem* с *gercum* ‘бриться’ и *grem* ‘писать’), **ur-eǵd-ie-* (Godel 1982 с опорой на этимологию А. Фриска), **ur-eǵ(H)ǵ-* (Eichner 1978: 151)², **ureiǵ-* (Olsen 1999: 155, 157).

¹ Ларингальный выпадает в соседстве с *o*-ступенью корня по «закону Хирта–де Соссюра».

² Г. Клингenschmitt принимает в качестве допустимых последние два варианта (Klingenschmitt 1982: 238).

Реконструкции Х. Фриска и Р. Годеля поддержаны германской праформой **ur-eid-* > **wreit-* (др.-сакс. *writan* ‘писать, разрывать, сдирать шкуру’, гот. *writs* ‘засечка, черта’, д.-в.-н. *riz* ‘черта’, *rizan* ‘рвать; писать’, см. Lehmann: 410–411), которая начиная с Х. Фриска рассматривалась как точное соответствие арм. *ergic-*.¹ Однако, основа на *-eid-* может быть и прагерманским образованием, ср. прагерм. **ul-eid-* ‘смотреть’ от и.-е. **uel-* ‘видеть’ (Seebold 1970: 563–564; Lühr 2000: 257)². Самостоятельный характер развития германского глагола подтверждается также специфическим развитием семантики ‘рвать’ → ‘писать’, следов которого нет в арм. *ergicanem*, и которое развилось в арм. *grem*³.

Праформа, предложенная Г. Эйхнером – **ur-ei(H)ǵ-* оставляет без объяснения происхождение форманта **-ei(H)ǵ-*.

¹ Ю. Покорный (*IEW*: 1164) предлагал видеть в *ergic-* вторичное образование с расширителем **-d-* от *i*-основы **ur-ei-/ur-i-*, засвидетельствованной для данного корня древнегреческими именными формами *ρίνη* ‘пила, напильник’, *ρίνος* (ср. мик. *wirino-*, (Гесих.) *γρίνος* ‘кожа, шкура (сдираемая с животного)’ из **ur-ei-nó-s* (ср. *DELG*: 974–975). Восстановление *i*-основы в качестве промежуточной ступени в образовании данного глагола, позволяет постулировать для данного корня *i*-презенс **ureH-i-/urH-i-*. (см. Jasanoff 2003: 91–127 о *i*-презенса от корней со структурой (C)CeH-), слабая ступень которого закономерно дала бы арм. **ergi-*. С учетом конечного *-c-* армянской основы реконструкцию можно переписать следующим образом: **ureH-i-ǵ-/uriH-ǵ-* (**ruiH-ǵ-*) или, по этимологии Х. Фриска, **ureH-i-d-/uriH-d-* (**ruiH-d-*). Корневую морфему при этом можно идентифицировать с корнем **ureh₁-* ‘рвать, разрывать’, к которому, помимо рассмотренного выше **ureh₁-ǵ-* также может относиться **urh₁-sk-e-* (вед. *vṛścāti* ‘колоть, рубить деревья’) и **uroh₁-sk-ah₂* ‘трещина’ (вед. *ava-vraśca-* ‘раскат, треск’, ст.-сл. *враска* ‘складка, морщина’). Происхождение *-ǵ-* при таком анализе остается без объяснения.

² Э. Хэмп высказал идею о том, что германская основа является результатом контаминации **uel-* и **ueid-* (Hamp 1982).

³ Семантическое развитие ‘рвать’ → ‘вырезать (на дереве, камне)’ → ‘писать’, наблюдаемое в арм. *grem* и герм. **wreita-*, находит параллели и в других индоевропейских традициях, ср., например, др.-гр. *γράφω* ‘пишу’, родственное ср.-в.-н. *kerben* ‘вырубать, высекать’ (оба слова, вероятно, от и.-е. **gerbh-* ‘вырезать, высекать’, см. LIV²: 187).

Ənt'erc'anemí', аорист не засвидетельствован – ‘читать’. Данный глагол в классическом языке засвидетельствован только формой инфинитива, не позволяющей судить о том, относились ли личные формы этой презентной основа к активному спряжению на *-e-* или медио-пассивному – на *-i-*. В тексте 13–14 вв. засвидетельствована медио-пассивная основа *ənt'erc'ani-* (аорист не засвидетельствован)¹. NBH, I: 777.

См. *ənt'eṛnum*.

Gercanem, аор. *gerci* – ‘бриться’, наряду с *gercum* (аор. *gerci*) и *gercem* (аор. *gercec'i*). NBH, I: 548; НАВ, II: 545.

Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 241, а вслед за ним и LIV²: 686–687) сопоставляет армянский глагол с тох. А *wärk-*, В *wärk-* ‘стричь’ и восстанавливает и.-е. **ǵerǵ-* ‘стричь’ омонимичное и.-е. **ǵerǵ-* ‘работать’². В рамках этой этимологии презентные основы образовались от основы аориста, восходящей к индоевропейскому корневому или сигматическому (**ǵerǵ-s-*) аористу. Восстановление презенса на **-u-* для индоевропейского (см. LIV²: там же) не обязательно, поскольку эта основа может быть армянским новообразованием, ср. *dizum* (см. *dizanem*).

Х. Фриск (Frisk 1944: 28–31) возводит арм. *gerc-* к сигматическому аористу **ǵerd-s-* от корня **ǵer-* ‘разрывать, резать, скрести’ с расширителем **-d-* (IEW: 1163–1164; см. также *ergicanem*).³ К тому же корню, но с расширителем *-ǵ-* возводит древнеармянский глагол Р. Антила (Anittila 1969: 101; ср. также Джаукян 1982: 210).

¹ *Vardan Barjberdc'i* (см. Thomson 1995: 213).

² Адамс (Adams 1999: 587) предлагает видеть в семантике армянского и тохарского глаголов результат специализации значения «работать»: «обратывать» → «стричь».

³ Альтернативное решение было предложено Р. Годелем (Godel 1965: 25¹⁴), который предлагает возводить аористную основу *gerc-* не к аористу, а к презенсу **ǵerd-je-* (с сомнительным звуковым развитием **-dǵ-* > арм. *-c-*).

Gtanem, аор. *gti* – ‘нахожу’ (мед.-пасс. *gtanim*, аор. *gtay* ‘показаться, найтись’). От глагола образовано существительное *gtank* ‘находка, изобретение’. К этому же корню относится глагол *gitem* (аор. *gitac* ‘i’) ‘знаю, понимаю, узнаю’, *gitanam* (аор. *gitac* ‘ay’) ‘я знаком’, а также существительное *giwt(-k)* ‘находка’. NBH, I: 583; НАВ, II: 564.

Корневое *git-* восходит к и.-е. **uid-* (ср. др.-инд. *ávidat*, др.-гр. *εἰδ(ν)αι*), слабой ступени корневого аориста от **ueid-* ‘знать; находить’ (LIV²: 665–667; Meillet 1936: 106).

Для этого корня в каузативном значении «находить» восстанавливается назальный презенс **ui-ne-d-* ‘видеть, знать’ (ср. вед. *vindāti*, ав. *vinasti* ‘находить’, др.-ирл. *ro-finnadar* ‘узнает’ < **uind-n-*, Pedersen 1909–1913: 523). Специфическое семантическое развитие «знать» → «находить» заставляет предположить, что основа *gtane-*, образовавшись от основы корневого аориста, заместила прежнюю инфиксальную основу (предположительно **gintem*¹). Характерная для этого корня перфектная основа **uoid-* ‘знать’ сохранилась в исконном значении в *gitem* ‘знаю’.

Г. Клингenschmitt возводит армянский презенс непосредственно к индоевропейскому назальному презенсу: **ui-n-d-* > **uid-ñh-* > *gitan-* (Klingenschmitt 1982: 177).

Harc’anem, аор. *harc* ‘i – ‘спрашиваю’. К этому же корню относится существительное *harc* ‘вопрос’. NBH, II: 68–69; НАВ, III: 62–63.

Основа презенса заменила тематический презенс **harc’em* из и.-е. **prk-sk-e-*, ср. вед. *prcchāmi*, лат. *poscō*, тох. А *praksam* ‘спрашиваю’, от корня **prek-* (LIV²: 490–491). Основа аориста восходит к основе имперфекта **e-prk-*

¹Существительное *giwt*, в котором А. Мейе видел рефлекс инфикса (Meillet 1936: 44), скорее всего восходит к **uid-u-* – перфектному причастию ‘найденный’ или абстрактному существительному ‘находка’ (ср. Pedersen 1906: 409–410; Klingenschmitt 1982: 179).

sk-e- (Meillet 1936: 107; Godel 1975: 113; Godel 1982: 22; Klingenschmitt 1982: 63).

Harkanem, аор. *hari* – ‘бить’ (мед.-пасс. *harkanim*, аор. *haray*). Вариант презентной основы *harum* (аор. *hari*). К этому корню относится существительное *hark* ‘налог, побор’ и образованный от него глагол *harkem* (аор. *harkeci*) ‘заставлять, облагать налогом’. От этого глагола образованы приставочные глаголы *zarkanem* (аор. *zarki*), *zarkanim* (аор. *zarkay*) ‘сбивать, бить, ударять, стучать’, от которых образовано существительное *zark* ‘импульс, побуждение, пульс’, *zarkuac* ‘удар’. NBH, II: 63–64; НАВ, III: 52–55.

Согласно традиционной реконструкции для основ презенса и аориста восстанавливаются супплетивные основы и.-е. **h₃rg-* от **h₃erg-* ‘гибнуть, пропадать’ (LIV²: 301; Klingenschmitt 1982: 216) и **pr-* от и.-е. **per-* ‘бить’¹ (3. **per-* – LIV²: 473; IEW: 819). Основа презенса сопоставляется, таким образом, с хетт. *hark-* ‘исчезать, пропадать’ наряду с дериватами с каузативным значением: *harka-*, *harnink-*, *harknu-* ‘разрушать’ (Kloekhorst 2008: 306–307) и др.-ирл. *orcaid* ‘убивает’; *harnink-* и древнеирландское слово указывают на инфиксальный презент.

Вместе с тем реконструкция презентной основы ставится под сомнение отсутствием регулярного озвончения смычного после сонанта *-rk-* > *-rg-*, ср. *argel* ‘препятствовать’, др.-гр. *ἀρκεῖω* ‘помогать; защищать’ (ср. Beekes 2003: 176–177). В этой связи можно упомянуть два глагола, в основах которых появляется неэтимологическое **-k-* или **-k^(w)-*: *lsem* ‘слушаю’ (< **lusem*), аор. *luay* и *busanim* ‘росту’, аор. *busay* (Godel 1970: 151), а также *hasanem* (< **seh₁-k-*; de Lamberterie 1990: 294, прим. 6). При этом в глаголе *lsem* наблюдается

¹ Ср. Meillet 1936: 133, где презентная основа древнеармянского глагола возводится к тому же корню, но с расширителем *-g-*; в качестве сравнения А. Мейе приводит имена богов – вед. *Parj-dnyah*, слав. *Per-unъ*.

супплетивизм, аналогичный *harkanem*. См. также Solta 1960: 257–258. Кроме того, неэтимологическое *-k-* не озвончавшееся после сонанта обнаруживается в *ankanem* (см. *ankanem*). Таким образом, презентная основа может продолжать либо архаичный презентный суффикс, избежавший, благодаря своему морфологическому статусу, регулярного озвончения, либо именную основу, образовавшуюся в период, после действия озвончения, либо, наконец, представлять собой диалектизм.

Hasanem, аор. *hasi* – ‘достигать, прибывать’ (мед.-пасс. *hasanim*, аор. *hasay*). Сюда же относится существительное *has* ‘достижение, зрелость’. NBH, II: 50; HAV III: 46–7.

Согласно традиционной этимологии (ср. HAV III: 46–7; Meillet 1936: 106) основа аориста восходит к слабой ступени корневого аориста **h₂nek-* / **h₂ñk-* от и.-е. **h₂nek-* ‘достигать’ (ср. вед. *asnóti*) с развитием: **h₂ñk-* > **ans-* > **as-* → *has-* (с неэтимологическим придыханием). Однако, как справедливо замечает Ш. де Ламбертри (de Lamberterie 1990: 294, прим. 6), постулируемой в рамках данной этимологии развитие **-ñk-* или **-nk-* > *-as-* формально маловероятно; выпадение назального в данной позиции, а также слияние **-nk-* и **-ns-* не засвидетельствованы. В качестве альтернативы Ш. де Ламбертри предлагает возводить аорист *has-* к слабой ступени корневого аориста **sh₁k-e/o-* (ср. др.-гр. *ῥκω* ‘прибывать’ < **seh₁k-*) от корня **seh₁-*; данная гипотеза была высказана еще Г. Клингеншмиттом (Klingenschmitt 1982: 212–213), который отказался от нее в пользу традиционной реконструкции. Независимо от корневой этимологии обе гипотезы видят в качестве источника армянской аористой основы индоевропейский асигматический корневой аорист со слабой степенью корня.

Hatanem, аор. *hati* – ‘отрезаю’ (мед.-пасс. *hatanim*, аор. *hatay*). От этого глагола образовано несколько приставочных глаголов: *zatanem* (аор. *zati*),

zanim (аор. *zay*), *zatem* (аор. *zatec'i*) ‘отделяю, разобщаю’, *zatč'im* (аор. *zay* или *zateay*, прич. прош. вр. *zatic'eal*) и существительное *zat* ‘отдельная часть’ откуда *zatanam* (аор. *-ac'ay*); *yatanem* (аор. *yati*), *yatem* (аор. *yatec'i*), *yawt* ‘отрезанная виноградная лоза, побег (винограда)’ откуда *yawtem* (аор. *yawtec'i*) ‘срезать’¹; *anžatanem* (аор. *anžati*) ‘разъединять, разделять’, *anžatem* (аор. *anžatec'i*), а также *anžat* ‘разделенный’. Вероятнее всего, *anžatanem* восходит к **an-yatanem* (арм. *-j-* в позиции после **n* давало и.-е. **j*, ср. *munj* ‘немой’ < **mun-jo-* (Meillet 1936: 52) или к **an-zatanem*.² NBH, I: 232 (*anžatanem*); I: 717–718 (*zatanem*), II: 56–58 (*hatanem*), II: 339 (*yatanem*), II: 381 (*yawtem*); НАВ, III: 50–52.

Этимология не ясна. Г. Клингеншмитт в качестве возможной праформы этого глагола предлагает композит **he-* + **tane-*, который может восходить к **sm-dā-ne/o-*, либо к **aṇo-dā-ne/o-* (ср. др.-инд. *avadā-* ‘отделять’). В обоих случаях **dā-ne/o-*, согласно Клингеншмитту, является новообразованием по аналогии от аор. **deh₂(i)-* ‘делить’ (LIV²: 103–104). Что касается префикса **ha-*, то он может отражать либо **sm-*, в значении ‘для себя, отдельно’, либо **aṇo-* из **h₂eu-*, ср. вед. *áva* ‘от’ (EWAi I: 129), др.-гр. *av* ‘напротив, от’ (Гесих. *avχάττειν* · *ávaχωρεῖν* ‘отодвигать’ от *χάζομαι* ‘отступать, отодвигаться’; др.-гр. *avtár* ‘с другой стороны, но’), лат. *au-* ‘от-,

¹ Ш. де Ламбертери (Lamberterie 1982: 51) рассматривает в качестве производного от этого глагола *yawt* ‘побег винограда’, вероятно, от назальной презентной основы, но не указывает реконструкции, которую он принимает для этого глагола.

² Усилительное значение приставки *an-* встречается, например, в *an-anot'-anam* ‘терять совесть, быть бессовестным’ (*anot'* ‘бессовестный’).

В NBH упоминается гипотезы иранского происхождения этого глагола: перс. *anždan* ‘разбивать на части’, перс. *judā* ‘часть’, однако образования на *-anem* от иранских заимствований не засвидетельствованы: суффикс, по всей видимости, перестал быть продуктивным до проникновения в язык первых иранских заимствований. Идея Гр. Ачаряна о композите *anžat* сочетание частиц *ham-* или *an-* с *zat* ‘отдельный’ (НАВ I: 210) не имеет удовлетворительного объяснения.

у-’ (*aufugiō* ‘убежать’), etc. Армянское начальное *ha-* при этом, вопреки Клингenschмитту, является закономерным развитием $*h_2e-$ в $*h_2eu-$.

Р. Бекес (Beekes 2003: 182) возводит *hatanem* к корню $*h_2ed-$ ‘резать’, хетт. *hatt-* ‘протыкать; попадать (в цель); выбивать (клинопись)’, а *-at* в композитах (например, *jeṛnat* ‘безрукий’) к *hant-* ‘резать’, не объясняя при этом сам корень *hant-* (Beekes 2003: 180). Хеттский глагол, несомненно, указывает на и.-е. $*h_2et-$, что затрудняет сопоставление с армянским (1. $*h_2et-$ – LIV²: 273; Kloekhorst 2008: 330–332).

В. И. Абаев (Абаев 1958, I: 415–416), вслед за Г. Гюбшманом (Hübschmann 1897: 464), сопоставляет армянский глагол с оссет. *fadun* ‘колоть’ и др.-инд. *pāṭayati* ‘колоть, раскалывать, рассекать’. Древнеиндийский глагол, однако, формально не сопоставим с армянским (см. EWAi II: 67).

***Heljanem*¹**, аор. *helji* – ‘душить’. Активный вариант мед.-пасс. *heljnum* ‘задохнуться’ (аор. *heljay*).

См. *elcanem*, *heljnum*.

Herjanem, аор. *herji* – ‘раскалывать, разделять, разрезать’. Активный вариант мед.-пасс. *herjnum* (аор. *herjay*).

См. *herjnum*.

Ijanem, аор. *iĵi* – ‘спускаюсь’ (мед.-пасс. *iĵanim*, аор. *iĵay*). Засвидетельствован также приставочный глагол *zijanem* (аор. *ziji*), *ziĵanim* (аор. *ziĵay*) ‘успокаиваюсь’. NBH, I: 756 (*zijanem*), I: 867 (*iĵanem*); НАВ, I: 119.

Восходит либо к аористу $*h_1eig^h-s-$ (Pedersen 1906: 425), либо к презенсу $*h_1oiğ^h-je-$ (Godel 1970: 147). Сопоставляется с и.-е. $*h_1eig^h-$, ср. др.-

¹ Форма презенса засвидетельствована один раз в недатированном тексте Vark’ Haranc’. Bank’ Haranc’ (см. Thomson 1995: 72–73). В том же сочинении засвидетельствована форма презенса на *-um* с пассивным значением.

гр. *οἴχομαι* ‘иду, ухожу, удаляюсь, исчезаю’, *οἴχνεω* ‘иду, подхожу’, *οἴχνεσκω*, *οἴχνεύω* ‘хожу’, а также др.-ирл. *óegi* ‘пришелец, гость’ (ср. *ijawor* ‘гость’) и лит. *eigà* ‘поход’ (Scheftelowitz 1904: 311; IEW: 296; DELG, III: 789; Klingenschmitt 1982: 207–208). Древнегреческое *οἴχνεω* может указывать на индоевропейский презенс на **-nu-*. Возможно также, что индоевропейский презенс *ijane-* развился из **ijnu-* (**h₁oǵh^h-nu-*), ср. през. *heljnum* : *heljanem*, аор. *helji*.

Менее обоснованными кажутся реконструкции для армянского глагола корней **seǵh^h-*, ср. иран. **haǵz-* ‘подниматься’, ав. *pāiri.haēza-* (Klingenschmitt 1982: там же) и **h₁eǵsh₂-* ‘побуждать, подгонять’, ср. мл.-ав. *parā.aēšaiia-* ‘проливать’ (LIV²: 234).

Ксанет, аор. *kci* – ‘кусать, жалить’. Также засвидетельствован вариант *kset* (аорист *ksec‘i*) ‘чувствовать боль’. От этого же корня образован приставочный глагол *zkset* (аор. *zksec‘i*) ‘мучить, раздражить’, *zkim* (аор. *zksec‘ay*) ‘быть раздраженным, раздражаться’. Сюда же относится существительное *kic*, *kskic* (< **kickic*) ‘сильная боль’, *zckank* ‘раздражение, огорчение’. NBH, I: 1101; НАВ, II: 586–587.

Согласно традиционной этимологии (Scheftelowitz 1904: 308; Pokorny 1959: 356; Джаукян 1982: 60, 61, 64; Olsen 1999: 544; этимология отрицается Р. Ачаряном, НАВ, II: 587) армянский глагол сопоставляется с др.-исл. *kitla*, д.-в.-н. *kizzilōn* ‘щекотать’ от **geǵid-* ‘колоть, щекотать’ и, таким образом, может продолжаться как презентную основу **geǵid-je*, так и сигматический аорист **geǵid-s-*. Данная этимология спорна с семантической (развитие значения «щекотать» → «кусать»), морфологической (реконструируется корень с двумя звонкими смычными) точек зрения, кроме того отсутствуют свидетельства данного корня в других языках индоевропейских языках. То же самое касается альтернативной этимологии, по которой армянский глагол

восходит к *geig-, ср. лит. *gaĩžti* ‘становиться горьким’, оссет. *ānyezun* ‘бродить (о вине)’ (Lidén 1934: 1–4; Джаукян 1982: 60–61).

С семантической точки зрения соблазнительно возводить армянский глагол к корню *k^(h)h₂ed- ‘кусать’ (см. детали реконструкции корня в Klingenschmitt 1982: 210; см. *xacanem*), либо *k^(h)enH-d- ‘кусать’, ср. ц.-слав. **кжсати**, лит. *kąsti*, вед. *khādati* ‘кусать’, др.-гр. *κνώδων* ‘нож’, д.-в.-н. *hantag* ‘острый’ (см. детали реконструкции корня в EWAi, I: 451–452; Фасмер, II: 431). Однако, формально обе этимологии маловероятны.

Klanem, аор. *kli* – ‘глотаю’. Также засвидетельствованы глаголы *klnum* (аор. *klay*) ‘глотаю’ и *ənklnum* (аор. *ənklay*) ‘погружаюсь’. Сюда же относится существительное *kul* ‘глотание’. NBH, I: 1101; HAB II: 654–656.

Глагол образован от *klnum*.

См. *klnum*, *ənklnum*.

Lizanem, аор. *lizi* – ‘лижу’. Также засвидетельствованы основы настоящего времени *lizem* (аор. *lizec’i*), *lizum* (аор. *lizi*), а также *lezum* (аор. *lezi*). NBH, I: 886; HAB, II: 277–278.

Корневое *liz-* восходит к и.-е. *leiǵ^h- ‘лизать’ (LIV²: 404).

Инфиксальная основа сохранилась в лат. *lingō*, а также в др.-гр. *λείχω* и *λιχνέω* ‘лижу’, если последнее является новообразованием от инфиксальной основы, ср. Meillet 1936: 106. Древнеармянский презенс на *-ane-* мог также был быть образован как активный вариант медиальной *ni*-основы, ср. *heljnum* ‘задыхаюсь’, наряду с *heljanem* ‘душу’, наряду с основами *heljum*, *heljem*. Если это так, древнегреческое соответствие может отражать быть не инновацией, как считал Мейе, а архаизмом.

Для основы *lize-* формально возможна реконструкция каузативной/итеративной основы *loiǵ^h-éje-, ср. др.-исл. *sleikja*, лит. *laižai* ‘лизать’.

Lk'anem, аор. *lk'i* – ‘оставлять’. Активный вариант мед.-пасс. *lk'num* ‘оставаться’ (аор. *lk'ay*).

См. *lk'num*.

Lucanem, аор. *luci* – ‘развязываю, разъединяю’ (мед.-пасс. *lucanim*, аор. *lucay* ‘развязываться’). Также засвидетельствован вариант *lucet* (аор. *lucet'i*) Сюда же относится существительное *luc* ‘ярмо; узы’, *lucank'* ‘прекращение, разрушение’. NBH, I: 894–895; HAB, I: 293–294.

Г. Клингеншмитт (Klingenschmitt 1982: 184) предложил возводить данный глагол к **leuǵ-nH-* от индоевропейского назального презенса **lu-né/n-g-* ‘ослаблять’, который сохранился в средневаллийском *-lwng*, ср. *ellwng* ‘освобождать’ из **en-lung-* (ср. LIV²: 415–416, где приводится вед. *ruṇáddhi* ‘мешает’). Суффикс **-neH-* для этого корня в других языках не засвидетельствован.

Более вероятно, с нашей точки зрения, образование презентной основы *lucane-* от аористной основы *luc-*, восходящей либо к корневому аористу **leuǵ-* (из **leug-* с регулярной палатализацией гуттурального после *-u-*), либо к сигматическому аористу **leuǵ-s-*.

Основа *luc-* формально также может продолжать **loug-éje-*, ср. лат. *lūgeō* ‘скорбеть’.

Сопоставление с др.-гр. *λυω* ‘развязываю’ и лат. *luō* ‘плачу, искупаю’, *solvō* ‘развязываю’ позволяет допустить еще одно решение, по которому *luc-* восходит к **leuǵ-ǵ-*, ср. *stelcanem* от **stel-ǵ-* и *ergicanem* от **ureH-ǵ-*. Функция и.-е. **-ǵ-* (или прото-арм. **-c-*) при этом остается неясной. См. IEW: 681; DELG: 653.

Luc'anem, аор. *luc'i* – ‘освещать, зажигать’. К этому же корню относится существительное *loys* ‘свет’. NBH, I: 904; HAB, II: 294–296.

Презентная основа, по-видимому, образована от основы аориста *luc'-* из индоевропейского сигматического аориста **leuk-s-* (ср. лат. *lūxī* ‘я светил’

и тох. В *lyeuksa*, А *lyokäs* ‘он осветил’), либо имперфекта **leuk-sk-*, либо презенса **leuk-ḫé/o-* (ср. хетт. *lukk-* ‘освещаться; светиться’, *lukkije/a-* ‘зажигать’)¹ от корня **leuk-* ‘светиться’ (LIV²: 418–419).

Кроме того основа *luc’ane-* могла заместить **luc’e-*, рефлекс индоевропейского каузатива **louk-éje/o-* (ср. вед. *rocáyati*, ав. *raočayeiti*, и лат. *lūcēre* ‘освещать, зажигать’²).

Macanem, аор. *maci* – ‘прилеплять, приклеивать, присоединять’. Активный вариант мед.-пасс. *macnim* ‘присоединяться’ (аор. *maceay*).

См. *macnim*.

Mtanem, аор. *mti* – ‘вхожу’. Также засвидетельствован вариант основы презенса *mtem* и аориста *mtay*³. От этого же корня образован приставочный глагол *əndmtanem* (аор. *əndmti*) ‘проникаю’. Сюда же относится существительное *mut* ‘вход’. NBH, I: 772 (*əndmtanem*); II: 305–306 (*mtanem*); НАВ, III: 362.

Этимология не ясна. Основа аориста *mut-* может восходить к и.-е. **(s)meud-*, см. Meillet 1913: 198; Klingenschmitt 1982: 221. От этого же корня образован глагол *tiscanem* ‘ввожу’.

См. *tiscanem*.

Miscanem, аор. *misci* – ‘ввожу, вставляю’. NBH, II: 299.

Презентная основа образована либо от каузативного/итеративного презенса **(s)mōud-ḫe-*, либо от основы аориста *тис-*, восходящей к

¹ Как отмечает А. Клухорст (Kloekhorst 2008: 530–533), хеттский глагол исходно был медиальным и выражал значение «светать; светиться (о восходящем солнце)».

² Помимо каузатива, для латинского глагола также засвидетельствовано стативное значение ‘быть светлым’, вероятно, возникшее благодаря слиянию в лат. *lūcē-* каузативной основы со стативной **leuk-ē-* (Watkins 1973: 69).

³ Регулярная основа аориста при *mtem* была бы **mtes’i*, а основа презенса при аористе *mtay* – **mtanim*. Однако, соответствующие формы не засвидетельствованы.

сигматическому аористу **(s)meud-s-* от корня **(s)meud-* ‘входить’, ср. *mtanem* ‘вхожу’ (в других языках свидетельств данного корня нет, см. Klingenschmitt, 1982: 192–193, 221).

Сопоставление с *mtanem* демонстрирует, что каузативная семантика *tisanem* коррелирует со структурой основы презенса или аориста, от которой был образован новый презенс.

См. *mtanem*.

Nerkanem, аор. *nerki* – ‘окунаю; крашу’ (мед.-пасс. *nerkanim*, аор. *nerkay*, *nerkeay*¹). Также засвидетельствован глагол *nerkem* (аор. *nerkes* ‘i’). К этому же корню относится существительное *nerk* ‘краска’ и *nerkaniwt* ‘краска’. NBH, II: 418.

Сопоставляется с др.-гр. *δύω* (перех.) ‘вводить’, (неперех.) ‘входить’ и возводится к и.-е. **dyeH-* ‘погружать’ (Belardi 1950: 147–148; Klingenschmitt 1982: 221–222; LIV²: 129–130; против Godel 1970: 144)². Из предлагавшихся интерпретаций начального *n-* наиболее вероятной кажется предложенная Г. Клингеншмиттом реконструкция **ni-erk-* из **ni-dyeH-*³. Восходит ли префикс к индоевропейскому или он является армянской инновацией не ясно. Основа аориста, от которой образована основа *-ane-*, восходит к корневому или сигматическому аористу **dyeH-* или **dyeH-s-*, откуда основа **erki-*, сохранившаяся в форме *nerkeay*. Основу презенса при этом установить невозможно (ср. др.-гр. *δύω*, *δύνω*).

¹ Регулярным презенсом при таком аористе должна был бы быть **nerknum* или **nerkč'im*.

² Вопреки DELG: 303–304 и EWAi, II: 750, сопоставление с др.-инд. *upā-du-* ‘одевать’ и *doṣā-* ‘вечер, темнота’ кажется вполне вероятным, ср. др.-гр. *δύσις* ‘закат (солнца, звезд)’.

³ В. Беларди восстанавливает **ner-erkanem* с последующим упрощением в *nerk-*. В качестве альтернативного варианта Г. Клингеншмитт предлагает видеть в *n-* специфическое развитие префикса **en-* ‘в-’ в позиции перед согласным.

Значение «красить» является, таким образом, армянским новообразованием, также как и субстантив *nerk* и образованный от него глагол *nerkel*.

Ololanem, аор. *ololi* – ‘наводняю’ (мед.-пасс. *ololanim*, аор. *ololay*). Также засвидетельствован вариант *ololem* (аор. *ololec'i*), *ololim* (аор. *ololec'ay*). К этому же корню относятся глаголы *helanim* (аор. *helay*) ‘течь, выливаться’, *helum* (аор. акт. *heli*, аор. мед.-пасс. *helay*) ‘выливать(ся)’, наряду с *halem* (аор. *halec'i*) ‘топлю’ и *lnum* ‘наполняю’. Сюда же относятся существительные *olol* ‘поток’ (откуда *ololanam*, аор. *ololac'ay* ‘проливать слезы, плакать’), *ololank'* ‘излияние’, а также *helel* ‘поток’, *hal* ‘таяние’. NBH, II: 508; НАВ, III: 555.

Презенс образован от основы аориста *olol-*. Редуцированный аорист находит параллель в аор. *arari* (през. *aṙnem*), аор. *arcarci* (през. *arcarcanem*).

Этимологически глагол находится в родстве с *helum* ‘наливать’ и *lnum* ‘наполнять’.

См. *helum*, *lnum*.

Spananem, аор. *spani* – (перех.) ‘убивать’ (мед.-пасс. *spananim*, аор. *spanay*). Сюда же относится существительное *spand* ‘убийство’. NBH, II: 734.

Родственно хетт. *ispanti* ‘приносить жертву, совершать возлияние’ (Kloekhorst 2008: 405–406), др.-гр. *σπένδω* ‘совершаю возлияние’, лат. *spondeō* ‘ручаюсь; обещаю’, тох. В *spänt-* ‘доверять’ от и.-е. **spend-* ‘приносить жертву; совершать возлияние’ (см. 1. **spend-* – LIV²: 578–579, где древнеармянское соответствие отсутствует).

Идея о том, что существительное *spand* является армянским новообразованием и восходит к **span-di* < **span-ti* (см. Klingenschmitt 1982: 226–227; Viredaz 2004–2005: 91–92, 97, прим. 66) не верна. Напротив, существительное *spand* сохранило глагольную презентную основу, которая в глаголе обновилась от основы аориста. Восстанавливаемая таким образом

парадигма през. **spand-* : аор. *span-* отражает протоармянский супплетивизм, ср. през. *harkane-*, аор. *har-*.

Возможно, аористная основа *span-* образовалась из формы 3 л. ед. ч. *e-span* < **e-spand*, либо императива *span* < *spand*, ср. *hun* ‘брод’ < **hund* < **pont-*, *gan* ‘битье’ < **gand-* < **g^hh_ṇ-ti-*. Такое развитие предполагает, что либо оглушение индоевропейских звонких дентальных после **-n-* не происходило, либо процесс озвончения глухих после сонантов продолжал действовать после оглушения индоевропейских звонких смычных, ср. *and* ‘в, среди’, наряду с др.-гр. *ἐντός* ‘среди’. Надежные примеры развития и.-е. **-nd-* отсутствуют.

Предположительно, основа аориста продолжает слабую ступень индоевропейского корневого аориста **sp_ṇd-*.

Sp'acanem, аорист не засвидетельствован – ‘подпоясываю’ (мед.-пасс. *sp'acanim*, аор. *sp'acay*). NBH, II: 765.

Согласно этимологии Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 227–228; LIV²: 461) восходит к прото-арм. **zu-p'acani-* от **peh₂ǵ-ṇH-* от корня **peh₂ǵ-* ‘твердеть’. Основа **(zu-)p'ac-* может восходить как к корневому аористу **peh₂ǵ-*, так и к сигматическому аористу **peh₂ǵ-s-* (ср. др.-гр. *ἐπηξα* ‘укрепил’).

Для данного корня засвидетельствован инфиксальный презенс, ср. лат. *rangō* ‘укрепляю’, а также **nu-*презенс, ср. др.-гр. *πήγνυμι* ‘крепну’.

Можно допустить, что *ane-*презенс образовался как активный вариант медио-пассивной формы **sp'acnum* ‘укрепляться, подпоясываться’, ср. морфологическую структуру *z-ge-num*, *z-baws-num*. В пользу этой гипотезы выступает ярко-выраженная медиальная семантика глагола, а также древнегреческое соответствие.

Stelcanem, аор. *stelci* – ‘создавать’. Активный вариант мед.-пасс. *stelcnum* ‘укрепляться’ (аорист не засвидетельствован).

См. *stelcnum*.

Suzanem, аор. *suzi* – (перех.) ‘прятать, накрывать’ (мед.-пасс. *suzanim*, аор. *suzay*). Также засвидетельствован глагол *suzem* (аор. *suzec'i*). Сюда же относится существительное *soyz(k')* ‘отверстие’. NBH, II: 731.

Глагол сопоставляется с др.-гр. *κεύθω* ‘прятать’, *κυνθάνει* (Гезих.) от корня **keud^h-* ‘скрывать’ (ср. LIV²: 358, где реконструируется корень **keud^h-*; Klingenschmitt 1982: 226 с критикой армянской этимологии; Clackson 1994: 210, прим. 88, где восстанавливается слабая ступень корня **kud^h-*). Основа презенса образовалась от основы аориста *suz-*, восходящей к сигматическому аористу **keud^h-s-* (ср. др.-гр. *κεῦσαι* ‘скрывать’).

У индоевропейского корня, возможно, существовал инфиксальный презенс, ср. др.-гр. *κυνθάνει*, парф. *-gwnd-* ‘накрывать, скрывать’ (LIV²: там же).

Tesanem, аор. *tesi* – ‘видеть’. От этого корня образовано существительное *tes* ‘вид’. NBH, II: 867; НАВ, IV: 396–397.

Вероятно, *tesanem* восходит к индоевропейскому глаголу с супплетивной парадигмой, характеризующейся медиальным презенсом **spek-* ‘смотреть’ (LIV²: 575–576) и активным аористом **derk-* ‘видеть’ (LIV²: 122). Контоминация протоармянских рефлексов **p'es-* и **ters-* привела к образованию аористной основы *tes-*, от которой был образован активная презентная форма (ср. Klingenschmitt 1982: 228; Hamp 1984: 315).

T'k'anem, аор. *t'k'i* – ‘плевать’. Активный вариант медио-пасс. *t'k'num* (аор. *t'k'i*) ‘плеваться’.

См. *t'k'num*.

2.3.2. Каузативный суффикс *-uc'ane-*

Казуативные глаголы образуются в древнеармянском от основы аориста с помощью форманта *-uc'ane-* в презенсе и *-uc'-* в аористе.

Существуют различные гипотезы относительно происхождения каузативного суффикса *-uc'-*, с помощью которого также регулярно образуются причастия от медио-пассивных аористов на *-eay*, ср. *zart'eay* 'я проснулся', *zart'-uc'-eal* 'проснувшийся'. Согласно гипотезе А. Мейе (Meillet 1936: 116–117; Meillet 1922: 47), презентная основа каузатива на *-uc'anem* является вторичным образованием от основы аориста на *-uc'-*, восходящей к корням, оканчивающимся на **-eṣ/u-* с суффиксом **-ske/o-*, **-ḡh-* или **-k-*. Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 264–266) высказал предположение о том, что каузативный формант *-uc'ane-* выделился по аналогии с рядом презентных основ на *-ane-* образованных от основ, восходящих к индоевропейским основам типа **CōṣC-je/o-*, – *tucanem* 'ввожу' (из **(s)mōṣd-je/o-*), *usanem* 'учу' (из **h₁ōṣk-je/o-*) и *bucanem* 'кормлю' (из **bʰōṣh₂k-je/o-*), имеющих ярко-выраженную каузативную семантику.

Некоторые глаголы имеют нерегулярные формы каузатива: *eluzanem* 'произвожу' от *elanem* 'выхожу' (аор. *eli*); *andeluzanem* 'налаживаю' от каузатива *eluzanem* (аор. *eluzi*); *ankluzanem* 'топлю' от *anklnum* (аор. *anklay*); *korusanem* 'теряю, разрушаю' от *kornč'im* 'исчезаю, разрушаюсь' (аор. *koreay*); *p'luzanem* 'роняю, бросаю на землю' от *p'lanim* 'падать' (аор. *p'lay*).

Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 263–264) отрицает возможность развития *-uc'ane-* > *-uzane-* под влиянием предшествующего конечного корневого *-l-* (которое встречается во всех трех глагольных корнях, при которых засвидетельствованы каузативы на *-uzane-*), также как и влияние *-r-* на развитие *-c'-* > *-s-* в *korusanem* (для других глаголов с корнем на *-r-* каузатив не засвидетельствован). По аналогии с развитием и.-е. **-ḡh-* > арм. *#j-* и *-z-/V_V* Г. Клингenschmitt постулирует необходимость следующего

звукового развития: а) $-t^{sh} > -d^{\tilde{}} / IV_V$; б) $-d^{\tilde{}} > -z / V_V$. Однако первую стадию этого изменения считает неправдоподобной. В действительности, можно предположить, что в древнеармянском фонема $-l-$ носила ярко-выраженный палатальный характер (в противоположность велярному $-l-$, см. Meillet 1936: 52) и палатализовывала следующий за ней согласный. В таком случае фонетическое развитие выглядело бы следующим образом: $-t^{sh} > -t^{\wedge sh} > -d^{\tilde{}} > -z-$. Ключевым в развитии как и.-е. $*-g^h-$ так и $-t^{\wedge sh}-$ в рамках протоармянской фонологической системы можно было бы предположить наличие у этих фонем признака палатальности. Объяснение возможного влияния конечного корневого $-r-$ в *korusanem* более затруднительно. Скорее всего это $-s-$ возникло по аналогии с однокоренным существительным *korust* ‘потеря, ущерб’. Возведение этой формы к сигматическому аористу от корня, оканчивающегося на $-us-$ (Kortlandt 1994: 29) проблематично.

Новый свет на происхождение и функцию древнеармянского инфинитива может пролить употребление каузативного суффикса в современном восточноармянском. Как показала К. Мегердумян (Megerdumian 2004–2005) в отличие от аналитической каузативной конструкции со вспомогательным глаголом *tal* ‘давать’, суффиксальный каузатив имеет ограниченное употребление и образуются от следующих категорий глаголов: 1) деноминативные глаголы, выражающие изменение состояния (непереходные *инхоативных* или *антиаузативные* глаголы, которые становятся переходными в форме каузатива), ср. *tes* ‘большой’ > *tesanal* ‘рости’ > *tesac’nel* ‘выращивать’; 2) глаголы, выражающие действия или род деятельности, ср. *xosel* ‘говорить’ > *xosac’nel* ‘заставить говорить’; 3) переходные *ингестивные* глаголы (*ingestive verbs*), т.е. глаголы, выражающие действия, направленные вовнутрь субъекта: *utel* ‘есть’ > *utesac’nel* ‘заставлять есть’, *haskanal* ‘понимать’ > *haskac’nel* ‘заставить понять’. Все остальные переходные глаголы образуют каузатив с помощью аналитической конструкции с *tal*.

2.3.3. Тематические презенсы от именных основ на *-an-*

Суффикс *-an-* образует отглагольные имена со значением деятеля, ср. *vār-* ‘идти (о дожде)’, *vāran* ‘дождь’ (Greppin 1975: 38).

По своему происхождению суффикс может либо продолжать индоевропейское активное причастие на **-nt-*, либо восходить к суффиксу среднеиранских причастий настоящего времени *-ān-*.

Индоевропейские причастия на **-ent-/nt-* (**-nt-*) образовывались от основ презенса и аориста, причем от атематических основ они образовывались по модели **CeC- → *CC-ént-/CC-nt-'* (*CC-nt-'*), а от тематических основ по модели **CeC-e- → CeC-ó-nt-/CeC-o-nt-'* (см. Fortson 2004: 97–98). Учитывая эту особенность, можно предположить, что отглагольные именные основы на *-an-* исходно образовывались от атематических основ, в то время как от тематических образовывались отглагольные имена на *-un-*. В хеттском причастия на *-nt-* имеют следующую особенность – от причастия, образованные от переходных глаголов, выражают пассивное значение, а от непереходных – активное. В случае если данное распределение было свойственно еще индоевропейскому, следует учитывать это при анализе глаголов, при которых встречаются архаичные отглагольные имена на *-an-* и *-un-*.

Образование новых глаголов от именных основ с помощью тематической гласной *-e-* в активном залоге и *-i-* в медио-пассивном залоге было доминирующей моделью образования деноминативных глаголов (Jensen 1959: 35). Причем, в отличие от деноминативных глаголов на *-a-*, эта словообразовательная модель была семантически не маркированной. В рамках этой модели от именных основ на *-an-* образовались глаголы с основой, заканчивающейся на *-an-e-* в презенсе и *-an-es'* в аористе.

В качестве примера можно привести глагол *bažanet*, аор. *bažanec'i* ‘разделять, делить, рассоединять’. Основа *bažan-* засвидетельствована также

именными образованиями *bažan-um* ‘деление, распределение, разделение’, *bažan-akan* ‘делимый’, наречием *bažan-abar* ‘отдельно’ и композитами, например, *bažan-arar* ‘распределитель’, *bažan-ord* ‘участник’. От этого же корня образовано существительное *baž* ‘налог’ и деноминативный глагол *bažem* (аор. *bažec’i*) ‘собирать налог’. Относящееся к этому корню существительное *bažin* (а также вариант *baržin*) ‘доля, часть’, содержит суффикс *-in-* восходящий, вероятно, к и.-е. **-īno-*. Корень *baž-* является иранским заимствованием.

Еще одним источником отыменных *an*-основ могли быть существительные оканчивающиеся на *-n* в именительном падеже и *-an* в родительном, ср. *c’akanem* (аор. *c’akanec’i*) ‘быть в нужде’ от *c’akn*, род. пад. *c’akan* ‘нужда’.

Как видно из приведенного выше примера, деривационные модели действовавшие на разных этапах развития языка привели к сосуществованию глаголов *bažanem* (аор. *bažanec’i*) и *bažem* (аор. *bažec’i*) с одинаковым значением. Такая ситуация создавала базу для метаанализа и выделения *-ane-* в самостоятельный презентный суффикс. При этом период сосуществования данных типов глаголов относится к более позднему времени относительно периода образования глаголов с *ane*-презенсом и корневым аористом, на что, помимо основы аориста также указывают многочисленные иранские заимствования среди именных *an*-основ.

2.4. Презентные основы на -ani-

Относящиеся сюда глаголы имеют медиальные окончания и корневой аорист. К этому классу относятся 55 глагола, из которых 31 имеют активные варианты основы и основой *-ane-*: *anc’anim*, *ankanim*, *aṛ-anc’anim*, *aracanim*, *bekanim*, *dizanim*, *elanim*, *elcanim*, *ənt’erc’anim*, *gtanim*, *harkanim*, *hasanim*,

hatanim, heljanim, hergicanem, herjanim, iĵanim, lk'anim, lucanim, macanim, nerkanim, ololanim, sp'acanem, spananem, suzanem, tk'tk'anim, z-aṛ-acanim, z-arkanem, z-atanim, z-elcanim, z-iĵanim. В ряде случаев нельзя с уверенностью утверждать, какая из форм, активная (-*ane*-) или медио-пассивная (-*ani*-) является более древней.

Среди оставшихся 7 глаголов засвидетельствованы как варианты основ -*nu*-: *andelanim, hecanim, helanim, ĵeṛanim, ostanim, p'rcanim, tṛanim*.

В разделе 2.4.1. рассмотрены первичные глаголы на -*anim*, не имеющие залоговой пары на -*anem* или медио-пассивного варианта на -*num*. Формы и этимологии глаголов на -*anim* имеющие указанные варианты приведены в разделах, посвященных соответствующим глаголам на -*ane*- и -*nu*-.

Глаголы с презенсом на -*ani*- распределяются по следующим морфосинтаксическим типам:

- 1) пассивные непереходные: *arcarcanim, bekanim, granim*, и проч.;
- 2) медиальные непереходные: *meranim*, и проч.
- 3) активный/медиальный непереходный: *spanim*.

		акт. залог	мед. залог	пасс. залог
1	през.			-ani-
	аор.			-a-
2	през.		-ani-	
	аор.		-a-/-ea-	
3	през.	-ani-		
	аор.	-a-		

Валетностные характеристики этих двух типов глаголов можно проиллюстрировать следующими примерами:

- 1.

- Пассивный залог: *Et'ē akn k'o aǵgayt'agħuc'anē z-k'ez, xlea z-na ew ankea i k'ēz, zi law ē k'ēz et'ē mi yandamoc' k'oc' koric'ē, ew mi amenayn marmin-d k'o ankanic'I I gerhen* (Mt. 5:29) «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну».

2.

- Медиальный залог: *Meřaw ew kin-n:* (Лук. 20:32) «умерла и жена».

3.

- Активный залог: *Abraham cnaw z-Isahak* (Мт. 1:2) «Авраам родил Исаака»;

- Медиальный залог: *Zi cnaw jez aysor t'rkič', or ē oceal ter i k'alak'i Dawt'i* (Лук. 2:11) «ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель,...».

2.4.1. Первичные презентные основы на *-ani-*

Acanim (аор. *acay*) – ‘опоясываться’. Медиальная форма глагола *aset* (аор. *aci*) ‘нести, вести, сжимать’ в значении ‘сжимать, поддерживать, удерживать’. От этого же корня образованы глаголы *ařacim* (аор. *ařaceay*) ‘поворачиваться, отвлекаться’ и *zařacanem* (аор. *zařaci*; мед.-пасс. *zařacanim*, аор. *zařaceay*) ‘отвлекать, уводить, вводить в заблуждение’¹. NBH, I: 20 (*acanim*; *aset*), I: 282–283 (*ařacim*); I: 715 (*zařacanem*); НАВ, I: 101–102².

Презенс образован от основы аориста *ac-*, которая восходит к индоевропейскому либо к корневому аористу **h₂eg-*, либо к сигматическому

¹ Не ясно, по какой причине в этот глагол проникла основа *i*-аориста в *ařaceay* и *zařaceay*, свойственная классам *-ni-* и *-či-*.

² Приведенная Р. Ачаряном форма презенса *ařacanem* в рассмотренных нами лексикографических источниках не засвидетельствована.

аористу **h₂eǵ-s-* (ср. новообразования: др.-гр. ἡξαι и др.-ирл. *-acht* ‘повел’) от корня **h₂eǵ-* ‘вести’ (LIV²: 255–256; Klingenschmitt 1982: 128)¹.

См. *zařacanem*.

1. *Aganim*, аор. *agay* – (неперех.) ‘одеваться’ (прич. прош. вр. *ageal* или *aguc’eal*²). Варианты основы *hagnim* (аор. *hagay*), *haganim* (аор. *hagay*) ‘одваюсь’. NBH, I: 2 (*aganim*), II: 2 (*haganim*); НАВ, I: 75.

Аорист *ag-* возводится к корневому аористу **h₂euH-* (ср. лат. *indui*, ст.-сл. *обѹша* ‘обулся’) от и.-е. **h₂euH-* ‘обуваться’ (LIV²: 275; Klingenschmitt 1981: 177; Meillet 1936: 109). Г. Клингenschmitt для презентной основы восстанавливает инфиксальный презенс: **h₂au-ŋ-H-*. При этом индоевропейская инфиксальная основа для этого корня не восстанавливается. Лит. *auni* ‘обуваюсь’ указывает на **h₂eu(H)-ni-*.

Возможно, этимологически связано с *z-genim* ‘одеваться’ (см. *zgenim*).

2. *Aganim*, аор. *agay* – (неперех.) ‘ночевать, проводить ночь’ (прич. прош. вр. *aguc’eal*, кауз. *aguc’anem*). Также засвидетельствованы композиты *awt’-ag-ay-anam*, *awt’-ag-ay-im* и *awt’-ag-an linem* ‘ночевать’. Основа *ag-* засвидетельствована в композите *bariawt’e-ag*, *vayr-ag* и *agalal* (с позднейшей регрессивной ассимиляцией *ak’alal*) ‘петух’. В тексте 13 в. засвидетельствовано образованное от этого глагола существительное *agan* ‘рано-встающий, усердный’. NBH, I: 2; НАВ, I: 76.

Глагол образован от корня **h₂eu-* ‘проводить ночь’, который в армянском представлен также существительным *awt’* ‘ночлег’ (из **heu-ti-*), образованным от него глаголом *awt’im* (аор. *awt’ec’ay*) ‘пребывать, обитать’, а также вторичными отглагольными образованиями (НАВ, I: 76; IV: 609–

¹ Ср. Beekes 2004: 182, где для древнеармянской презентной основы восстанавливается **h₂ǵ-es-*.

² Форма причастия, свойственная классам *-ni-* и *-či-*.

610). В других индоевропейских языках корень **h₂eu-* засвидетельствован в др.-гр. *ἰαύω* ‘проводить ночь’, *αὐλή* ‘ночлег’ (DELG 24, 139–140), тох. В *wäs-* ‘отдыхать’ и хетт. *h₂uis-* ‘жить’ < **h₂u-id-* (Lamberterie 1990: 818–817, прим. 10¹; корневая этимология хеттского слова была впервые предложена в Kuryłowicz 1927: 101; см. также Kloekhorst 2008: 353–355), а также рефлексам от основы **h₂u-es-* ‘ночевать’, ср. др.-инд. *vásati*, ав. *vanhaiti*, гот. *wisan* ‘пребывать, оставаться’ (2. **h₂ues-* – LIV²: 293–294; Lamberterie 1990: 817; Benveniste 1935: 156).

Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 203) реконструирует для протоармянского назальный презентную основу **h₂eu-ṇH-*. Учитывая тот факт, что индоевропейский корень не содержал ауслаутного ларингала, данная праформа возможна только как вторичное образование на *-ṇH-*, которое не засвидетельствовано в других языках. Вероятнее всего презент образован от аориста *ag-*, восходящего к индоевропейскому корневому аористу.

Ankanim, аор. *ankay* – (неперех.) ‘падать, бросаться; одеваться’. NBH, I: 169; HAB, I: 197–199.

Презентная основа является вторичным образованием от аористной основы *ank-*, которая восходит к корневому аористу от индоевропейского корня **seng^u-* (LIV²: 531–532; Meillet 1936: 109) ‘бросать, свергать’ (акт.), ‘падать, тонуть’ (мед.), ср. гот. *siggan* ‘тонуть’, др.-гр. *ἑάφθῃ* ‘скат, спуск’. В готском и армянском от данного корня образуются каузативные формы: арм. *ənkenum* (аор. *ənkesc’i*)², гот. *saggqjan* ‘окупать, топить’. Готский сохранил

¹ Ш. Ламбертери предлагает для хеттского слова реконструкцию **h₂u-id-i-*. Другие свидетельства основы *-id-* представлены в существительных *hwitar*, *hwitant-* ‘животный мир’ (Weitenberg 1984, § 218–240).

² На то, что начальное *ənke-* корневое и не содержит предлога *ənd-* (эта гипотеза была предложена Г. Клингenschmitt, Klingenschmitt 1982: 249), указывает форма усл. накл. аор. 3 л. *ənkesc’ē*.

индоевропейский каузатив **songʷ-éje/o-* (Godel 1982: 24; Lamberterie 1990: 269).

Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 203) реконструирует для протоармянского презентную основу **sngʷ-ṇH-* с медиальным значением, не объясняя, как именно такая основа могла образоваться.

Также презентная основа может быть вторичным образованием от основы аориста, восходящей к тематическому или корневому аористу (ср. Lamberterie, там же; Kortlandt 1996: 41–42). Ш. де Ламбертри восстанавливает для аористной основы тематический аорист **sngʷ-e/o-* и считает медио-пассивную парадигму вторичным развитием. Однако, *ank-* может также отражать индоевропейский медиальный аорист **sngʷ-* (Barton 1989: 145). Проблематичными аспектами фонологического развития **sngʷ-* > *ank-* являются отсутствие озвончения гуттурального после сонанта, а также отсутствие эпентетического **-ṇ-*, которое появляется в аналогичном контексте в *awcanem* ‘мазать’ < **h₃sngʷ-*, *awj* ‘змея’ < **h₂sngʷh-i-* (Klingenschmitt 1982: 181–182; см. также Kortlandt 1980: 99; Beekes 2003: 204 – авторы реконструируют для армянских слов **h₃sngʷ-* и **h₂sngʷh-*, считая более вероятной в данной позиции вокализацию ларингалов, а не сонантов). Решение Р. Бекеса отклонить на этом основании возведение арм. *ankanim* к и.-е. **sengʷ-* кажется, однако, не верным. Возможно, в армянском произошла контаминация основ с полной и слабой огласовками.

См. также *ənkenum*.

Aṛawelanim, аор. *aṛawelay* – ‘увеличиваюсь’. Варианты презентной основы: акт. *aṛawelum* (аор. *aṛaweli*), *aṛawelem* (аор. *aṛawelec 'i*) ‘увеличиваю’; мед.-пасс. *aṛawelim* (аор. *aṛawelec 'ay*), *aṛawelanam* (аор. *aṛawelac 'ay*). К этому же корню относятся *yawelum* (аор. *yaweli*), *yawelem* (аор. *yawelec 'i*) ‘добавлять’, а также прилагательное *aweli* ‘больше’.

Учитывая вторичный характер основы на *-ani-* следует признать, что она образована как медио-пассивный вариант от аориста *aṛavelum* (аор. *aṛaveli*), ср. *helanim* от *helum* (аор. *heli*), см. Pedersen 1906: 357.

Корень восходит к и.-е. **h₃b^hel-* ‘увеличивать’, ср. др.-гр. *ὀφείλλω* ‘увеличивать’ (DELG: 841–842; Beekes 2003: 186).¹ Древнегреческому презенсу на **-je-* наиболее точно соответствует *aṛ-awelem*.

Busanim, аор. *busay* – ‘расту, произрастаю’. NBH, I: 513.

Основа аориста *boyc-* восходит к прото-арм. **bū-k^(ʷ)* из и.-е. **b^hueh₂-* ‘рости’ (LIV²: 98–99; Klingenschmitt 1982: 205), см. 2.6.2.2.

Если гипотеза о протоармянском презентном суффиксе **-k^(ʷ)* верна, *-s-* в основе аориста следует считать вторичным. Идея об именном происхождении суффикса (Klingenschmitt 1982: там же) кажется менее вероятной.

Альтернативное решение было предложено Ф. Кортландтом (Kortlandt 1999: 48), который восстанавливает для *busanim* вторичную инфиксальную основу **buns-*, образованную от сигматической основы. Таким же образом для *lsem* он реконструирует **kluns-* (Kortlandt 1987: 50). Постулируемое в рамках данной гипотезы морфологическое развитие кажется менее вероятным, хотя и возможным.

Cnanim аор. *снау, sneau* – ‘рождаться, порождать’ (проч. прош. вр. *sneal, cnic‘eal*)². К этому же корню восходят именные существительные *сін* ‘рождение’, *сн-awl* ‘родитель’. NBH, I: 1020.

¹ Примечательна греко-армянская семантическая изоглосса *awelum* ‘мету’ (аор. *aweli*; вариант – през. *awelem, awilem, awlem*, аор. *awelec‘i*), др.-гр. *ὀφείλλω* ‘id.’.

² Формы *sneau* и *cnic‘eal* указывают на аористную основу **cn-i-*. Причем причастная основа *сн-і-с’* может быть в данном случае архаизмом, отражающим стадию, когда причастие перфектных глаголов с основой *-i-* (< **-ē-*) образовывалось от основы имперфекта.

Основа аориста *cin-* восходит к индоевропейскому корневому аористу **ǵenhi-* ‘производить; порождать’, ср. вед. *ajani* ‘я родился’, др.-гр. *ἐγένετο* ‘быть порожденным, созданным’, лат. *geniū* ‘создал’ (LIV²: 163–165)¹.

Этимологически *-a-* может восходить к ларингалу *snawł* < **ǵenhi-tl* (Bugge 1892: 437–438; Meillet 1936: 109; Lamberterie 1982: 41–42; Beekes 2003: 192, 195)². В рамках такой интерпретации можно постулировать для аориста исходную основу **сна-*, восходящую к индоевропейскому корневому аористу, где конечный корневой гласный был переосмыслен как медиопассивный аористный суффикс *-a-* (ср. Klingenschmitt 1982: 198), откуда по аналогии с другими корневыми медиальными аористами развилась презентная основа *-ani-*.

Если идея Р. Бекеса о вокализации ларингалов в середине слова только перед кластером согласных, но не перед одним согласным верна (Beekes 1981: 128), то *-a-* могло также развиться из форм ед. и мн. числа переходных глаголов (**-tro* и **-ntro* соответственно в реконструкции Ф. Кортландта, Kortlandt 1981: 128).

В любом случае, древнеармянский аорист восходит к индоевропейскому корневому аористу.

¹ Корневой, либо инфиксальный презенсы для данного корня не восстанавливается. Данные различных языков указывают на то, что этот корень имел в индоевропейском три презентные основы: презенс с удвоением **ǵí-ǵnh₁-* (др.-гр. *γίγνομαι*, лат. *gignō* ‘рождаю’, ав. *zīzanənti* ‘создают’),¹ **ǵnh₁-ǵé/ó-* с медиальным непереходным значением ‘рождаться’ (др.-инд. *jāya-* (мед.), ав. *zaiia-* (мед.) ‘рождаться’, др.-ирл. *gainethat* (3 ед. ч., през.) ‘они рождаются’) и **ǵénhi-e-* с активным переходным значением ‘рождать’ (др.-инд. *jāna-* (акт., мед.), арх. лат. *genunt* ‘порождать’).

² Р. Бекес приводит для одного и того же армянского слова две реконструкции: **ǵnh₁-tl-* с нулевой ступенью (там же: 174) и **ǵénhi-tlos* с полной ступенью, ср. скр. *janítram* ‘место рождения’ (там же: 192, 195). Ведийское соответствие, а также др.-гр. *γενέτωρ* ‘родитель’ указывают скорее на полную ступень корня.

Elanim, аор. *elē* – ‘становлюсь’ (прич. *eleal*). NBH, I: 652.

Глагол образован от основы аориста глагола *linim*, аор. *elē*. Как справедливо заметил Р. Годель (Godel 1970: 151–152), аналогическое новообразование в поздний прото-армянский период является более вероятным решением, чем сопоставление с др.-гр. *πέλωμαι* ‘окружаю’ (Meillet 1897–1898: 282 (но не в Meillet 1936); НАВ: II: 14; Solta 1960: 87).

См. *linim*.

Gelanim, аор. *gelay* – ‘сжимаюсь, закручиваюсь’. Также встречается активная форма *gelum* (аор. *geli*). NBH, I: 534.

Корневое *gel-* образовано от индоевропейского корня **uel-* ‘крутить, вертеть’ (2. **uel-* – LIV²: 675).

Презентная основа на *-u-* в *gelum* находит точное соответствие в лат. *volvō* ‘поворачиваю’, др.-гр. *εἰλύομαι* ‘качусь’.¹ Для данного корня также восстанавливается презенс на *-nu-* **ul-nu-*, ср. вед. *vr̥ṇóti* ‘поворачивается’.

Haganim, аор. *hagay* – ‘одеваюсь’. Также засвидетельствован вариант презентной основы *hagnim*. NBH, II: 2.

Глагол образован от *aganim* с помощью префикса *y-*.

См. *aganim*, *hagnim*.

Hiwcanim, аор. *hiwcau* – (неперех.) ‘истощаюсь, изнуряюсь, чахну’ (прич. *hiwceal*). Также засвидетельствована форма *hiwcim* (аор. *hiwces’ay*). NBH, II: 101; НАВ, III: 99.

Основа аориста *hiwc-* может восходить либо к корневому аористу **sēug-*, либо к сигматическому аористу **sēug-s-*, ср. гот. *siukan* ‘болеть, чахнуть’ от корня **seug-* ‘болеть’. Продленная ступень корня (краткая дала бы *-ou-*, ср. Джаукян 1982: 212) указывать скорее на сигматический аорист.

¹ П. Шантрэн указывает, что медио-пассивные формы этого глагола засвидетельствованы лучше (DELG II: 320).

Meřanim, аор. *meřay* – (неперех.) ‘умираю’ (прич. *meřeal*; кауз. *meřisc’anem*). NBH, II: 251.

Презенс является вторичным образованием от основы аориста *meř-*, восходящей к **mer-s-*, сигматическому аористу от индоевропейского корня **mer-* ‘умирать’, ср. хетт. *mer-* ‘исчезать’, др.-инд. *mriyáte*, ав. *miriiete*, лат. *morior*, лит. *miřti*, ст.-сл. *мръѣти* ‘умирать’, др.-гр. *ἔμωρτεν* ‘умер’¹ (ср. LIV²: 439–440; Klingenschmitt 1982: 221; Meillet 1936: 109; Bonfante 1942).

Как убедительно показал Ч. Бартон (Barton 1989), геминированный *ř* не может отражать назальный суффикс, как это допускал А. Мейе (Meillet 1890: 165, 1936: 54), поскольку и.-е. *r* переходило в *ř* только перед неслоговым *-n-* (из и.-е. **n*, **n̥*, **m̥*), которое сохранилось, ср. *duřn* < **d^hur-m̥* или **d^huōr-m̥*. Ни **mer-n̥-*, ни **mer-ni-* не могли дать **meř-*. Кроме того рефлексы индоевропейской основы, которая бы содержала назальный инфикс или суффикс в других языках отсутствуют.

Г. Клингеншмитт (Klingenschmitt 1982: 220–221) считает, что основа на *-ani-* заменила протоармянскую презентную форму **meř-ni-* ‘убивать’ (акт.), ‘умирать’ (мед.), которая находит соответствие в хеттском каузативе *terni-* ‘заставить исчезнуть’ (возможно, сюда же относится лув. *maruwa-* ‘id.’) от глагола *mer-* ‘исчезать’ (Oettinger 1979: 105; Kloekhorst 2008: 577–578). При этом полная ступень в прото-армянском **meř-ni-*, по мнению Клингеншмитта, могла появиться по аналогии с основой аориста. Примечательно, что в хеттском исходно каузативный суффикс *-ni-* присоединялся к нулевой ступени корня и только позднее стал переходить на полную ступень корня, как это произошло в *terni-* (см. Kloekhorst 2008:

¹ А. Клухорст (Kloekhorst 2008: 578) считает, что значение «исчезать», засвидетельствованное хеттским словом, является для данного индоевропейского корня первичным.

608). По-видимому, хетт. *mernu-*, так же как и лит. *marina* ‘убивает’ следует считать каузативными новообразованиями.

Гипотеза Ч. Бартона (Barton, там же) о том, что древнеармянское *ṛ* развилось из парадигмы активного залога корневого аориста, три формы которой (1 л., ед. ч. **mer-ṛ*; 2 л., ед. ч. **mer-s*; 3 л., мн. ч. **mer-ṛt*) регулярно дали бы **meṛ-*, кажется менее вероятной, чем гипотеза происхождения *-ṛ-* из сигматического аориста.

P'lanim, аор. *p'lay* – (неперех.) ‘падаю, рушусь, обваливаюсь’ (прич. *p'leal* и *p'luzéal*; кауз. *p'luc'anem* и *p'luzanem*).¹ Сюда же относятся существительные *p'ul(-k')* ‘падение; разрушение; руины; убывание (астрон.)’ (откуда *p'lanam* (аорист не засвидетельствован) ‘убывать, уменьшаться’) и *p'lac* ‘руины; обломки’. NBH, II: 942.

Основа аориста *p'il-* возводится к корневому аористу и.-е. **peh₃lH-* ‘падать’,² ср. др.-англ. *feallan*, лит. *pulti*, др.-гр. *σφάλλω* (LIV²: 463–464; Meillet 1936, 109).

Snanim, аор. *snay* – (неперех.) ‘воспитываться’ (прич. *sneal*; кауз. *snuc'anem*). Сюда же относятся именные формы *san* ‘воспитанник, ученик; крестный сын’ и *sun* ‘маленький’. NBH, II: 724.

Корневое *sun-* восходит к нулевой ступени корневого аориста от и.-е. **seuH-* ‘рождать’ (LIV²: 538; IEW: 913, ср. также Klingenschmitt 1982: 226). Корневое *-n-* можно объяснить индоевропейским инфиксом **su-ne/n-H-*, ср. мл. ав. *hunāmi* ‘рождаюсь’.

¹ Формы *p'luzéal* и *p'luzanem* отражают сходное развитие с *eluzanem*, *ənkluzanem*.

² Хотя в рамках армянского передвижения согласных **p* и должно было бы дать арм. *p'*, в действительности этот звуковой переход плохо засвидетельствован, особенно в начале слова. Единственный надежный пример: *p'tul* ‘птица’ < **pt-*.

Šiřanim, аор. – (неперех.) ‘исчерпываться, заканчиваться, угать’ (кауз. *šiřuc’anem*). NBH, II: 478.

Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 223) в качестве возможной праформы предлагает реконструкции **šeijāni-/ *šeijā-* или **seiřani-/ *seiřa-*, оставляя данные реконструкции без этимологического решения.

Вероятно, глагол является родственным *iřanim* ‘опускаюсь’, *ziřanim* ‘успокаиваюсь’. В этом случае основа аориста может восходить к перфекту с редупликацией **se-soiğ^h-*.

См. *iřanim*.

Usanim, аор. *usay* – (неперех.) ‘учиться’ (кауз. *usuc’anem* ‘учу’). NBH, II: 555.

Вероятно, основа аориста *us-* восходит к индоевропейскому корневому аористу (в других языках следы этой основы аориста не сохранились) от корня **h₁euḱ-* ‘привыкать’ (LIV²: 244–245).

Инфиксальный презенс от этого корня, **h₁u-né-k-*, засвидетельствован в лит. *junkstù* ‘привыкнуть’ и др.-ирл. *to-uccí* ‘понял’¹. (Meillet 1936:109).

Возможно медио-пассивная основа развилась на базе активной формы **usanem* ‘учить’. Существование у данного корня активного презенса подтверждается реконструкцией каузатива **hoṽk-éje-* (ср. ст.-сл. *ѹчити* и хот.-сак. *пу-ūj-* ‘учит’) и презенса *h₁uk-ǵé-* (ср. др.-русс. **выче́т**). При этом замена **выче́** на вторичную презентную основу с назальным суффиксом **выкнѹ-** ‘учить’, представляет собой параллель к армянскому развитию.

¹ Замечания Г. Клингenschmittа (Klingenschmitt 1981: 186³¹): пра-кельт. **onkī-* < и.-е. **h₂nek-* ‘достигать’ (LIV: 282–283).

2.5. Презентные основы на -ne-

К этому классу относится пять глаголов: *aṛnem* ‘делать’ (аор. *arari*), *arcnem* ‘зажигать’ (аор. *arcēs'i*), *dnem* ‘класть’ (аор. *edi*), *pšnem* ‘пристально смотреть’ (аор. *pšēay*) и *yaṛnem* ‘взбираться’ (аор. *yaṛēay*).

Глаголы с презенсом на -ne- распределяются по следующим морфосинтаксическим типам:

- 1) активные переходные: *aṛnem*, *arcnem*, *dnem*
- 2) медиальные непереходные: *pšnem*, *yaṛnem*

		акт. залог	мед. залог	пасс. залог
1	през.	-ne-		
	аор.	-ø-, supl., -ecʻ-		
2	през.		-ne-	
	аор.		-ea-	

2.5.1. Первичные презентные основы на -ne-

Aṛnem, аор. *arari* – ‘делать’ (мед.-пасс. през. *aṛnim* (аор. *araray*), прич. прош. вр. *arareal*). NBH, I: 308–309; HAB, I: 261–262.

Г. Клингenschmidt (Klingenschmitt 1982: 162–163) восстанавливает для этого глагола протоармянскую презентную основу **ar-ne-* из **h₂r-nH-e/o-*. Последнее он считает армянским новообразованием, заместившем **h₂r-neu/ni-*, ср. вед. *ṛṇvánti*, 3 pl. ind. ‘соединяют’ от корня **h₂er-* ‘соединять, делать’ (LIV²: 269–270). В рамках данной этимологии требует объяснения тематизация основы с суффиксом -nH- (см. разделы 2.1.1., 2.1.2. и 2.1.3.), а также основания для перехода глагола из класса **-ni-* в класс **-nH-*.

Э. Хэмп предложил рассматривать основу *añnem* (наряду с *dnem* ‘класть’, см. *dnem*) как переделанный презенс с редупликацией **ararem*, приводя в качестве соответствия др.-гр. *ἀραρίσκω*. Отсутствием инфикса в корне Хэмп объясняет и то, что в данном случае не возникли необходимые по закону Зиверса условия (тяжелый слог) для перехода суффиксального **-n-* в *-an-*. Учитывая то, что в армянском не сохранилось архаичных презентных основ с редупликацией, такая замена в принципе возможна. Однако сопоставление с древнегреческим нерелевантно, поскольку речь идет о греческой инновации от редуплицированного аориста (DELG, I: 101–102; Klingenschmitt 1982: 73).

Помимо древнегреческого аориста *ἤραρον* древнеармянское *arari* может быть сопоставлено с перфектом *ἀρῆρα*. Последнее более вероятно, учитывая связь **-ni-* презенсов с перфектом в индоевропейском.¹ Можно допустить, что в протоармянском от медиальной основы **ar-ni-* ‘образоваться’ был образован активный вариант **ar-ne-* ‘делать’ с заменой конечной тематической гласной по аналогии с продуктивным классом активных глаголов с основой на *-e-* и пассивный вариант **ar-ni-* ‘быть сделанным’.

Arcnem, аор. *arccec'i* – ‘выжигать’. К этому же корню относятся глаголы *arcarcanem* (аор. *arcarci*) и *arcarcem* (аор. *arcarcec'i*). NBH, I: 362 (*arcnem*), NBH, I: 361–362 (*arcarcanem*); HAV, I: 318–319.

Вероятно, аорист сохранил архаичную основу имперфекта на **-e-sk-*, в то время как основа архаичного редуплицированного аориста сохранилась в

¹ В свете гипотезы о близком родстве армянского и фригийского примечательна редупликация в основах перфектных причастий во фригийском, ср. *γεγαριτμενος*, *τετικμενος*, etc. (Lubotsky 1988: 15).

аор. *arcarci* (през. *arcarcanem*¹), ср. *aṛnem*, аор. *arari*, где редуплицированный аорист является архаизмом. При этом *arcarcsec'i* (през. *arcarcsem*) следует рассматривать как вторичный аорист, образовавшийся по продуктивной модели през. -e- : аор. -ec'-.

Презентная основа *arcne-*, может восходить к индоевропейской каузативной основе **h₂rǵ-ne-* ‘освещать, зажигать’ от перфектной основы **h₂org-/h₂rǵ-* ‘загореться, зажечься, стать светлым, сверкать’, ср. перфектное причастие **h₂rǵ-u-* ‘сверкающий’ (др.-инд. *árjuna-* ‘белый, сверкающий’, др.-гр. *ἄργυρος* ‘серебро’, тох. В *ārkwī* ‘белый’, а также деноминативные глаголы хетт. *arkuwa-* ‘жалуюсь’ и лат. *arguō* ‘показываю, проясняю’ (см. Adams, Mellory 1997: 641; EWAi, I: 115–116; Schrijver 1991: 67–68; Kloekhorst 2008: 205–206)². Косвенным свидетельством перфектного происхождения аориста может служить редупликация в аористной основе *arcarc-*.

Возможно также, что основа *arcne-* возникла как активный вариант медиальной основы **arcnu-* ‘загораться’ (ср. *aṛnem*). Хотя индоевропейская основа **h₂rǵ-neu/ni-* не засвидетельствована, ее существование наряду с *u-* основой причастия, вполне вероятно.

Dnem, аор. *edi* – (перех.) ‘класть, ставить’. Засвидетельствованы медиопассивные презентные основы *dnim* (аор. *eday*) и *dnanim* (аор. *eday*) ‘быть поставленным’. Также засвидетельствованы приставочные глаголы *aṛdnem* (аор. *aṛedi*) ‘выставлять’. NBH, I: 637; HAB, I: 675–676.

Презентная основа восходит к **di-ne-* от индоевропейского корня **d^heh₁-* ‘класть’ (LIV²: 136–138; Klingenschmitt 1982: 163; IEW: 236). Основа

¹ Данная презентная основа с удвоением находит морфологическую параллель среди презентов на -ane- в *ololanem* (см. *ololanem*).

² Арм. *arcat* ‘серебряный’ является иранским заимствованием, ср. ав. *arəzatəm*, др.-перс. *ardata-* ‘серебро’ из **h₂rǵ-nt-om*, либо из субстратного **arcatta* ‘серебро’ (Viredaz 2004–2005: 89, прим. 26).

может продолжать индоевропейский каузативный **ne*-презенс со значением «ставить» от индоевропейской перфектной основы **de-d^hóh₁-/de-d^hh₁-* со значением «стоять» (ср. др.-гр. *τέθειμαι*, вед. *dadháu-*, см. DELG: 1116–1117; EWAi, I: 785–786), ср. *arcnem*.

Кроме того, засвидетельствованная основа могла заместить либо индоевропейский презенс с редупликацией (ср. вед. *dádāmi* ‘устанавливаю’, др.-гр. *τίθημι* ‘устанавливаю, укладываю’), восстанавливаемый на основании данных других языков, либо обновить *ni*-основу (ср. ст.-сл. *дѣнѣ*), как это, несомненно, произошло с *pšnem* (из *pšnum*), *aṛnem* (из **aṛnum* ‘брат’) и *yaṛnem* (из **yaṛnum* ‘подниматься’).

Возведение *dne-* к индоевропейской инфиксальной основе невозможно; и.-е. **d^h-ne-h₁- /d^h-ñ-h₁-* дало бы арм. **dni-/dan-*.

Pšnem, аор. *pšeaу* – (неперех.) ‘пристально смотреть’. Также засвидетельствована презентная основа *pšnum*. NBH, I: 658; HAV IV: 83–84.

Презентная основа заменила основу *pšnum*, ср. аорист.

См. *pšnum*.

Yaṛnem, аор. *yaṛeaу* – (неперех.) ‘подниматься, вставать’ (прич. прош. вр. *yaṛuc’eal*; импер. 2 л. ед.ч. *ari*). Сюда же относятся глаголы *yaṛim* (аор. *yaṛeaу*) и *yaṛim* (аор. *yaṛec’ay*) ‘вытягиваться, растягиваться’, а также *yaṛem* (аор. *yaṛec’i*) ‘вытягивать, выставять’. NBH, I: 338; HAV, III: 384.

Презентная основа заместила архаичную презентную основу **aṛni-* (ср. *i*-аорист и причастие на *-uc’eal*, а также *pšnem* от *pšnum*), восходящую к индоевропейской каузативной основе **h₃r-neu/ni-* ‘поднимать’ (ср. хетт. *arnuzi* ‘заставлять идти, перемещать’, др.-гр. *ὀρνύμαι*, вед. *ṛnóti* ‘приводить в движение’) от и.-е. **h₃er-* ‘двигаться вертикально, подниматься’ (EWAi, I: 105–106; DELG: 824 с обсуждением проблемы вокализма корня; Kloekhorst 2008: 208).

Таким образом, можно восстановить следующие основы: през. **y-ar̥-ni-*, аор. *y-ar-i-* ‘подниматься’.¹ Основа аориста может продолжать либо корневой аорист (мед.) **h₃er-/h₃r-* (ср. вед. *árta* ‘он встал’, ср. Lindeman 1977: 17, где в качестве возможного источника основы аориста рассматривает оптатив медио-пассивного аориста **h₁or-ī-/h₁r-ī-*, ср. вед. *arīta* RV 9. 79. 3), либо перфект **h₃or-ē-/h₃r-ē-* (ср. *ὠρόμην*, перф. *ὄρωρα* ‘шевелить, спешить’, вед. перф. *āra-*). Вторая возможность лучше объясняет *-i-* аорист (ср. Meillet 1936: 115, где аорист интерпретируется как архаичный имперфект).

Возможно, обновление презенса произошло, чтобы избежать омонимию с *aṛnim* ‘брат’ (ср. Klingenschmitt 1982: 161–162; Lindeman 1977: 16), при этом остается неясным, почему глагол, сохранив медиальное значение, перешел в активный класс *-ne-*, а не *-ani-*. Примечательно также, что приставка *y-* (ср. импер. *ari* ‘вставай’) вместе с назальным суффиксом встречается только в активном классе глаголов *-ane-*. При этом активное каузативное значение, присущее индоевропейской **-ni-* основе нашло выражение во вторичном глаголе *yaṛem* (аор. *yaṛes* ‘i’), унаследовавшим *-r-* от архаичной **-ni-* основы.

2.6. Презентные основы на *-ni-*

К этому классу относятся: 1) медио-пассивные формы от глаголов на *-nem* (*aṛnim*, *dnim*) и *-nam* (*baṛnim*); 2) непереходный глагол *linim* ‘быть’ (аор.

¹ Не ясно, произошло ли обновление презенса от аориста по модели *y- + -ne-* (ср. *y- + -ane-* в *y-at-anim*) или изменилась только тематическая гласная бывшей презентной основы (ср. *pšnem*).

elē ‘быть’); 3) переходные медио-пассивные глаголы *tanim* ‘нести’ (аор. *taray*), *unim* ‘иметь’ (аор. *kalay*), *hagnim* ‘одеваться’ (аор. *hagay*).¹

Глаголы с презенсом на *-ni-* распределяются по следующим морфосинтаксическим типам:

		акт. залог	мед. залог	пасс. залог
1	през.			-ni-
	аор.			-a-
2	през.		-ni-	
	аор.		?	
3	през.	-ni-		
	аор.	-a-		

Ниже рассмотрены глаголы, не имеющие активной формы презенса на *-ne-* (этимологии глаголов первой группы рассмотрены в разделах, посвященных активным формам соответствующих глаголов).

2.6.1. Первичные презентные основы на *-ni-*

Hagnim, аор. *hagay* – (неперех.) ‘одеваюсь’. Вариант презентной основы *haganim*. NBH, II: 2.

Морфологическая интерпретация соотношения форм *hagni-* и *hagani-*, образованной от глагола *aganim* с помощью префикса *y-*, затруднительна.

См. *aganim*.

¹ В синхронии только *hagnim* несомненно относится к классу *ni*-глаголов, остальные три глагола, благодаря супплетивизма основ, могут быть также отнесены к бессуффиксальным медио-пассивным *i*-презенсам.

Linim, аор. *elē* – (неперех.) ‘быть, являться’ (прич. *leal*, *lieal* или *lineal*¹). От основы аориста образован глагол *elanim* (аор. *elē* < **eley*) ‘становиться’². NBH, I: 887; НАВ II: 14 (*elanim*), 284 (*linim*).

Основа презенса *lini-* восходит к корню **li-* из **k^uleh₁-* от и.-е. **k^uelh₁-* ‘поворачиваться’ (LIV²: 386–388; Lindeman 1973–1974: 47). Семантическая сторона этимологии поддерживается многочисленными параллелями в других индоевропейских языках, например: нем. *werden* ‘становиться’ < и.-е. **uert-e/o-* ‘поворачиваться’, англ. *to turn (into)* ‘превратиться, стать’, русс. *оборачиваться, превращаться*.

Аористная основа *e-li-*, вероятно, образована от варианта презентной основы **l-nim* с регулярной контракцией безударной гласной, ср. през. мед.-пасс. *t’olum* (< **t’olnum*) ‘позволять’ → аор. акт. *t’oli*, аор. мед.-пасс. *t’olay* → през. мед.-пасс. *t’olanim*³. Такое развитие предполагает период сосуществования в протоармянском более архаичной формы *linim* с **lnim* и вытеснение ей регулярной формы, вероятно, под действием других форм парадигмы, например, формы импер. аор. *ler*.

Согласно другой этимологии (Bugge 1892: 8; Barton 1970), армянский глагол связывается с индоевропейским корнем **klej-* ‘наклоняться’ (LIV²:

¹ Данные причастные формы свидетельствуют о размытой морфемной границе между корнем и основообразующим суффиксом.

² Ср. Barton 1970: 18; Lindeman 1973–1974: 49; Godel 1975: 54.

³ Ф. О. Ландеман (Lindeman 1973–1974: 48) для объяснения *-l-* постулирует наряду медио-пасс. аор. **é-k^uleto* (др.-гр. *ἐπλετο*) > прото-арм. **elew* (3 л., ед. ч.), активную форму **é-k^ulet* (др.-гр. *ἐπλε*) > прото-арм. **el* > **el* (с переходом *l* > *l* в конце слова как в *al* ‘соль’ < и.-е. **sel*); в дальнейшем *l* из активной парадигмы проникло в медио-пассивную. Однако превалирование активных форм, даже если они существовали в прото-армянском, для выражения семантики становления, которое могло бы привести к подобному аналогическому процессу, крайне сомнительно.

Идея о том, что *linim* дефективный глагол, позаимствовавший аорист из парадигмы глагола *elanim* (Meillet 1936: 132; Jensen 1959: 97, 100; Mann 1968: 120), вероятно, ошибочна.

332–333). Ч. Бартон восстанавливает для арм. *lini-* индоевропейский назальный презенс **klej-ne-*, а для *ele-* тематический имперфект **é-klej-e-t* (ср. вед. *á-śray-a-t*). Однако данная реконструкция возможна только в случае, если принять не засвидетельствованную другими примерами метатезу **-kl- > -lk-* с последующим упрощением в *-l-* в форме аориста. Различное фонетическое развитие кластера **-kl-* в форме с аугментом и без остается при этом без объяснения. Кроме того, вызывает сомнение семантическое развитие ‘наклоняться’ → ‘становиться’ (Hübschmann: 451–452).

См. *elanim*.

Tanim, аор. *taray* – (перех.) ‘веду, биру с собой’. Медиальный вариант от глагола *tam* ‘давать’ (аор. *etu*). Семантическое развитие «давать» → «брать» (с последующим сужением значения «забирать, уводить») обуславливается конверсивной функцией медиального залога, ср. *stanam*.

В основу аориста *-r-*, видимо, проникло из императива *tar*, чтобы избежать контракции корневого гласного с медиальным окончанием.

Корневое *ta-* восходит к и.-е. **dh₃-* от корня **deh₃-* ‘давать’ (LIV²: 105–106; Klingenschmitt 1982: 200–2001; Meillet 1936: 133).

Unim, аор. *kalay* – (перех.) ‘имею’ (прич. *kaleal*). NBH, II: 550–551. НАВ, III: 602.

Было предложено несколько этимологий, каждая из которых формально и семантически оправдана, однако, ввиду фонологического состава основы *un-*, в которой *-n-* может либо относиться к корню, либо к презентному суффиксу, не однозначна.

Здесь можно упомянуть этимологию, восходящую к А. Мейе (Meillet 1929: 276; ср. также Solta 1960: 263–264), постулировавшего для армянского глагола индоевропейский атематический презенс **ōp-ne/o-* от **ēp-*

‘достигать, иметь’ на основании сопоставления с вед. *āpnóti*,¹ хетт. *epzi* ‘он берет’ (с той же ступенью корня, что и в *utem* ‘есть’ < **ōd-*, наряду с **ēd-mi* в лит. *ėdmi*), для которых восстанавливается и.-е. **h₁ed-* ‘хватать; кусать, есть’ (LIV²: 230; Kloekhorst 2008: 242–243).

Огласовка корня и значение армянского глагола в рамках данной этимологии предполагают возведение презентной основы (возможно, через посредство незасвидетельствованной из-за супплетивизма аористной основы) к индоевропейскому перфекту **h₁e-hóp-* (ср. Lindeman, там же).

Более обоснованной кажется гипотеза о том, что *unim* является деноминативным глаголом, образованным от и.-е. **h₃op-no-s* ‘имущество, богатство’ (вед. *āpnas-*, ав. *afnah-vant-*), наряду с др.-норв. *efni*, ср. р. ‘имущество, средства’ (< **afniā-* < **h₃op-ni-īo-m*), хетт. *ḫappar* ‘цена’ < **h₃op-er/n-*, хетт. *ḫappinant*, лат. *opulentus* < **h₃op-en-ent-o-* ‘богатый’², др.-гр. *ὀμπνη* ‘пища’ < **h₃op-n-eh₁* и **h₃óp-os* ‘труд, достижение’ (лат. *opus*, вед. *āpas-*). Аналогичное развитие засвидетельствовано в германских языках, ср. др.-норв. *efna*, англо-сакс. *æfnam* ‘действовать, осуществлять’ (Shindler 1976: 341–344). К. Уоткинз на основании латинского гапакса *opulēscere* (Aulus Gellius 18.11), наряду с причастием *opulēns* из **h₃op-en-(o)nt*, восстанавливает для этого корня индоевропейскую стативную основу **open-ē-* < **h₃op-en-eh₁*. Др.-арм. *ipri-* было бы закономерным развитием такой стативной основы.

Также вероятно предложенная Й. Шиндлером реконструкция перфектной основы *(*se-*)*sonh₂-* (ср. Shindler 1976: там же; Klingenschmitt 1982: 157; LIV²: 482 – **senh₂-* ‘достигать’). Арм. *-i-* при этом может быть отражением перфектного **-ē-*. Перфект для этого глагола хорошо известен (вед. *sasāna* ‘получил’, ав. *haṇhanuš* ‘имеющий жилье’, д.-в.-н. *sann*

¹ Назальный презент здесь вторичен и образован от перфекта *āpa*, ср. Lindeman 1973–1974: 45–46.

² См. Szemerénye 1954: 266–282 и Watkins 1994: 182 о хеттско-латинской параллели в образовании причастия.

‘стремится’) и семантически дает закономерное значение ‘иметь’, как результативное состояния от ‘получать’. С другими армянскими презенсами, восходящими к индоевропейским перфектным основам такой структуры, *unim* объединяет нерегулярный корневой медио-пассивный аорист *ker-* (ср. Klingenschmitt 1982: 169–170). Достоинством этимологии Шиндлера, в отличие от реконструкции перфектной основы **h₁e-hór-*, является то, что отражение индоевропейского перфект в армянской тематической презентной основе находит параллель в глагол *goy* (3 л., ед. ч., наст. вр.) ‘существует’ < **h₂uos-e-* ‘проводить ночь’ (Schindler 1976: 342; 2. **h₂ues-* – LIV²: 293–294).

2.7. Презентные основы на -ни-

К данному классу относятся, учитывая приставочные варианты 49 глаголов¹.

В зависимости от соотношения формы аориста и выраженности категории переходности/непереходности можно выделить следующие типы:

¹ Кроме глаголов, имеющих презентную основу на *-ни-*, этому классу также отнесены глаголы, в которых *-n-* суффикса слилось с последним согласным корня еще в прото-армянском: *helum* (< **hel-ni-*) и *t'ohum* (< **t'ol-ni-*). Из рассмотрения исключены глаголы типа *gelum* ‘поворачивать’ (ср. вед. *vr̥ṇóti*), для включения которых в данный презентный класс необходимо признать звуковой переход и.-е. **-ln-* > арм. *-l-* (Pedersen 1906: 354–355).

См. обзор данного глагольного класса в Meillet 1936: 105, 110, 112, 114; Godel 1975: 125; Schmitt 1981: 137; Klingenschmitt 1982: 246–261; Джаукян 1982: 184–186; Clackson 1994: 83–84, 178–180.

Тип		Форма аориста ¹	Кол-во глаголов ²
I.a.	перех.	-i	1
I.b.	перех./неперех.	-i/-ay	4
I.c.	неперех.	-ay	6
II.a.	перех.	-c 'i	2
II.b.	перех.	-c 'ay	3
II c.	неперех.	-c 'ay	2
III.	неперех.	-eay	18
IV.	неперех.	-ec 'ay	2
V.	неперех.	-uay	1

I.a.: *aṛnum* (аор. *aṛi*) ‘беру’.

I.b.: *ənklnum* (аор. *ənkli*, *ənklay*) ‘погружаю’, *helum* (аор. *heli*, *helay*) ‘наливаю’, *klnum* (аор. *kli*, *klay*) ‘глотаю’ и *t'olum* (аор. *t'oli*, *t'olay*) ‘оставляю, отпускаю’.

I.c.: *hesnum* (аор. *hesay*) ‘сизжу в седле’, *heljnum* (аор. *heljay*) ‘задыхаюсь’, *herjnum* (аор. *herjay*) ‘раскалываюсь, разделяюсь’, *jeṛnum* (аор. *jeṛay*) ‘греюсь’, *sksnum* (аор. *sksay*) ‘начинаюсь, рождаюсь’, *zbawsnum* (аор. *zbawsay*) ‘веселюсь’.

II.a.: *lnum* (аор. *lc 'i*) ‘наполняю’ и *xnum* (аор. *xc 'i*) ‘затыкаю’.

II.b.: *ənkenum* (аор. *ənkes 'ay*) ‘бросаю’, *ənt'eṛnum* (аор. *ənt'erc 'ay*) ‘читаю’, *zənkenum* (аор. *zənkes 'ay*) ‘отбрасываю’.

II.c.: *уenum* (аор. *уес 'ay*) ‘опираюсь, надеюсь’, *zgenum* (аор. *zges 'ay*) ‘одеваюсь’.

III.: *aytnum* (пост.-класс. през. *aytč'im*, аор. *ayteay*) ‘раздуваюсь’, *c'acnum* (аор. *c'aseay*) ‘опускаюсь’, *c'asnum* (пост.-класс. през. *c'asč'im*, аор. *c'aseay*) ‘сержусь’, *əndelnum* (аор. *əndeleay*) ‘знакомлюсь’, *hart'num* (пост.-класс. през. *hart'č'im*, аор. *hart'eay*) ‘содрогаюсь, отступаю’, *k'alc'num* (аор.

¹ Ниже приведены окончания 1 л. ед.ч. аор. изъяв. накл.

² При наличии бесприставочного варианта *ли*-основы, приставочный вариант не учитывался.

k'alc'ey) 'голодаю', *macnum* (аор. *maceay*) 'прилипаю', *ostnum* (также през. *ostč'im*, аор. *osteay*) 'прыгаю, бросаюсь', *paknum* (также през. *pakč'im*, аор. *pakeay*) 'ужасаюсь, изумляюсь', *pšnum* (аор. *pšey*) 'пристально смотрю', *p'axnum* (также през. *p'axč'im*, аор. *p'axeay*) 'бегу, убегаяю', *sartnum* (также през. *sartč'im*, аор. *sarteay*) 'удаляюсь', *sařnum* (также през. *sařč'im*, аор. *sařey*) 'мерзну', *šrtnum* (аор. *šrteay*) 'содрагаюсь, изумляюсь', *t'ak'num* (также през. *t'ak'č'im*, аор. *t'ak'ey*) 'прячусь', *t'r̄num* (также през. *t'r̄č'im*, аор. *t'r̄ey*) 'лечу', *uřnum* (также през. *uřč'im*, аор. *uřey*) 'раздуваюсь', *zart'num* (также през. *zart'č'im*, аор. *zart'ey*) 'просыпаюсь'.

Характерной особенностью глаголов с аористом на *-ey* является образование причастия с помощью форманта *-uc'-eal*.

IV.: *srtnum* (аор. *srtēc'ay*) 'сержусь', *zbatnum* (аор. *zbatec'ay*) 'занимаюсь'.

V.: *erdnum* (аор. *erduay*) 'клянусь'.

Таким образом, глаголы с презенсом на *-nu-* распределяются по следующим морфо-синтаксическим типам:

		акт. залог	мед. залог	пасс. залог
1	през.	-nu-		
	аор.	-ø-, -c'-, -c'a-		
2	през.	-nu-		
	аор.	-ø-	-a-	
3	през.		-nu-	
	аор.		-a-	
4	през.		-nu-	
	аор.		-ea-, -ua-, -ec'a-, -c'a-	

2.7.1. Первичные презентные основы на *-ni-*

Aṙnum, аор. *aṙi* – (перех.) ‘братъ, приобретаѣтъ’ (прич. *aṙeal*). NBH, I: 309.

Древнеармянский презентс, вероятно, продолжает индоевропейскую презентную основу **h₂r-neu/ni-* ‘братъ, приобретаѣтъ’ (LIV²: 270–271 – 2.**h₂er-*), ср. др.-гр. *ἀρνύμαι* (аор. *ἀρόμην*) ‘получаю, приобретаю’, ав. *arənaui-* ‘предоставлять’ (Meillet 1936: 112; Bartholomae 184–185; DELG I: 112; Klingenschmitt 247–248).

Основа аориста *aṙ-* развилась по аналогии с основой презентса из **ar-*, продолжающего индоевропейский корневой аорист **h₂ér-/h₂r-*, ср. др.-гр. *ἀρόμην*.

Формально основа аориста *aṙ-* может также продолжать сигматический аорист прото-арм. **ar-s-*.

Aytnum, аор. *ayteay* – (неперех.) ‘опухать, раздуваться, воспаляться’ (прич. *aytuc’eal*, кауз. *aytuc’anem*). В тексте 12 в.¹ засвидетельствован презентс *aytč’im*. Каузатив *aytuc’anem*, выражающий переходное значение ‘раздуваю, вызываю опухоль’, засвидетельствован в тексте 14 в.² NBH, I: 97; HAV, I: 172; HÜB: 418.

Основа *aytni-* продолжает либо индоевропейскую основу на *-ni-*, либо **ayti-ni-* от основы аориста **ayti-*. И в том, и в другом случае арм. *ayt-* восходит к и.-е. **h₂eid-* ‘пухнуть’ (LIV²: 258–259; Klingenschmitt 1982: 256–257; Meillet 1894: 153). К тому же индоевропейскому корню восходят

¹ *Mxit’ar Herac’i* “Ĵermanc’ mxit’arut’iwn”, 1184 (русский перевод: Мхитар Херацци «Утешение при лихорадках». Ереван, 1968).

² *Zak’aria Corcorec’i* “Zakcariayi eps. Cor’orec’woy i skizbn 14 daru t’ult’ aṙ Hovhannēs Orbelean Siwneac’ eps.”

глаголы: др.-гр. *οἰδέω* ‘надуваюсь, пухну’ (из итеративной основа презенса **h₂oid-eje-*, как в LIV², или из стативной основы **h₂oid-eh₁-*, см. Watkins 1973: 89–92, Peters 1980: 90–92), *οἰδάνω* ‘надуваю; вздуваюсь’ (DELG: 780) и алб. (гегск.) *āj*, (тоск.) *ē(n)j* ‘раздуваю; раздуваюсь’ (из **aid-nj-*, см. Kortlandt 1986: 44, а также критические замечания в Demiraj 1997: 171–172; Klingenschmitt 1982: 256–257, прим. 15).

Тот факт, что арм. **ay-* может восходить в равной степени к **h₂eǵ-*, **h₂oiǵ-* и **h₂iǵ-* (см. Kortlandt 1980: 105; Beekes 2005: 158, 179–180; 182–183) затрудняет точную морфологическую реконструкцию. Так, например, нельзя с уверенностью сказать восходит ли арм. *ayt* ‘щека’ к и.-е. **h₂oid-* (ср. *οἶδος* ‘опухль’) или **h₂eǵid-* (ср. лат. *aemidus* ‘пухлый’ < **h₂eǵid-sm-*; Schrijver 1991: 38; Olsen 1999: 203).

C’asnum, аор. *c’aseay* – (неперех.) ‘понижаться (о воде); утихать (о вражде)’ (прич. *c’asuc’eal*, кауз. *c’asuc’anem*). От того же корня образовано прилагательное *c’ac* ‘низкий, скромный’, откуда инхоатив *c’asanam* ‘понижаюсь, опускаюсь’, и *c’acup* ‘низкий, скромный’. NBH, II: 904–905.

Основа аориста **c’ac-i-* восходит ко вторичной основе на *-i-* от сигматического аориста **skad-s-* (Джаукян 1982: 185), либо к **skad-ǵe/o-* (IEW: 516; Джаукян 1982: 61) от и.-е. от **(s)kad-* ‘накрывать’ (LIV²: 546; EWAi, II: 610; Olsen 1999: 602, 604). Прилагательное *c’acup* ‘низкий, скромный’, являющееся по форме лексикализовавшимся причастием прошедшего времени, указывает на аористную основу *c’ac-* (ср. *has-un* ‘спелый’ : *has-anem*, аор. *has-i* ‘созревать’) или **c’aci-* (ср. *c’asuc’eal*); в данном случае, *i*-аорист, вероятно, является новообразованием.

***C’asnum*, *c’asč’im*?**, аор. *c’aseay* – (неперех.) ‘сердиться, приходить в бешенство’ (прич. *c’asuc’eal*, кауз. *c’asuc’anem* (перех.) ‘сержу, оскорбляю’). Основа *c’asč’im* засвидетельствована в пост-классический период. NBH, II: 910.

Х. Педерсен предложил сопоставить *c'asnum* (с переходом *-s- < *-ps-*) с существительным *c'aw* ‘боль’ и др.-инд. *kṣāpayati* ‘сжигает’ (Pedersen 1905: 199; Pedersen 1906: 426; см. также Джаукян 1982: 185; Kortlandt 1994: 29–30). Кроме *c'asnum*, переход и.-е. **-ps-* > арм. *-s-* засвидетельствован только в арм. *eres* ‘лицо, поверхность, внешность’ < и.-е. **kʰrep-s-*, ср. *erewim*, др.-гр. *πρέπω* ‘являюсь видимым, заметным’, лат. *corpus* ‘тело’ (Schindler 1972: 67; Olsen 1999: 64; сопоставление древнегреческого и древнеармянского слов и реконструкция **prep-s-* были впервые предложены в Osthoff 1901: 234; см. критику последней этимологии в Clackson 1994: 99–100).

Сопоставление *c'asnum* с *c'aw* сомнительно; последнее, скорее всего, родственно гот. *skapis* ‘вред’, др.-гр. *ἀσκηχής* ‘невредимый’ из **skh₁-th₂o-s* (IEW: 624; Klingenschmitt 1982: 83) или **skh₁-te/o-s* (Olsen 1999: 180).

Др.-инд. *kṣāpayati*, рассматривается как каузатив от корня $\sqrt{KṢĀ}$ (EWAi I: 430), который восходит к и.-е. **dʰegʰh-* ‘жечь’ (LIV²: 133–134), что противоречит сопоставлению с *c'asnum*.

Таким образом, глагол *c'asnum* остается без этимологического объяснения.

Erdnum, аор. *erduay* – (неперех.) ‘клясться’ (прич. *erdueal*¹). В недатированном тексте² также засвидетельствован вариант *erduim* (аор. *erdues'ay*). От этого же корня образовано существительное *erdumn* ‘клятва’, откуда *erdumnem* (аор. *erdumnec'i*) ‘клянусь’ и каузатив *erdmnec'uc'anem* ‘заставляю дать клятву’. NBH, I: 674; HÜB: 443.

Основы презенса восходят к **erdu-nu-* и продолжает индоевропейскую презентную основу **dʰru-neu/nu-* от корня **dʰreu-* ‘звать, кричать’, ср. др.-гр.

¹ Аномальная для данного класса форма причастия, вместо регулярной формы **erduc'eal*.

² “Vark' srboc' Haranc' ew k'alak'avarut'iwnk' noc'in”, 2 vols., Venice, 1855 (см. Thomson 1995: 257).

θρϵ-ϵ/ο- (мед.) ‘кричать, сетовать’ (1. **d^hreϵ-* – LIV²: 155–156; Джаукян 1982: 117). Как справедливо замечает П. Милиция (Milizia 2004: 345), реконструкция с инфиксом, **d^hr-ne-ϵ-* (ср. Klingenschmitt 1982: 246–247), маловероятна, поскольку слоговой сонант дал бы др.-арм. **-ar-*.

Основа аориста *erdu-* восходит к корневому аористу **d^hru-*.

Гипотеза об иранском заимствовании (ср. осет. *ārd* ‘клятва’, Bailey 1987: 459) кажется менее надежной.

Əndelnum, аор. *əndeleay* – (неперех.) ‘ознакамливаться, привыкать’ (прич. *əndeleal*, кауз. *əndeluc’anem* и *əndelac’uc’anem*)¹. Также засвидетельствован глагол *əndelanim* (аор. *əndelay* или *əndelec’ay*). Сюда же относится глагол *əndeluzanem* (аор. *əndeluzi*) ‘налаживаю, устанавливаю, сплетаю’, образованный от *eluzanem*, нерегулярного каузатива глагола *elanem* (аор. *eli*). От основы *əndel-* образовано существительное *əndel* ‘знакомый, доступный’. NBH, I: 770; HAB II: 8–9.

Глагол образован с помощью префикса *ənd-* от корня *el-*, см. *elanem* ‘выхожу’. Основа аориста на *-i-* является новообразованием.

См. *elanem*.

Ənkenum, аор. *ənkes’i* – (перех.) ‘бросать, отбрасывать, выкидывать; быть выброшенным’ (прич. *ənkes’eal*). У Павстоса Бузансского встречается вариант *əngenum*, свидетельствующий о том, что процесс озвончения согласного после сонанта ко времени упрощения группы согласных *-ndk-* в *-nk-* еще не завершился. Также засвидетельствован приставочный глагол *zənkenum* ‘id.’. NBH, I: 779; HAB II: 128.

¹ Причастие *əndeleal* вероятно развилось на базе *əndelanim*. Каузатив *əndelac’uc’anem* указывает на инхоативный глагол **əndelanam* ‘знакомиться’ или стативный глагол **əndelam* ‘быть знакомым’, предположительно от *əndel* ‘знакомый’.

Р. Гodel обратил внимание на то, что в классическом языке данный глагол встречается в значении ‘ронять, опрокидывать’, а не ‘бросать’, на основании чего он сопоставляет данный глагол с *ankanim* ‘падаю’ и возводит *anke-* к индоевропейской каузативной основе **songʷ-eje/o-*, ср. гот. *saggqjan* ‘опускать’ (Godel 1969: 25–26, Godel 1970: 142–143, Джаукян 1982: 36) от корня **sengʷ-* ‘падать, опускаться, тонуть’ (LIV²: 531–532). Однако *o*-ступень корня закономерно должна была бы дать **onk-* или **unk-*, но не **ank-*, см. Beekes 2003: 156.

Глагол образован с помощью приставки *and-* по модели *andunim* ‘получаю, принимаю’ и восходит к **and-kes-num* < **ges-*, ср. прагерманские существительные **kas-ō-* (ж.р.), **kas-tu-* (м.р.) ‘куча’ (ср. др.-исл. *kǫs*, *kǫstr*, др.-шв. *kas*, *kastr*), откуда развился деноминативный глагол др.-исл. *kasta* ‘бросать’, а также лат. *gerō* ‘несу’, наряду с *ingerō* ‘приношу, кладу, бросаю’ (Frisk 1944: 20–25, см. также Klingenschmitt 1982: 249). Аналогичная структура слова и реконструкция обнаруживается в арм. *z-genim* (аор. *z-ges’ay*) ‘одеваюсь’ < **ues-ni-mi*.

Таким образом, *ankenim* может продолжать презентную основу **ges-ni-*, а аорист *ankes’i* – либо сигматический аорист **ges-s-*, либо имперфект **ges-sk-*.

Менее убедительной кажется этимология Ф. Кортландта (Kortlandt 1987: 51, прим. 1), который сопоставляет древнеармянский глагол с др.-гр. *βάλλω* ‘бросаю’ и возводит его к индоевропейскому корню **gʷelh₁-* ‘бросать’ (LIV²: 208).

Әnklnum, аор *әnklay* – (неперех.) ‘погружаться, тонуть, теряться’ (прич. *әnkluzeal*¹, кауз. *әnkluzanem*), (перех.) ‘топить, погружать в воду’¹. К тому же

¹ Данная причастная форма развилась при нерегулярном каузативе *әnkluzanem*, формально относящимся к классу глаголов на *-ane-*, и не может быть использована в качестве доказательства развития причастного суффикса *-uc’-* из каузатива.

корню восходит глагол *anklmet* (аор. *anklmes'i*) ‘погружаю, топилю, окунаю’ и *anklmim* (аор. *anklmes'ay*) ‘погружаюсь, пону, теряюсь’ откуда каузатив *anklmes'us'anem* ‘погружаю, топлю’. NBH, I: 780; НАВ II: 654–656; HÜB: 460–461.

Глагол образован с помощью префикса *and-* от корня *kl-*, засвидетельствованного в *klanem* ‘глотаю, поглощаю’.

Основа *anklme/i-* объясняется как деноминативная от **and-kl-mo-* ‘погруженный’, ср. лит. *gelmẽ* ‘глубина’ (Meillet REA VI I, 1926: 5; HÜB 461; а также Klingenschmitt 1982: 211, прим. 65, который отрицает сопоставление с литовским словом как семантически неоправданное). Другая вероятность – видеть здесь след индоевропейскую вторичной именной основы **-ē-mo-* от стативного глагола, ср. хеттские абстрактные имена на *-ema-* (ср. *ueritema-* ‘страх’ от *uerite-* ‘бояться’)² и древнеирландские глагольные имена на *-Vm* < **-ē-mā-* (*dímiccem* ‘презрение’), см. также Watkins 1973: 59.

См. *klanem*.

Ānt'eṛnum, аор. *ant'erc'ay* – (неперех.) ‘читать’ (прич. *ant'eṛc'eal*). Также встречаются формы *anterc'anem*, *anterc'anim* ‘читать; понимать’. NBH, I: 777; НАВ II: 126–127.

Формы конъюнктива аориста с *-c'c'-* (ср. 2 л. ед. ч. *anterc'c'is*) указывают на то, что корень моносиллабический (Meillet 1936: 122; Jensen 1959: 98). В связи с этим А. Мейе (Meillet 1936: 131) восстанавливает префиксальную основу **and-t'eri-* (также Jensen 1959: 109) или **and-t'eru-*. Конечный гласный восстанавливаемых А. Мейе основ противоречит

¹ С переходным значением ‘погружать, топить’ глагол засвидетельствован в форме 3 л., ед. ч., усл. накл., аор. в Пс. 68: 16: “*Mi anklc'en z-is ptoyt' jurc*” – “Да не увлечет меня стремление вод” (“*Μή με καταπομσάτω καταυγίς ὑδάτων*”)¹.

² Если не из кмпозита **ue/ari-* + **d^heh₁-* ‘испугать (букв. ‘положить крик’)', см. Kloekhorst 2008: 1003.

нормальному развитию **-rin-*, **-run-* > *-rn-*, но не *-r̃n-* (Pedersen 1906: 354; Szemerényi 1966: 223). Как справедливо замечает Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 251–252), *-c-* в основе аориста относится к корню.

Вполне вероятной кажется этимология О. Семереньи, показавшего, что глагол является калькой с иран. **pati-prs-* ‘читать’ (букв. *во-прошамь*), ср. др.-перс. *pati-prsatiy*, парф. *pdbwrs-*, сассан. перс. *pat-purs-*, etc. При этом в качестве корневой морфемы он восстанавливает **herc-*, аористную основу, параллельную аористной основе *harc-* (см. *harc'anem* ‘спрашиваю’). Разницу в вокализме он объясняет праформой **andiharc'ay* и последующей метатезой *-ih-* > *-hi-*, откуда – **andhiarc'ay* > *ant'erc'ay*. Такое фонетическое развитие кажется малоубедительным, поскольку оно не подтверждается какими либо аналогичными примерами. Более вероятно, что основа аориста **herc-* восходит к **perk-s-* (из аориста **prek-s-* по аналогии с более частотными корневыми и сигматическими аористами от корней типа *CeRC-*), в то время как *harc-* восходит к основе имперфекта **prk-sk-* (см. детали реконструкции индоевропейского корня в LIV²: 490–491).

Учитывая словообразовательную модель *el-anem* → *and-el-num*, *kl-anem* → *and-kl-num*, можно предположить, что существование презентной основы **hercanem*, образованной регулярным образом от сигматического аориста и заместившуюся позднее вариантом *harcanem*, образованным от презентной основы на **sk-* или имперфекта.

Основа аориста при этом может восходить либо к сигматическому аористу **hers-s-*, либо к имперфекту **hers-sk-*.

Менее убедительной кажется гипотеза Г. Клингenschmittа, который интерпретирует слово как композит *ant'er* ‘близко’ + **c'anem* ‘показываю’, ср. глагол *c'us'anem* ‘показываю’, который он рассматривает как каузатив от незасвидетельствованного **c'anem* (Klingenschmitt 1982: 228–229).

Наконец, Р. Ачарян (НАВ II: 126–127; также Solta 1960: 248–249) восстанавливает **and-ter-nu-* от и.-е. **ter-* ‘говорить’ (LIV²: 630–631). Как

справедливо замечает О. Семаренки семантическая сторона реконструкции (в частности употребление предлога *and-*), а также отсутствие других свидетельств данного глагольного корня в древнеармянском делают данную этимологию малоубедительной.

Hangnum, hangč'im, аор. *hangeay* – ‘отдыхать’ (прич. *hanguc'eal*). Основа *hangnu-* встречается в недатированном тексте. От основы аориста *hangi-* образовано существительное *hangist* ‘отдых, покой’. NBH, II: 38–39; НАВ III: 58–59.

Согласно традиционной этимологии глагол сопоставляется с лат. *quiēscō* ‘покоиться, отдыхать’ и возводится к **sm-kʰih_l-* от и.-е. **kʰieh_l-* ‘отдыхать’ (LIV²: 393–394; Pedersen 1905: 219; Klingenschmitt 1982: 125; Olsen 1999: 480).

Основа *hangč'i-* восходит к **sm-kʰih_l-(e)h_l-sk-* и находит точное соответствие в лат. *conquiēscō*. Вероятно, эта основа более архаична, чем *nu-*основа и *i*-аорист принадлежит ее парадигме (**sm-kʰih_l-eh_l-*), см. Olsen 1999: 480, прим. 583.

Hart'num, hart'č'im, аор. *hart'eay* – (неперех.) ‘пугаться, содрогаться, отступать’ (прич. *hart'uc'eal*, кауз. *hart'uc'anem, xart'uc'anem*¹). Возможно, родственно *šrtnum* (аор. *šrteay*) ‘пугаюсь’ и *xrtnum* (аор. *xrteay*) ‘являюсь испуганным’. NBH, II: 61, НАВ, III: 58–59.

Вместе с арм. *zart'num* ‘пробуждаюсь’ восходит к и.-е. **prnd-* < **(s)prend-* ‘прыгать’, ср. ст.-сл. **въспранѣти** ‘воспрянуть, подняться’, серб.-хорв. *prèdatи* ‘бояться’, др.-исл. *spretta* ‘пробиваться, вскакивать’, англ. *sprint* ‘быстро бежать’ (2. **(s)prend-* – LIV²: 583; Meillet 1900: 399; Фасмер III: 394; Джаукян 1982: 185; Klingenschmitt 1982: 258).

¹ В недатированном переводе проповедей Иоанна Златоуста “Yovhannu Oskeberani Č'aṙk'”, Venice, 1861 (см. Thomsen, 1995: 63).

См. *zart'num*; *šrtnum*, *xrtnum*.

Hecnum, аор. *hecau* – (неперех.) ‘еду верхом; нахожусь в седле’. Также засвидетельствован презенс *hecanim*. NBH, II: 81 (*hecanim*), II: 82 (*hecnum*).

Презенс образован от основы аориста *hec-*, которая в свою очередь восходит к сигматическому аористу **sed-s-* от и.-е. **sed-* (LIV²: 513–515). Сигматическая основа аориста для индоевропейского засвидетельствована только др.-гр. *ἔσσαι* и умбр. *-sesust*, которые оба, по всей видимости, являются новообразованиям от корневого аориста (Barton 1989: 147).

Р. Гodelь (Godel 1965: 24–26; Klingenschmitt 1981: 195–196) возводит армянский аорист к индоевропейскому презенсу **sed-je-*. Без объяснения остается при этом деривационная модель образования *ni*-основы (ср. Barton 1989: 147).

В качестве дополнительного аргумента в пользу аористного происхождения армянского презенса можно рассмотреть начальное *h-*. Как убедительно показал Дж. Греппин (Greppin 1975), и.-е. **s-* давало арм. *h-* только перед гласными переднего ряда в ударном слоге (ср. *hin* ‘старый’ < **sénos*, др.-гр. *ἔνος*, вед. *sána-*, etc.); в остальных случаях **s-* выпадало (ср. *al* ‘соль’ < **sal-*). Таким образом, для древнеармянской праформы ожидается начальный слог основы **sé-*, что соответствует основе аориста.

Для глагольного корня **sed-* ‘сидеть’ назальный презенс не восстанавливается.

См. *hecanim*.

Helum, акт. аор. *heli* – (перех.) ‘выливать, наливать’, мед.-пасс. аор. *helay* – (неперех.) ‘вытекать, течь’. От этого же корня образовано существительное *helel*, *olot* ‘поток, потоп’ (от последнего образован глагол *olotem*, *olotec'i* ‘затоплять, переполнять’). Сюда же относится приставочный глагол *zelum* (акт. аор. *zeli* (акт.) и *zelay* (мед.), кауз. *zeluc'anem*) ‘лью,

наливаю', (мед.-пасс. аор. *zelay*) 'вытекаю, теку' и *zelanim* (аор. *zelay*). NBH, II: 85 (*helum*, *helanim*), I: 730–731 (*zelum*, *zelanim*); HÜB: 466.

Восходит к и.-е. **pelh₁-* 'наполнять'. В LIV²: 434–435 сопоставление с арм. *helum*, предложенное на основании сопоставления с лит. *pilti* (перех.) 'наливать', (неперех.) 'течь, литься (о дожде)' К. Бугге (Bugge 1893: 15), не приводится. Однако есть все основания видеть в данном глаголе архаичную презентную основу на **-nu-* (ср. ср.-ирл. *do-linim* 'теку'), тесно связанную с прилагательным **rólh₁-u-/pélh₁-u-* 'многий, многочисленный', ср. др.-гр. *πολύς*, вед. *purí-*, гот. *filu*, др.-ирл. *il* (см. de Lamberterie 1990: 623–624).

Таким образом, в древнеармянском корень **pelh₁-* сохранился в четырех видах: **pelh₁-nu-* (*helum*), **pleh₁-nu-* (*lnum* 'наполняю'), **polh₁-* (*ololanem*, аор. *ololi* 'наводняю') и **plh₁-e/o-* (*halem*, аор. *halec'i* 'плавлюсь') (Meillet 1897: 36; Meillet 1936: 112; НАВ, III: 8, 76–77)¹.

См. *lnum*, *ololanem*.

Heljnum, аор. *heljay* – (неперех.) 'задышаться' (прич. *heljeal* и *heljuc'eal*, кауз. *heljuc'anem*, прич. *heljuc'eal*). В классическом языке также засвидетельствованы презентные основы *heljum* (аор. *heljay*) и *heljanim* (аор. *heljay*) 'быть задушенным'. Значение переходного глагола выражается активным презенсом *heljanem* и каузативом. Сюда же относится существительное *helj* 'удушающий'. NBH, II: 84; НАВ, III: 78.

Возможно, в армянском к этому корню также относятся: *elcanem* (аор. *elci*) 'разрушать, портить' и *xeldem* (аор. *xeldec'i*) 'душить', *xeldim* (аор. *xeldec'ay*) 'душить себя; быть задушенным'. Начальный *x-*, вероятно, является результатом ассимиляции со звонким коррелятом *-l-* (ср.

¹ Ш. де Ламбертри (de Lamberterie 1990: 625) рассматривает *halem* как отыменный глагол от существительного *hal* 'таяние, плавление', которое в свою очередь образовано по обратной деривации от **halanem*, аор. **hali* 'плавить', ср. *nerkanem*, аор. *nerki* 'погружать, красить', наряду со вторичным *nerkem*, аор. *nerkes'i* 'красить' от *nerk* 'краска'.

последующее действие ассимиляции в диалектных формах нор-джульфа *xexd'el*, ванск. *xextel*, мушкс. *xēxtel*, etc., см. НАВ, II: 357).

Единственное убедительное сопоставление было предложено Г. Клингеншмиттом, который сравнивает армянский глагол с лит. *spēlgti* ‘удушит’, *spelgiù* ‘задышаться’ и восстанавливает и.-е. **(s)pelǵʰ-*, ср. (Klingenschmitt 1982: 252–253).

Чередования конечных согласных основы *j*, *c*, *d* остается не объясненным. Если *elc-* еще можно объяснить нерегулярной деаспирацией гуттуральной фонемы *pelǵʰ-* → *pelǵ-*, то *xeld-* можно объяснить только признав деноминативный характер этой основы: **pelǵʰ-ti-* > **heljti-* > *xeld-*.

См. *elcanem*, *heljanem*.

Herjnum, аор. *herjay* – (неперех.) ‘разбиваться, раскалываться, трескаться’ (прич. *herjuc'eal*, кауз. *herjuc'anem* ‘разделяю, раскалываю’). В классическом языке также засвидетельствованы презентные основы *herjim* (аор. *herjec'ay*) и *herjanim* ‘быть разбитым, раскалываться’. Значение переходного глагола выражается с помощью каузатива *herjuc'anem* ‘разбиваю’, а также *herjanem* (аор. *herji*), *herjum* (аор. *herji*), *herjem* (аор. *herjec'i*) и *herjatem* (аор. *herjatec'i*), *herjotem* (аор. *herjotec'i*) ‘разламываю на части, разделяю’. Сюда же относится существительное *herj* ‘трещина, раздел’, а также именные основы от *an*-основы: *herjan(-k')* ‘трещина’, *herjanot* ‘режущий, острый’. NBH, II: 94; НАВ, III: 87–88.

Согласно семантически наиболее вероятной этимологии, основа *herj-* восходит к индоевропейскому **per-ǵʰ-* (Petersson 1920: 131; НАВ, III: 88; Lamberterie 1982: 65–67), вторичному образованию либо от индоевропейского корня **per-* ‘проходить насквозь, пересекать, разрывать’

(LIV²: 472–473), либо от **per-* ‘бить’ (LIV²: 473) с расширителем **-ǵh-*¹. Природа расширителя при этом остается без объяснения.

См. *herjanem*.

Ĵeṛnum, аор. *ĵeṛay* – (неперех.) ‘греться, быть согретым’ (прич. *ĵeṛus’eal*, кауз. *ĵeṛus’anem* ‘грею’, более поздняя форма (6 в.) *ĵeṛas’us’anem*²). С тем же значением засвидетельствована основа *ĵeṛanim* (аор. *ĵeṛay*) ‘быть в лихорадке’ и более поздняя форма *ĵeṛim* (10 в.). NBH, II: 671; HÜB 486.

Судя по характеру *-r̄-*, глагол *ĵeṛanim* ‘быть в лихорадке’, по всей видимости, является вторичным образованием от *ĵeṛnum* (ср. Barton 1989: 15, прим. 49).

Презентная основа *ĵeṛnu-* формально может восходить к двум источникам: к индоевропейскому презенсу **ǵ^her-nu-* (если реконструкция этой основы возможна, см. LIV²: 219–220)³ и к основе аориста *ĵeṛ-*, которая в свою очередь может восходить к индоевропейскому корневому аористу **ǵ^her-* (с вторичным распространением *-r̄-* из презенса), либо к сигматическому аористу **ǵ^her-s-* (ср. др.-ирл. *fō-gert* (перех.) ‘согрел’, см. Kortlandt 1996: 41, см. также Klingenschmitt 1982: 224, 248).

¹ Возможно от расширенной основы первого корня образовано и.-е. **(s)perǵh-* ‘стремиться’ (ср. вед. √*SPARH-* ‘желать, требовать, стремиться’, ав. *aspərəzatā* ‘он стремится’, а также в др.-гр. *σπέρχομαι* ‘толкаться, толпиться’; EWAi II: 775; LIV²: 581) с развитием значения «пересекать ч.-т. (по пути к ч.-т.)» → «устраиваться к ч.-т.».

² Указывает на инхоативный глагол **ĵeṛanam* ‘согреваться’.

³ Презенс **ǵ^her-neu/nu-* восстанавливается на основе сопоставления с др.-инд. *ghṛṇoti* ‘светит’ (завидетельствованно только в *Dhātupāṭha*) и гот. *brinnan* ‘жечь’ (возможно, из незасвидетельствованного непосредственно герм. **brenn-* < **brnn-* < **ǵ^her-nu-* (Seebold 1980: 138; LIV²: 219–220). Однако, учитывая позднее свидетельство древнеиндийского глагола и гипотетичность германской реконструкции, а также е-ступень армянского корня, реконструкция презентной основы не кажется уязвимой.

Klnum, аор. *klay* – ‘глотаю’ (кауз. *kluc'anem*). В классическом языке также употребляется форма *klanem* (аор. *kli*). NBH, I: 1101; НАВ II: 654–656; Hüb: 460–461.

Вероятнее всего, в армянском сохранился архаичный деноминатив от именной *u*-основы **gul-ú-* ‘проглоченный’ → **gul-nu-* (фактитив) ‘глотать’ → арм. *kl-nu-*. К и.-е. **guel-* также восходят отыменные глаголы ст.-сл. **ГЛЪТАТИ** и лат. *gluttire* ‘проглотить’ (см. Klingenschmitt 1982: 211–212; LIV²: 171; Фасмер I: 414–415).

См. также *klanem* и *anklnum*.

K'alc'num, аор. *k'alc'eaу* – (неперех.) ‘быть голодным; испытывать голод, жажду’ (прич. *k'alceal*). Также засвидетельствован глагол *kalc'enam* (аор. *k'alc'ec'ay*, кауз. *kalc'ec'uc'anem*; вероятно, вторичный инхоативный глагол от основы аориста **kalc'-i-*), существительное *k'alc'* ‘голод’ и образованный от него глагол *kalc'anam*. NBH, II: 972.

Основы презенса и аориста традиционно возводятся к именной основе *k'alc'-*, ср. *k'alc'* ‘голод’, по модели образования деноминативных глаголов со стативным значением, см. *sařnum* ‘мерзнуть’. Происхождение именной основы при этом спорно. Согласно традиционной этимологии (НАВ, IV: 545–546; Джаукян 1982: 185; Olsen 1999: 56) она восходит к **sul̥d-sk-o-* от и.-е. **sul̥d-* ‘голодать, погибать’, ср. герм. **suelta-* ‘умирать’ (Falk-Tork 1909: 552; LIV²: 610; Seebold 1980: 490–491), основы с расширителем от **suel-* ‘жечь, тлеть’ (1. **suel-* – LIV²: 609). Г. Клингenschmitt (Klingenschmitt 1982: 84) восстанавливает основу **sul̥-ks-* (ср. ав. *varəšīia-* ‘голодный’) от того же корня **suel-*.¹

¹ Несмотря на неясную структуру основообразующего суффикса (см. НАВ IV: 544; Olsen 1999: 942), кажется сумантически оправданным отнесение к этому же корню др.-арм. *k'alirt'* ‘желудок (животного)’ (букв. «испытывающий голод»).

В качестве альтернативной гипотезы можно предложить как источник *k'alc'num* активный глагол през. **sul-nu-* (> **k'al-u-*), аор. **sul-sk-* (> **k'al-c'-*) 'обжигать, жечь', от аориста которого мог образоваться медио-пассивный глагол на *-nu-* со значением «жечься; испытывать жжение, голод» (с метаанализом морфемной границы от суффиксального аориста к корневому из-за семантического сдвига) и отглагольное существительное *k'alc'*.

Lk'num, аор. *lk'ay* – (перех.) 'оставаться' (кауз. *lk'uc'anem*). Также засвидетельствован вариант медио-пассивной основы *lk'anim* (аор. *lk'ay*). Активное значение выражается каузативом, а также глаголами *lk'anem* (аор. *lk'i*) и *lk'em* (аор. *lk'ec'i*). NBH, I: 908–909; HAV, II: 287–288.

Презентная основа образована от основы корневого аориста *lik'-*, отражающей слабую ступень индоевропейского корневого аориста **leikʷ-/ *likʷ-* (ср. др.-гр. *ἔλιπον*, лат. *līquī*, вед. *(prá) rikthās*) от корня **leikʷ-* 'оставлять' (Meillet 1936: 106; LIV²: 406–408).

В ряде индоевропейских языков корень представлен инфиксальным презенсом: вед. *riṇákti*, др.-прусс. *-linka* 'оставляет', лат. *linquō* 'оставляю', которые указывают на и.-е. **li-né-kʷ-*, назальный презенс. Сюда же относится др.-гр. *λιμπάνω* (< **li-n-kʷ-n-*) с вторичной назализацией в корне, развившейся как предвосхищение назального суффикса, заместившего в ходе развития древнегреческого индоевропейский инфикс, либо отражающего архаичный презентный суффикс.

Возможно, *nu*-основа здесь вторична и развилась как медио-пассивный вариант активной *ane*-основы, которая в свою очередь заместила индоевропейский инфиксальный презенс.

Lnum, аор. *lc'i* – (перех.) 'наполнять, выполнять, завершать' (прич. *lc'eal*, кауз. *lc'uc'anem* 'наполняю'). В классическом языке встречается приставочный глагол *aṛlnum* (аор. *aṛlc'i* и *aṛlc'ay*) 'заполняю, наполняю до краев'. К этому же корню относится прилагательное *li* 'полный' (< **pleh₁-to-*),

от которого образован инхоатив *lianam* ‘становлюсь полным’ (кауз. *liac’uc’anem*). NBH, I: 891 (*lnum*); I: 306 (*aṛlnum*); HAV II: 278–280, 287; HÜB 452.

Презентная основа *lnum* восходит к **li-nu-*, образованному от основы аориста **li-* из **pleh₁-*, либо от презентной основы **pleh₁-nu-* от и.-е **pleh₁-* ‘быть полным, наполняться’ (LIV²: 482–483; Klingenschmitt 1982: 244–246, 253–255, 285).

Для данного корня засвидетельствована индоевропейская презентная основа с назальным инфиксом **pl-né/ṇ-h₁-*, ср. вед. *prṇāti* ‘наполняет’, ав. *pṛəṇā* ‘наполни’, гот. *fullnan* ‘наполнять’.¹ Другой возможный случай замены инфигированной основы древнеармянской основой на *-nu-* – *t’ohum*. Другая возможность – видеть в презентной основе прямое продолжение индоевропейской презентной основы **pleh₁-nu-*, которая, возможно, сохранилась также в др.-ирл. *línaid* ‘наполняет’ (ср. Pedersen 1909 II: 567, а также Klingenschmitt 1982: 254, где рассматривается возможность возведения ирландского слова также и к инфиксальной презентной основе), вед. *-prṇōti* (Walde: 322, IEW: 1188) и лат. *explēnunt* ‘наполняют’ (Paul. Fest.: 208, Walde ibid.). В последнем случае можно рассматривать **pleh₁-nu-* ‘делать полным, наполнять’ как фактитивный глагол от прилагательного **pelh₁-u-* ‘полный’.

Основа аориста *lc’-* из **li-c’-* формально продолжает индоевропейский имперфект: *elic’* ‘наполнил’ < **é-pleh₁-sk-et* ‘наполнял’². Менее вероятно, реконструируемый Г. Клингеншмиттом (Klingenschmitt 1982: 287) на основании сопоставления с др.-гр. *ἐπλησα* ‘наполнил’ сигматический аорист **plē-ss-*.

¹ Др.-ирл. *línaid* ‘он наполняет’ может трактоваться как деноминатив, см. Klingenschmitt 1982: 253–254.

² Прилагательное *lic’k’* ‘наполненный’ восходит к основе **pleh₁-sk-*, в которой характер суффикса остается неясным, ср. *tic’* ‘диадема’ < **deh₁-sk-* (ср. др.-гр. *διά-δημα* – Dowsett 1986: 249–61; Hamp 1988–1989: 25).

Macnum, аор. *maseay* – (неперех.) ‘прилипать, присоединяться’ (прич. *masuc'eal*, кауз. *masuc'anem*). С тем же значением засвидетельствована основа *masanim* (аор. *masay*). Переходное значение выражается формой *masanem* (аор. *masi*) и каузативом *masuc'anem* ‘приклеиваю, прилепляю, прикрепляю’. Сюда же относятся прилагательные *mas* ‘соединенный, склеенный’ и *masan* ‘клейкий, липкий’. NBH, II: 190.

Глагол восходит к индоевропейскому корню **meh₂ǵ-* (**maǵ-*) ‘мазать’, ср. др.-гр. *μάσσω* ‘мажу’, ст.-сл. *мазати*, лит. *mēžti* ‘унавоживать’ (LIV² 421–422; Klingenschmitt 1982: 217–220; Lamberterie 1980: 30 и сл.; Meillet 1914: 122; Джаукян 1982: 185; Фасмер II: 557–558.).

Основа аориста **masi-* находит соответствие в др.-гр. *ἐμάγη* ‘был перемешан’ от фиентивной основы **maǵ-eh₁-*.

Matnum, *matč'im*, аор. *mateay* – ‘подходить’ (прич. *matuc'eal*, кауз. *matuc'anem*). К этому же корню относится наречие с эпентетическим *-u-* – *mawt* ‘близко’ (ср. эпентезу в *yawt* ‘отрезанная лоза’, *yat-anem* ‘отрезаю’). NBH, II: 216; HAB, III: 265–266.

Презентные основы могут восходить соответственно к и.-е. **meh₂d-nu-* и **meh₂d-ē-ske/o-* от корня **meh₂d-*, ср. гот. *gamotjan* (Lehmann 1986: G 46; Olsen 1999: 49). На это указывает также основа прилагательного **meh₂d-u-* ‘близкий’, ср. арм. *mawt*, учитывая то, что от основ прилагательных на *-u-* в праязыке могли образовываться как презентные основы на *-nu-*, так и стативные основы на *-ē-* (последние путем внутренней деривации).

Ostnum, *ostč'im*, аор. *osteay* – (неперех.) ‘прыгать’ (прич. *ostuc'eal*). Также засвидетельствована презентная основа *ostanim* (аор. *osteay*) ‘вырываюсь вперед, выхожу’, а также редуцированная форма *ostostem* (аор. *ostostec'i*) ‘скачу’. Глагол образует причастие прошедшего времени *ostuc'eal* и каузатив, существование которого, помимо свидетельства текста 6 в., подтверждается приставочной формой *əndostuc'anem* (5 в.) от *əndostnum*

‘отскакиваю’ (засвидетельствован в тексте 12 в.). Возможно, к этому же корню этимологически относится существительное *ost* ‘ветка’ и образованный от него глагол *ostanam* (аор. *ostac’ay*) ‘ответвляться’. NBH, II: 523; НАВ III: 569.

Этимология не ясна. Гипотеза С. Бугге (Bugge 1892: 443–444), сопоставившего древнеармянский глагол с др.-исл. *kasta* ‘бросать’, лат. *gestīre* ‘ликовать, радоваться’, др.-гр. *βαστάζω* ‘поддерживать, воодушевлять’, не верна. В частности, и.-е. **gʷo-* должно было бы дать начальное арм. *ko-*, ср. и.-е. **gʷōus* > арм. *kov* ‘корова’.

Paknum, ***pakč’im***, аор. *pakeay* – (неперех.) ‘быть удивленным, потрясенным, испуганным’ (прич. *pakuc’eal*, реже *pakeal* и *pakes’eal*¹; кауз. *pakuc’anem*). NBH, II: 585; НАВ, IV: 7–8.

Этимология не ясна.

Pšnum, аор. *pšeay* – (неперех.) ‘пристально смотреть’ (кауз. *pšuc’anem*, прич. *pšuc’eal*). Также засвидетельствована презентная основа *pšnem*. Отглагольное существительное *piš* ‘пристальный взгляд’ встречается в выражении *piš unel* ‘смотреть вперед’ и композите *tiapiš* ‘тот, на кого все смотрят’. NBH, II: 658 (*pšnum*, *pšnem*); НАВ IV: 83–84; HÜB 231.

Глагол является иранским заимствованием, ср. ав. *piš-* ‘смотреть’ < **pi-ĩš-* и *apišman-* ‘незрячий’ (см. Klingenschmitt 1982: 150; LIV²: 459). Вероятно, глагол образовался под влиянием выражений *piš unel* ‘смотреть вперед’, *rah unel* ‘наблюдать’, ср. *akn-kalel* (второй элемент композита супплетивная аористная основа от *unel* ‘иметь’) от *akn unel* ‘ожидать’; выражения *rah unel* и *akn unel* являются кальками с иранских выражений, ср. соответственно перс. *pās dāštan* и *čašm dāštan* (см. Bailey 1987: 459).

¹ Формы *pakeal* и *pakes’eal* указывают на незасвидетельствованные глаголы **pakanem*/**pakanim* и **paket* соответственно.

P'axnum, p'axč'im, аор. *p'axeay* – (неперех.) ‘убегать’ (прич. *p'axuc'eal*, кауз. *p'axuc'anem*). Также засвидетельствованы существительные *p'ax* и *p'axust* ‘побег’. NBH, II: 923–924; HAB, IV: 470.

Основа презенса может восходить к **p'axi-num*, ср. *p'axust*, а также *t'ak'num, t'ak'ust* (Pedersen 1906: 356).

Этимология не ясна (Olsen 1999: 617–619).

P'rcnum, p'rcč'im, аор. *p'rceay* – (неперех.) ‘освободиться, отделяться’ (прич. *p'rcuc'eal*; кауз. *p'rcuc'anem*). Также засвидетельствованы варианты *parcnum* (аор. *parceay*), *p'arcanim, parcanim* (аор. *parcay*) ‘освободиться’ и *prcet* ‘освободить’ (аор. *prces'i*). Сюда же относится существительное *p'urc* (вариант *purc*) ‘щепка, отломанный кусок’. NBH, II: 963; HAB, IV: 104, 512.

Этимология не ясна. Возможно, родственно лат. *pars*, хетт. *paršiya-*, пехл. *pārak*, etc. ‘часть, кусок’.

Sařnum, sařč'im, аор. *sařeay* – (неперех.) ‘мерзнуть’ (кауз. *sařuc'anel* ‘морозу’). Инхоатив – *sařnanam* ‘замерзаю, охлаждаюсь’ образован от именной основы *sařn* ‘холод’. NBH, II: 696; HÜB: 488.

По мнению Г. Б. Джаукяна (Джаукян 1982: 185), *sařnu-* является основой на *-u-* от основы прилагательного *sařn* ‘холодный’ из и.-е. *ker-no-* (Godel 1982: 64; IEW 573 и сл.; Solta 329 и сл.; Olsen 1999: 137). Более точным, на наш взгляд, было бы восстанавливать следующее развитие **sarn-nu-* > **sař-nu-*.

Sartnum, sartč'im, аор. *sarteay* – (неперех.) ‘отчуждаться, отстраняться, отказываться’ (прич. *sartuc'eal*, кауз. *sartuc'anem*). NBH, I: 702; HAB, IV: 192.

Возможно, продолжает слабую ступень индоевропейской именной основы **kērd-/krd-* ‘сердце’ (Pisani 1934: 189; Solta 1960: 205–206; Godel 1970: 142), ср. семантическую параллель в русс. *сердиться*.

Также, нельзя исключать вероятность иранского заимствования, ср. ср.-перс. *sart* ‘холодный’; перс. *sard* ‘холодный’, ср. семантическую параллель в русс. *охладеть*.

Sksnum, аор. *sksay* – (неперех.) ‘начинать’ (прич. *skseal*). Вариант презентной основы – *sksanim* (аор. *sksay*). Также засвидетельствована вторичная форма *sksanum* в недатированном тексте¹. От того же корня с помощью суффикса отглагольных абстрактных существительных *-bn* (из **-mn*) образовано существительное *skizbn* ‘начало’. NBH, II: 722; HAV, IV: 231; Olsen 1999: 369–370.

Основа презенса, вероятно, вторична и образована от аористной основы **skis-*, которая, вероятнее всего, восходит к и.-е. **(s)ueik-* ‘вступать, входить’ (см. *ueik-* в LIV²: 669–670; Meillet 1896: 153; Klingenschmitt 1982: 224–226)². Слабой стороной этой этимологии является отсутствие вне армянского других свидетельств данного индоевропейского корня с *s-mobile*.

Šrtnum, аор. *šrteay* – (неперех.) ‘испугаться, быть пораженным, ослепленным’ (прич. *šrtuc’eal*, кауз. *šrtuc’anem*). Возможно, имеет общее происхождение с *hart’num* ‘пугаться’, *sartnum* ‘отстраняться’ или *xrtnum* ‘быть испуганным’. NBH, II: 499; HAV, III: 545–546.

См. *hart’num*, *xrtnum*.

Stelcnum, аорист не засвидетельствован – ‘укрепляться’. Другие варианты основы: *stelcum* (аор. *stelci*) и *stelcanem* (аор. *stelci*) ‘создавать’. NBH, II: 744; HAV, IV: 270–271.

¹ Перевод «Тимея» Платона – «Platon Imastasēr, Ewt’ip’ron, Paštranutiwn Sokratay ew Timēos», ed. A. Suk’rean, Venice, 1877 (см. Thomson 1995, 78).

² Ср. *skesur* ‘свекровь’ из **suekurā* ‘id.’, ср. др.-инд. *śvāsuraḥ*, лит. *šėšuras*. О проблеме развития начального кластера см. Kortlandt 1976: 97.

Глагол традиционно возводится к и.-е. **stel-*, ср. др.-гр. *στέλλω* ‘устанавливаю; приготавливаю’ (Pedersen 1906: 427; НАВ). При этом конечный согласный основы следует возводить к **-ǵ-* (ср. Solta 332–333, прим. 81a, где армянский глагол сопоставляется с норв. *stjelk* ‘стебель’, лит. *stelgiù* ‘уставиться, пристально смотреть’¹ и др.-ирл. *tailc* ‘твердый, неподвижный’), ср. *ergicanem*. Формант **-ǵ-* может указывать на архаичную отыменную основу.

T’ak’num, *t’ak’čim*, аор. *t’ak’ēay* – (неперех.) ‘спрятаться’ (прич. *t’ak’uc’eal*, кауз. *t’ak’uc’anem*). Также засвидетельствованы варианты *t’agnum* и *tagč’im*. От глагола образуется существительное *t’ak’ust* ‘утаивание’ прилагательное *t’ak’un* ‘спрятанный, тайный, секретный’ (наряд с редуцированной формой *t’ak’t’ak’un* ‘секретный’), откуда инхоатив *t’ak’nanam* (аор. *t’ak’nac’ay*) ‘стать тайным, остаться незамеченным’. NBH, I: 803; НАВ, II: 167–168; HÜB: 448–449.

На основании существительного *t’ak’ust* Х. Педерсен (Pedersen 1906: 356) восстанавливает глагольную основу **t’ak’u-nu-*. Однако вопрос о том, образовано ли существительное от архаичной основы презенса на **-u-* или от основы аориста (ср. *erdnum*, аор. *erduay*; аорист *t’ak’ēay* вполне может быть аналогичным) не ясно.² Корень *t’ak’-* восходит к и.-е. корню **pteh₂k-* ‘скрываться’, ср. др.-гр. *πτῶσσω* ‘припадаю к земле, прячусь’ и лат. *tacēo* ‘молчу’ (LIV²: 495–496; Klingenschmitt 1982: 70, 78–79).

Основа *t’ak’č’i-* восходит к **pth₂k-eh₁-sk-* и является развитием стативной основы, тогда как основа *t’ak’nu-*, вероятно, вторична.

¹ В качестве параллели к семантическому развитию можно привести русс. *уставиться*.

² Другие существительные на *-st-* не дают однозначного ответа о мотивирующей основе, ср. *hangist* от *hangnum*, аор. *hangeay*, *imast* от *imanam*, аор. *imac’ay*.

T'k'num (аор. *t'k'i*) – (неперех.) ‘плевать’. Также засвидетельствован медио-пассивный вариант *t'k'anim* (аор. *t'k'ay*), а также активные глаголы *t'k'anem* (аор. *t'k'i*), *t'k'em* (аор. *t'k'ec'i*) и *t'k't'kem* (аор. *t'k't'k'ec'i*) ‘плевать’. Сюда же относится существительное *t'uk'* ‘плевок’. NBH, I: 824; HAV, II: 212.

Для индоевропейского со значением «плевать» восстанавливается корень **(s)ptieuH-* (LIV²: 583–584). Скорее всего, основа *t'k'-* относится к этому же корню (ср. HÜB: 450; см. также критические замечания в Klingenschmitt 1982: 207). В рамках этой этимологии наиболее вероятным кажется деноминативное происхождение презентной основы от *t'uk'* ‘плевок’, ср. *šuk'* ‘тень’, *p'uk'* ‘дуновение’. При этом мотивирующая глагольная основа **t'u-* закономерно восходит к **(s)ptiuH-*.¹

T'olum, аор. аор. *t'oli* – (перех.) ‘оставлять, бросать’; *t'olay* – (неперех.) ‘позволять’ (прич. *t'oleal*, кауз. *t'olac'uc'anem*). Вариант презентной основы – *t'olanim* (аор. *t'olay*). Инхоатив *t'olanam* ‘смягчаться’, из которого образовался каузатив *t'olac'uc'anem*, представляет собой результат «прояснения» корня по аналогии с *t'olum* от *t'ulanam* (аор. *t'ulac'i*) ‘становиться мягким, смягчаться’ и *t'ulac'uc'anem* ‘смягчаться’, образованных от прилагательного *t'oyl* ‘мягкий’. С помощью прилагательного образованы выражения *t'oyl aṛnel*, *t'oyl tal* ‘дать разрешение, позволить’ (букв. ‘дать слабину’), *t'oyl linel* ‘быть разрешенным, дозволенным’. NBH, I: 817.

Ш. де Ламбертри (de Lamberterie 1978: 266–269) возводит основу *t'olu-* либо к **t'ol-nu-* (ср. Meillet 1936: 48, 112), либо к **t'ol-u-* (ср. Godel 1975:

¹ О развитии **-iu- > -u-* см. Beekes 2003: 203–204.

125)¹ и сопоставляет корень с прилагательным *t'oyl* 'слабый' (ср. Olsen 1999: 205).

Корень остается без надежной этимологии. Традиционно армянский глагол сопоставляется с лат. *tollere* 'поднимать' и *tollerāre* 'поддерживать, выдерживать' от **tl̥-n-h₂-* (Pedersen 1906: 354, 371; Klingenschmitt 1982: 243), корень **telh₂-* 'поднимать' (IEW: 1060–1061; LIV²: 622–623). Однако это сопоставление нуждается в обосновании семантического развития 'поднимать, поддерживать' → 'быть слабым, позволять, отпускать'.

T'ṛnum', *t'ṛč'im*, аор. *t'ṛeay* – (неперех.) 'летать' (прич. *t'ṛuc'eal*). Основа *t'ṛnu-* засвидетельствована только в пост-классический период. От основы *t'ṛč'i-* образованы существительные *t'ṛč'an* 'полет' и *t'ṛč'un* 'птица'. Также засвидетельствованы глаголы с редупликацией *t'rt'ṛem* (аор. *t'rt'ṛec'i*) 'иду подпрыгивая' и *t'ṛt'ṛem* (аор. *t'ṛt'ṛec'i*), *t'ṛt'ṛem* (аор. *t'ṛt'ṛac'i*²) 'подпрыгиваю, летаю' (см. Джаукян 1982: 112). К этому же корню также относятся существительные *t'eṛ* 'полет', *t'it'eṛn* 'бабочка'³. NBH, II: 822–823; НАВ, II: 184–186; HÜB: 536.

Несмотря на то, что основа на *-nu-* засвидетельствована позднее основы на *-č'i-*, корневое *-ṛ-* указывает на то, что основа на *-nu-* является более архаичной.

Глагол, несомненно, восходит к индоевропейскому корню **pteh₂-* 'летать', ср. ав. *fraptərajāt* 'птица', др.-гр. *πτέρων* 'перо' (этимология была впервые предложена в Bugge 1892: 40, см. также IEW: 825 и Джаукян 1982:

¹ Такая реконструкция основывается на засвидетельствованном в наиболее ранних манускриптах написании *toył* (Hübschmann 1976: 432–33); таким образом *-l-* может относиться к основе прилагательного, от которого был образован презенс на *-u-*.

² Нерегулярная форма аориста.

³ Ср. редупликацию в армянском: *aleln* 'радуга', *cicaṛn* 'ласточка', *siseṛn* 'горох', *t'it'eln* 'пластина', а также редупликацию в обозначениях бабочки в других языках: д.-в.-н. *fīfaltra*, лат. *pāpiliō* 'бабочка'

72; ср. критику в Klingenschmitt 1982: 7). Наличие конечного *-r- может указывать на именную основу.

Uṛnum, uṛč'im, аор. *uṛēay* и *uṛāy* – (неперех.) ‘раздуваться, распухать’ (прич. *uṛis'eal* и *uṛēal*,¹ кауз. *uṛis'anem*). В тексте 12 в. засвидетельствована форма *uṛēnam* с тем же значением. От этого же корня образовано существительное *uruk* ‘страдающий эфантиазисом’. NBH, II: 554.

Основа аориста **ur-* перешла в *uṛ-* под влиянием аналогии с основой презенса, которая восходит к прото-арм. **ur-ni-*, которая, вероятно, образована от основы прилагательного **ur-u-* ‘широкий, толстый’ (см. Klingenschmitt 1982: 257). Основа прилагательного может восходить к и.-е. **urH-u-* ‘широкий’, ср. вед. *urí-* ‘широкий, обширный’, ав. *vouru-* ‘широко-’ (в составе композита см. EWAi, I: 227). Других свидетельств презенса на *-ni-* от данного индоевропейского корня нет.

Xnum, аор. *xс'i* – (перех.) ‘закупоривать, закрывать, засыпать, останавливать’ (прич. *xс'eal*). В более поздних источниках засвидетельствованы презентные основы *xс'em* (10 в.) и *xс'anem* (11 в.), образованные от основы аориста *xс'-*. Возможно к тому же корню восходит глагол *xsket* (*xskes'i*) ‘набивать, запихивать’ и существительное *xsis* ‘пакля, очес’, хотя консонантизм корня не находит удовлетворительной интерпретации. От того же корня образовано существительное *xis* ‘крышка’ и *xс'ank* ‘пробка’. NBH, I: 955 (*xnum*); I: 995 (*xс'anem*); HAV, II: 371.

Презентная основа *xnum* либо восходит к **xс'-ni-* < **xis'-ni-* ‘закупоривать’, либо образована от презентной основы **xi-*, основа аориста от которой, *xс'-* (*exis* ‘он засыпал, закупорил’), была образована с помощью имперфектного суффикса *-с'-* из **-sk-* (ср. Klingenschmitt 1982: 250). Глагол

¹ Данное причастие указывает на незасвидетельствованный вариант презентной основы другого глагольного класса.

xsket Р. Ачарян (НАВ, II: 371) рассматривает как результат диссимилиации из *xs'ket* от той же основы *xic'* - с расширителем *-k-*, который он сравнивает с *-k-* в основе презенса *hark-anem* 'бить' (ср. аор. *har-i*). Если *-c'*- императива содержится в основе аориста *xs'-*, а *xnit* и *xsket* – родственны, то оно должно быть более архаичным, чем появление *-k-* в основах презенса. Также возможно, что глагол развился на базе фразеологического оборота *xic' arkanel* 'затыкать', ср. *piš unel* → *pšnel* 'пристально смотреть'.

Возможно сопоставление с др.-гр. *χώννυμι* (аор. *χῶσαι*) 'заполнять, засыпать', если допустить, что **kh₂-eu-os* 'сосуд' (ср. др.-гр. *χοῦς*), образовано путем внутренней деривации от основы прилагательного **kh₂-u-* 'наполненный, наполняемый' от корня **keh₂-* 'наполнять' (ср. др.-гр. *χέω* 'выливать, высыпать'). Также, как и в случае с медио-пассивным аористом *kari-* < **g^urh₂-* (см. *kornčim*), наряду с прилагательным **g^urh₂-u-* (др.-гр. *βαρύς* 'тяжелый'), арм. *xi-* могло бы восходить к нулевой ступени перфектной основы **koh₂-ē-/kh₂-ē-* (др.-гр. **χοῦσαι > χῶσαι*, если не вторичное от **kh₂-eu-os*, ср. DELG, IV: 1281, при том, что П. Шантрэн принимает другую корневую этимологию, возводя греческие слова к и.-е. **g^heu-*). Возможно, к тому же индоевропейскому корню относится др.-инд. *√KHED-* 'давить, пихать' < **kh₂eid-* (EWAi, I: 454–455).

Xrtnum, *xrtč'im*, аор. *xrteay* – 'являюсь испуганным' (прич. *xrtuc'eal*, кауз. *xrtuc'anem*). От глагола образовано существительное *xrtuil* 'страх'. Возможно, к варианту этого же корня относятся глаголы *hart'num* (аор. *hart'eay*) 'пугаюсь' и *šrtnum* (аор. *šrteay*) 'пугаюсь'. NBH, I: 995; НАВ, II: 371.

Глагол образован от существительного *xirt* 'испуг', этимология которого не ясна, ср. IEW: 917; Olsen 1999: 452–453.

См. *hart'num*, *šrtnum*.

Yenum, аор. *yec'ay* – (неперех.) ‘прислоняться, полагаться, доверяться’ (прич. *yec'eal*,¹ кауз. *yec'uc'anem*). NBH, II: 355; HAV, III: 395–396.

Восходит к прото-арм. **i-hes-nu-*. Попытки дальнейшей реконструкции ненадежны, см. Klingenschmitt 1982: 249–250.

Zart'num, zart'č'im², аор. *zarteay* – (неперех.) ‘просыпаться, вставать, быть чувствительным к ч.-л.’ (прич. *zart'uc'eal*, кауз. *zart'uc'anem* ‘бужу’). Основа *zart'č'i-* засвидетельствована в пост-классический период. На существование не засвидетельствованного **art'im*, возможно, указывает именная форма *art'un* (наряду с засвидетельствованной в тексте 8 в. формой *zart'un*²) ‘пробужденный’ (Lamberterie 1982: 35). NBH, I: 719; HAV, III: 58–59.

Формы данного глагола восходят, соответственно, к **z-hart'-nu-*, **z-hart'i-č'i-* и аор. **z-hart'i-a-*. Вероятно, родственно *hart'num* ‘пугаться, содрогаться’, ср. Джаукян 1982: 185; Klingenschmitt 1982: 257–258.

См. *hart'num*.

Zbalnum, аор. *zbalec'ay* – (неперех.) ‘быть занятым’ (прич. *zbaleal*,³ кауз. *zbalec'uc'anem*). С тем же медиальным значением засвидетельствован вариант презенса *zbalim* (аор. *zbalec'ay*). Активное значение ‘занимать, развлекать’ выражается бессуфиксальным презенсом *zbalem* (аор. *zbalec'i*) и каузативом. От этого корня образовано наречие *bał* ‘вместе’, первый элемент ряда композитов (ср. *bał-a-zan* ‘удобный, походящий’, *bał-a-grem* ‘составлять, смешивать’), а также ряд глаголов: *balem* (аор. *balec'i*)

¹ Причастие указывает на незасвидетельствованную презентную основу другого глагольного класса.

² Свидетельства вариантов *art'nakan*, *zart'nakan* у авторов 5 в. может свидетельствовать о существовании *zart'un* уже в классическом языке.

³ Причастие указывает на незасвидетельствованную презентную основу другого глагольного класса.

‘присоединяться’, основа с удвоением *balbalem* (аор. *balbalec* ‘i) ‘притворяться’. NBH, I: 723.

По-видимому, основа на *-nu-* является поздним образованием, на что указывает форма аориста и причастия. Презенс на *-nu-* мог развиваться при частотном употреблении глагола в медио-пассивном значении (ср. также Klingenschmitt 1982: 256).

Возможно, корневое *bal-* восходит **b^h_r-*, слабой ступени и.-е. **b^h_{er}-* ‘нести’ (LIV²: 76–77), ср. диссимиляцию **b^h_r-* > **-bl-* с последующей метатезой **-bl-* > **-lb-* в *elbayr* ‘брат’ из и.-е. **b^hreh₂tēr*. Семантическая параллель обнаруживается в ст.-сл. *сборъ*, а также возвратные глаголы русс. *собраться*, *братся* (за ч.-л.). Специализация значения в армянском глаголе тесно связана с медиальным залогом, что отразилось и в медиальных основах презенса.

См. *zbawsnum*.

Zbawsnum, аор. *zbawsay* – (неперех.) ‘развлекаться, расслабляться’ (прич. *zbawseal*, ¹ кауз. *zbawsuc’anem* ‘расслаблять, развлекать’; *zbawsec’uc’anem*²). Вариант презентной основы – *zbawsanim* (аор. *zbawsay*). В составе композитов также *-zbawsel* (*bṛnazbawsel* ‘обязывать, навязывать силой, подчинять’ (букв. ‘забавляться силой’), первый элемент композита от *biṛn* ‘сила, насилие, тирания’). Сюда же относятся инхоатив *zbawsanam* ‘расслаблять’ и образованный от него каузатив *zbawsac’uc’anem* ‘расслаблять, развлекать’, а также отглагольное существительное *zbawsank’* ‘расслабление, развлечение’. NBH, I: 724 (*zbawsnum*); I: 723 (*zbawsanim*).

¹ Причастие указывает на незасвидетельствованную презентную основу другого глагольного класса.

² Данная форма каузатива указывает на презентную основу **zbawsem/zbawsim*.

Глагол, по-видимому, образован от североиранского заимствования, ср. хотан. *būsā* ‘шутка’ (Bailey 1979: 301). Также возможно родственно русск. *забава*.

Zgenum, аор. *zges’ay* – (неперех., перех.) ‘быть одетым, носить (одежду)’ (прич. *zges’eal*, кауз. *zges’uc’anem*). NBH, I: 727; HAB, II: 88; HÜB: 446.

Основа настоящего времени восходит к приставочному глаголу **z-genum*, который, в свою очередь, восходит к индоевропейской презентной основе **ues-ni-* (ср. др.-гр. *ἐννύμι* ‘надеваю’, *ἐννύμαι* ‘одеваюсь’¹) от и.-е. **ues-* ‘одеваться’ (1. **ues-* – LIV²: 692–693). Непереходное стативное значение ‘быть одетым’, свойственное древнеармянскому глаголу, в других языках выражается корневым презенсом, ср. др.-гр. *ἔμμι* ‘ношу’, др.-инд. *vāste*, хетт. *uešštta* ‘он одет’ (Klingenschmitt 1982: 248; Clackson 1994: 178–180; Kloekhorst 1004–1007). Вероятно, древнеармянский глагол сохранил стативное значение (переходное значение ‘надевать’ выражается формой каузатива), тогда как в древнегреческом глагол стал переходным. На то, что основа **ues-ni-* является производной от корневого стативного презенса **ues-*, указывает и полная *e*-степень корня основы на *-ni-*, ср. **dēk-ni-* (др.-инд. *dāśnóti* ‘почитает’, др.-гр. *δεικνύμενος* ‘приветствующий’) от **dēk-/dek-* ‘отличать, воспринимать’ (LIV²: 109–112; Clackson 1994: 180). Менее убедительное объяснение – замена нулевой ступени, свойственной индоевропейским *ni*-презенсам, по аналогии с именными основами, ср. др.-гр. *ἐσθής*, др.-арм. *zgest* ‘одежда’ < **ues-tu-* (IEW: 1172 и сл., Solta 1960: 247 и сл., Olsen 1999: 108).

Основа аориста *zges’a-* восходит к **zgeac’-* (из имперфектной основы **z-ges-ac’-*), ср. *astowacazgeac’* ‘облаченный в Господа’ (Агатангелос), см. Lamberterie 1985: 130.

¹ Об архаичном характере древнегреческой *ni*-основы см. Schwyzler 1939: 322 и 697.

2.7.2. Презентные основы на *-ni-* со вторичным аористом на *-c'*-

Формально данный глагол принадлежит классу презентов на *-u-*. Однако прозрачная внутренняя форма позволяют предположить что когда то глагол относится к *ni*-классу. Возможно, в данном случае переход глагола глагола *srtanam*, регулярного деноминатив от *sirt* ‘сердце’, в *-ni-* класс с изменением семантики. Метаанализ презенса на *-ni-* произошел, возможно, из-за семантического расхождения с *srtanam*.

Srtnum, аор. *srtneč'ay* – (неперех.) ‘осерчать, рассердиться’ (прич. *srtneal*). Вариант презентной основы – *srtnim* (аор. *srtneč'ay*).. NBH, II: 764.

2.8. Презентные основы на *-nč'*-

К этому классу относятся три глагола, имеющих медио-пассивный аорист на *-i-* и презенс с тематический гласный *-i-* медио-пассивного залога (*erknč'im* ‘бояться’, *kornč'im* ‘исчезать, пропадать’, *martnč'im*, ‘бороться’) и один глагол, имеющий медио-пассивный корневой аорист и презенс с тематическим гласным *-e-* (*melanč'em*, аор. *melay* ‘согрешать, ошибаться’).

Кроме того с диахронической точки зрения к этому классу можно отнести группу ономатопоэтических глаголов, перешедших из класса глаголов на *-nč'*- в продуктивный бессуффиксальный класс.

Глаголы с презенсом на *-ni-* распределяются по следующим морфосинтаксическим типам:

		акт. залог	мед. залог	пасс. залог
1	през.		<i>-nč'i-</i>	
	аор.		<i>-ea-</i>	
2	през.		<i>-anč'e-</i>	

	аор.		-a-	
3	през.		-nč'-e-	
	аор.		-nč'-ec'-	

2.8.1. Первичные презентные основы на -nč'-

Erknč'im, аор. *erkeay* – (неперех.) ‘бояться’ (прич. *erkuc'eal*, кауз. *erkuc'anem*, *erkes'uc'anem*¹). К этому же корню относятся существительные *erkiwl*, *erkn* ‘страх’ и *erkč'ot* ‘трусливый’. NBH, I: 698; HÜB: 445; НАВ, II: 64–65.

Согласно традиционной этимологии древнеармянский глагол сопоставляется с др.-гр. *δείδω* ‘боюсь’ и возводится к и.-е. **dyei-* ‘бояться’ (Klengschmitt 1982: 78–79; LIV²: 130; Olsen 1999: 101–102). Сопоставление с гот. *tweifla-* ‘сомнение’, др.-гр. *διπλόος*, лат. *di-plus* ‘двойной’ из и.-е. **dwi-plo-* возможно, если допустить семантическое развитие «два (варианта)» → «сомневаться» → «бояться (ошибиться)».

Г. Клингеншмитт реконструирует протоармянскую презентную основу **dwi-ské-*, откуда в результате вторичной инфиксации развилась засвидетельствованная основа *erknč'-*. Такой сценарий подтверждается в частности прилагательным *erk-č'-ot* без назального элемента, а также аористом на -i-, характерным для презентных основ на -č'i-. По мнению Г. Клингеншмитта, вторичная инфиксация могла происходить по модели архаичных индоевропейских основ, то есть -n- инфигировался после протоармянского рефлекса сонанта, в том числе слогаобразующего. Если гипотеза Г. Клингеншмитта верна и речь идет о регулярной фонетически

¹ Эта форма каузатива указывает на незасвидетельствованный глагол **erkem*, аор. **erkes'-i/-ay*. Возможно влияние класса недоминативных глаголов.

обусловленной инфиксации, то основы *sařč'i-* (см. *sařnum*), *t'řč'i-* (см. *t'řnum*) и *uřč'i-* (см. *uřnum*) следует считать вторичными (на что также указывает *-ř-*).

Kornč'im, аор. *koreay* – (неперех.) ‘разрушаться, исчезать, теряться’ (прич. *koruseal*, кауз. *korusanem*¹). От этого же корня образованы субстантивы *korank* ‘разрушение, унижение’ и *kor* ‘согнутый, наклоненный’; от последнего образован глагол *koranam* (аор. *korac'ay*; каузатив *korac'uc'anem*). К тому же корню восходят существительные *korust* и *korc* ‘переворот’ и образованное от него прилагательное *korcan* ‘распростертый’, которое засвидетельствовано у классических авторов в словосочетании *korcan ankanil* ‘падать ничком’. От *korcan* был образован глагол *korcanem* (ср. аор. *korcanec'i*) ‘переворачивать, опрокидывать, разрушать, искоренять’². NBH, I: 1120 (*kornč'im*); I: 1119 (*korcan ankanil*).

Отсутствие *ř* перед назальным в *kornč'im* указывает то, что после между корнем и суффиксом изначально была гласная. Отглагольное существительное *karust* указывает на гласную *-u-* (Pedersen 1906: 356), однако основа настоящего времени также может быть вторичным образованием от основы аориста на *-i-*, **kori-nč-im*. В качестве возможного источника **kori-* Г. Клингеншмитт восстанавливает основу перфекта **g^(u)or(H)-ē-* (ср. **uoīd-ē-*, др.-гр. *υοίδημι. ἐπίστομαι* (Hes.), ст.-сл. **ВЕДЕТИ** ‘знать’). Он также сближает *-inč^c-* с *-ič^ci-* (< **-ē-ske/o-*), интерпретируя *-n-* как форму, образованную по

¹ О этой и других нерегулярных формах каузатива см. раздел 2.2.1.2.

² Презенс *korcem* ‘опустошать’ (NBH I: 1120; НАВ II: 649), самое раннее датированное свидетельство которого обнаружено в тексте 12 в. «Girk' Vastakic'» (Thomson 1995: 040.055), является новообразованием. Вероятно, он является результатом действия метаанализа тематического презенса от основы на *-an* как презенса на *-anem*: *korcan* → *korcan-em* → *korc-anem* (метаанализ) → *korc-em*. Каузатив *korcanec'uc'anem*, является поздним образованием от основы аориста (засвидетельствован в тексте 11-го века). Согласная *-c-* в основе *korcan* остается без объяснения. Также не ясно, появилось ли *-c-* в результате внутри-армянского развития или оно может восходить к индоевропейской основе.

аналогии с назальными презенсами (Klingenschmitt 1982: 78). Наряду с этим Клингenschmitt допускает возможность реконструкции $*g^{(w)}or(H)-i-ske/o-$, презенса образованного по аналогии с основой отглагольного прилагательного $*g^{(w)}or(H)i-to-$ (по модели лат. *monitus* ‘напоминание’) или деноминативом $*g^{(w)}or(H)i-je/o-$ (по модели др.-гр. *τροπή* ‘киль’).

Реконструкция перфектной основы $*g^{(w)}or(H)-ē-$ для основы аориста *kori-* кажется вполне убедительной как с формальной, так и с семантической точки зрения. Этимология корня была впервые предложена А. Мейе, который сопоставил армянский глагол с лит. *gùrti* ‘ослабевать, прекращаться (о ветре)’, лтш. *guĩti* (Meillet 1898: 278); в дальнейшем Г. Клингenschmitt в качестве возможных соответствий предложил также тох. В *kwremñtär* ‘sie warden altersschwacht’ и тох. А *kur-* ‘слабеть’ из $*g^{(w)}rH-$ (Klingenschmitt 1982: 79)¹. Балтийские соответствия сопоставлялись с корнем $*g^{u}erh_2-$ ‘быть тяжелым, давить, раздавливать’ (Fränkel 1948: 76–79)², от перфектной основы которого со значением ‘быть тяжелым, сильным’ образованы прилагательные $*g^{u}rh_2-u-$ (др.-гр. *βαρύς* ‘тяжелый; могучий (о руке); низкий (о голосе); грубый (о человеке)’, скр. *gurú-*, лат. *gravis* ‘тяжелый’) наряду с $*g^{u}rúh_2-$ ‘тяжелый’ (лат. *brūtus*, лтш. *grūts* ‘тяжелый’), и $*g^{u}rh_2-i- > *g^{u}rih_2-$

¹ Й. Хильмарссон (Hilmarsson 1986: 90; LIV²: 213) возводит тохарские основы к индоевропейской основе $*g^{u}g^{h}r-h_2ié-$ ($> *k^{w}k^{w}ar-$ $>$ обще-тох. $*k^{w}ar-$ $>$ тох. А *kur-*, тох. В. *kur-/kwr-*) с эссивным значением от корня $*g^{u}g^{h}er-$ ‘течь’.

² Аргумент против формальной стороны сопоставления, согласно которому *-u-* в балтийских соответствиях является корневым (ср. de Lamberterie 1982: 23), опровергается примерами развития слогового сонанта после лабиовелярного смычного в балто-славянских языках в $*uR$, ср. др.-прусс. *gurcle*, лит. *gurklỹs*, ст.-сл. *гърло* ‘горло’ $< *g^{u}rh_3-ló-$, др.-прусс. *guntwei* ‘преследовать’, ст.-сл. *гнати* ‘гнать’ $< *g^{u}h_2-$ от $*g^{u}hen-$ ‘бить; убивать’ (ср. Vaillant 1950: 167–177; Stang 1966: 82; Kortlandt 1989: 47; 2007: 7–12). Слабым местом сближения балтийских глаголов с корнем $*g^{u}erh_2-$ является корневое *-u-* и исходная семантика балтийского корня – ‘ломаться, рушиться, быть хрупким’, ср. также лит. *gurius*, лтш. *gaurs* ‘трясущийся’, лит. *gvėrti* ‘трясти’.

‘тяжелый, сильный’ (др.-гр. *βρι-ήπιος* ‘громко-голосый’, скр. *grī-šmā-* ‘середина лета’ < *grī-* + *sāmā-* ‘лето’) (Lamberterie 1990: 525–555) и существительное **gʷrēh₂-uon-*/**gʷrēh₂-uón* ‘жернов’¹ (скр. *grāvan-*, тох. В *kärweññe* ‘камень’; а также гот. *qairnus*, лит. *dziñnus*, ст.-сл. *žrǫnǫvi*, арм. *erkan* ‘жернов’).

Ш. де Ламбертри относит к этому корню арм. *karem* (аор. *karac’i*) ‘мочь’ (Lamberterie 1982: 33–55), а также арм. *kari* ‘очень’, рассматривая последнее как архаичное прилагательное на *-i-*, ср. *al* ‘соль’, *ali* ‘соленый’. При этом он допускает и смешение в армянском индоевропейской глагольной основы с иранскими заимствованиями, ср. согд. *k’δy* ‘очень’; арм. *apikar* ‘бессильный’ (с префиксом *api-* иранского происхождения, ср. ср.-перс. *apē-* ‘без’). В частности, Ш. Ламбертери указывает на редкий аорист *kar-ac’-*, свидетельствующий об архаичном характере глагола. По аналогии с *gitem* (*-ac’i*) он восстанавливает для *karem* перфектную основу множественного числа со слабой ступенью корня – **gʷrēh₂-*, постулируя для единственного числа незасвидетельствованную основу **gʷórēh₂-*; значение перфектной основы ‘быть сильным’ укладывается в наиболее архаичную функцию перфекта выражать состояние субъекта (с семантическим развитием: «давить, раздавливать» → «иметь вес, силу» → «быть сильным»).

Кажется вполне вероятным, видеть в медио-пассивном глаголе *kornč’im* продолжение *o*-ступени той же перфектной основы.

Martnč’im, аор. *martēay* – (неперех.) ‘бороться’ (прич. *martuc’eal*, кауз. *martuc’anem*). Сюда же относится существительное *mart* ‘борьба’. NBH, II: 231; HÜB: 473; HAV, II: 289.

Р. Ачарян рассматривает данный глагол как деноминативный. Однако направление деривации установить затруднительно – *mart* может быть

¹ Возможна также деривационная модель **gʷrēh₂u-ōn-* от **gʷrēh₂u-* ‘тяжелый’ (ср. Fortson 2005: 111).

отглагольным именем действия, ср. *cin* ‘рождение’ от *spanim*, аор. *spay* ‘рождаться’ (см. Klingenschmitt 1982: 81, Olsen 1999: 90).

Согласно традиционной этимологии глагол восходит к и.-е. **(s)mṛd-*. Сопоставляется с др.-гр. *μάρναμαι* ‘сражаюсь’, которое восходит к **mṛh₂-* от **merh₂-* ‘сдавливать’ (LIV²: 440). Отсюда гипотеза о том, что в основе древнеармянского и древнегреческом сохранились формы с разными расширителями от глагольного корня **mer-* ‘разрушать’. От сопоставления с лат. *mordēo* ‘кусаю’ следует отказаться в пользу этимологии последнего, приведенной в LIV²: 280, где латинский глагол возводится к **h₂merd-* ‘истязать’; в армянском для этого корня ожидалась бы вокализация начального ларингального.

Г. Клингеншмитт (Klingenschmitt: там же) восстанавливает **marti-n-č'i-* из **mṛd-i-ske/o-* со вторичной инфиксацией. Эту форму он интерпретирует либо как глагольную основу с необъясненным **-i-*, либо как отыменную основу, в которой суффикс *-*ske/o-* заместил исконный деноминативный суффикс **-je/o-*.

Yarnč'im, аор. *yareay* – (неперех.) ‘относиться, касаться’. Сюда же относятся глаголы *yarem* (аор. *yares'i*) ‘соединять, присоединять’, *yarim* (аор. *yares'ay*) ‘присоединяться’, *yarenam* (аор. *yares'ay*) и *yarim* (аор. *yares'ay*) ‘присоединяться’. NBH, II: 349; HAV, III: 387–388.

Сопоставляется с др.-гр. *ἀρᾱρίσκω* ‘присоединять’ и проч. от и.-е. **h₂er-* ‘соединять’ (1.**h₂er-* – LIV²: 269–270). К этому же корню восходит древнеармянское *aṛnem* (аор. *arari*) ‘делать’.

Наиболее вероятными кажется следующая интерпретация происхождения презентной основы: из **y-ar-i-č'i-* (ср. *ἀρᾱρίσκω*) с последующей инфиксацией.

2.8.2. Первичная презентная основа на *-ančʻ-*

Melančʻem, аор. *melay* – ‘грешить’ (прич. *melucʻeal*, кауз. *melucʻanem*). Также засвидетельствован аорист *melančʻesʻi*, а в пост-классический период также прич. *melančʻeal*. К этому же корню относится существительное *mel(kʻ)* ‘грех’, прилагательные *melmel* и *melmex* ‘неверный’, деноминативный инхоативный глагол *melanam* (аор. *melacʻay*) ‘грешить; становиться грешным’ и вторичные существительные *melan(kʻ)* и *melančʻan(kʻ)* (последнее засвидетельствовано в пост-классическом языке). NBH, II: 247; HÜB: 473; HAV, III: 298–299.

В отличие от рассмотренных выше глаголов, этот глагол имеет гласную *-a-* после корня и перед формантом *-nčʻ-*, отражает полную ступень корня, а также имеет корневой аорист вместо аориста на *-i-*. Кроме того *-t-* корня не позволяет возвести презентную основу к **mel-a-n-čʻ-*.

Вероятнее всего глагол образован от существительного *mel*, которое восходит к и.-е. **mel-so-*, ср. ср.-ирл. *mell* ‘ошибка’, др.-гр. *βλάσ-φημος* ‘злословный’ (Olsen 1999: 64–64). К тому же корню восходят др.-гр. *μέλεος* ‘напрасный’, лат. *malus* ‘плохой’, лит. *mėlas* ‘ложь’.

Менее вероятным кажется гипотеза о происхождении древнеармянского глагола от индоевропейского глагольного корня (Klingenschmitt 1982: 82).

2.8.3. Презентные основы на *-nčʻ-* со вторичным аористом на *-cʻ-*

Сюда относится ряд глаголов, обозначающих звуки и содержащих корневое с синхронной точки зрения *-nčʻ-*, возможно, которые раньше относились к классу глаголов с презентной основой на *-nčʻ-*, либо *-čʻ-* и корневым, либо аористом на *-i-*. Формально эти глаголы выглядят как деноминативные, однако мотивирующие существительные для них не всегда

засвидетельствованы, в то время как они сами могут выступать деривационной базой для образования новых существительных.

Синтаксической особенностью относящихся к данной группе глаголов является то, что они все непереходные и в то же время имеют активные окончания. Исключения составляют медио-пассивные формы *dṛnč'ím* (аор. *dṛnč'ec'ay*) и *hnč'ím* (аорист не засвидетельствован). Кроме того все эти глаголы являются звукообозначениями и носят звукоподражательный характер.

Обращает на себя внимание регулярность деривационной модели, в рамках которой образуются следующие параллельные формы:

R- <i>nč'</i> - R- <i>anč'</i> -	R- <i>n</i> -K-	R- <i>č'</i> - R- <i>ač'</i> - R- <i>oč'</i> -	R-K-	R- <i>aṛ-ač'</i> -	R- <i>aṛ-nč'</i> - R- <i>aṛ-anč'</i> -	R-R-	R-R- <i>č'</i> -
<i>bnč'em</i>	<i>bnjem</i>	<i>bč'em</i> <i>bč'am</i>	<i>bjem</i>	<i>baṛač'em</i>		<i>bbem</i>	<i>bbč'am</i>
<i>dṛnč'em</i> <i>dṛnč'im</i>							
<i>ganč'em</i>	* <i>gangem</i>	<i>goč'em</i>					
<i>gnč'em</i> <i>knč'em</i>	* <i>knjem</i>						
<i>hnč'em</i> <i>hnč'im</i>		<i>hač'em</i>	<i>hajem</i>	<i>haṛač'em</i>			
* <i>hṛnč'em</i>							
<i>mnč'em</i>							
<i>mṛnč'em</i> <i>mṛnč'am</i>						<i>mṛmṛem</i> <i>mṛmṛam</i>	
<i>kanč'em</i>		<i>koč'em</i>		<i>kaṛač'em</i>	<i>kaṛanč'em</i>		

<i>ganč'em</i>		<i>goč'em</i>					
<i>pṛnč'em</i>	<i>pṛṅgam</i> <i>p'ṛnkam</i> <i>p'ṛnk'am</i>	<i>p'č'em</i>	<i>p'kam</i>				
<i>šnč'em</i> <i>šnč'am</i>		<i>šač'em</i>		<i>šaṛač'em</i>			
<i>t'anč'em</i>					<i>t'aṛanč'em</i>		
<i>xanč'em</i>					<i>xaṛnč'em</i>		

Убедительные этимологические сопоставления из приведенных ниже звукоподражательных глаголов, имеют только несколько.

Bnč'em, аор. *bnč'ec'i* – ‘мычать, реветь’. Вариант презентной основы – *bnjem*. К этому же корню относится глагол *baṛač'em* (аор. *baṛač'ec'i*), *bč'am*, *bbč'am* (аористы не засвидетельствованы), *bč'em* (вариант *bjem*, аорист не засвидетельствован), *bbem* (аорист не засвидетельствован), а также вторичные существительные *bnč'un*, *baṛač'*, *bč'iwn* и *bbiwn* ‘мычание, рев’. NBH, I: 500; HAV, I: 458.

Этимология не ясна.

Dṛnč'em, аор. *dṛnč'ec'i* – (неперех.) ‘звонить’. Также засвидетельствован медио-пассивный вариант *dṛnč'im* (аор. *dṛnč'ec'ay*). Глагол засвидетельствован плохо и встречается у недатированных авторов. NBH, I: 641.

Восходит к и.-е. **dren-* ‘гремять’, ср. др.-инд. *dhráṇati* ‘звучать’, др.-гр. *θρηῆνος* ‘плачь’, гот. *drunjus* ‘звук’ и проч. (IEW: 225–226; DELG: 440; Фасмер, I: 545–546; EIEC: 395). Согласно традиционной этимологии *-n-* относится к индоевропейскому корню. Таким образом, следует видеть в данном глаголе вторичное образование от презентной основы на *-č'*.

Ganč'em, аор. *ganč'ec'i* – 'кричать'. К этому же корню относится глагол **gangem*, *goč'el* (аор. *goč'ec'i*) 'кричать', от которых образованы существительные *gangk'*, *gangiwn*, *goč'iwn* 'громкий крик'. Возможно, к этому же корню относится *ger* 'шум, плачь' и глаголы *gijem* (аор. *gijec'i*), *gijam* (аор. *gijac'i*) 'причитать'. NBH, I: 528–529.

Этимология не ясна.

Gnč'em, аор. *gnč'ec'i* – 'хрюкать'. Вариант основы *knč'em* (аор. *knč'ec'i*). Возможно, сюда же относится существительное *knj-ul-t* 'химера, полу-верблюд полу-кабан'.

Hnč'em, аор. *hnč'ec'i* – (неперех.) 'звучать', (перех.) 'озвучивать; оглашать'. Также засвидетельствована медио-пассивная основа *hnč'im* и причастие *hnč'eal*, а также существительные *hunč'* 'звук' и *unč'(k')* 'шум'. Возможно сюда же этимологически относятся глаголы *hač'em*, *hajem* 'лаять', *hařač'em* 'вздыхать', *hesesem* 'причитать'. NBH, II: 109; HAV, III: 123–124.

На корневой аорист, помимо суффиксального презенса, указывает причастие *hnč'eal* (см. Meillet, MSL 10: 278; IF 10: 48; HA 1899: 203; Pedersen 1906: 175).

Возведение данной основы к индоевропейскому корню **s_uenh₂* 'звучать' (LIV²: 611) возможно только от слабой ступени **sunh₂*-, если **s*- переходило в *h*- не только перед *-i*- (ср. **sen*- > *hin* 'старый'), но и перед *-u*- (свидетельств такого фонетического развития нет).

***Hřnč'em**, аор. **hřnč'ec'i* – 'хрипеть'. На существование глагола указывает отглагольное существительное *hřnč'iwn* 'храп'. NBH, II: 127.

Звукоподражательный характер глагола не позволяет с уверенностью говорить об этимологическом родстве с др.-русс. *хрѣпати* и проч. (Фасмер IV: 274).

Mnč'em, аор. *mnč'ec'i* – ‘ворковать’. От глагола образовано существительное *mnč'iwn* ‘воркование’. NBH, II: 287.

Этимология не ясна.

Mṛnč'em, аор. *mṛnč'ec'i* – (неперех.) ‘мычать, реветь’. Также засвидетельствован вариант *mṛnč'am* (аор. *mṛnč'ac'i*). К этому же корню, видимо, относятся глаголы *mṛmṛem* (аор. *mṛmṛec'i*) и *mṛmṛam* (аор. *mṛmṛac'i*) ‘ворчать, бормотать’. Возможно, также сюда относятся глаголы *muram* (аор. *murac'i*) и *muranam* (аор. *murac'ay*) ‘просить милостыню’, которые выглядят как деноминативные, хотя мотивирующая именная основа не засвидетельствована. NBH, II: 302 (*mṛnč'em*, *mṛmṛem*); II: 301 (*muram*); HÜB: 476.

Kanč'em, аор. *kanč'ec'i* – ‘кричать’. Сюда же относятся существительные *kaṛač'*, *kaṛanč'* ‘крик’ и образованные от них глаголы *kaṛačet* и *kaṛanč'em*. Возможно, сюда же также относится глагол *koč'em* (аор. *koč'ec'i*) ‘звать’. NBH, I: 1052.

Этимология не ясна.

P'ṛnč'em, аор. *p'ṛnč'ec'i* – (неперех.) ‘чихать; фырчать; кричать’. Также засвидетельствован глагол *p'ṛngam* (аор. *p'ṛngac'i*) ‘id.’ и его варианты *p'ṛnkat* и *p'ṛnk'am*. NBH, II: 962–963; HÜB: 502.

Г. Гюбшман анализирует глагол как *p'ṛn-č'-em*, где корень может восходить к *p'ur-* или *p'ir-*, не засвидетельствованных в других словах; также он сопоставляет данный глагол с *p'nč'em* (аор. *p'nč'ec'i*) ‘чихать’, ср. также *p'kat* ‘шипеть, свистеть’, *p'č'em* (аор. *p'č'ec'i*) ‘дуть, надувать’.

При этом вполне вероятно, что в данном глаголе содержится презентная основа на *-nč'-* от звукоподражательного корня *p'ur-*, ср. русс. *фыркнуть*, олонец. *фы́рскнуть*, чеш. *frnčeti* наряду с *frčeti* ‘сопеть’ (Фасмер,

IV: 213). Вариативность согласного в исходе основы остается при этом без удовлетворительного объяснения. Нельзя исключать диалектное влияние.

Šnč'em, аор. *šnč'ec'i* – ‘дуть’. Также засвидетельствован презенс *šnč'am* (аор. *šnč'ac'i*). От глагола образовано существительное *šunč'* ‘дыхание’. Сюда же относятся существительные *šač'*, *šač'iwn* ‘шум, скрип, шепот’, *šaṛač'* ‘скрип (колес)’ и производные глаголы *šač'em* (аор. *šač'ec'i*) и *šaṛač'em* (аор. *šaṛač'ec'i*). NBH, II: 486.

Возможно, сюда же относится глагол *ššč'njem* (аор. *ššč'njec'i*) ‘шептать’, от которого образованы существительные *ššč'unj* и *ššč'njiwn* ‘шепот’. Х. Педерсен относит к этому же корню *šogi* ‘дыхание’ (Pedersen 1906: 397).

Сопоставляется с вед. *śvasiti* ‘сопеть’ (Pedersen 1905: 198) от и.-е. **kues-* ‘сопеть’ (LIV²: 341).

T'anč'em, аор. *t'anč'ec'i* – ‘бормотать’. Вариант основы – *t'ač'em* (аор. *t'ačec'i*). Сюда же относится существительное *t'aṛanč'* ‘бормотание’ и образованный от него глагол *t'aṛanč'em* (аор. *t'aṛanč'ec'i*). NBH, I: 797.

Этимология не ясна.

Haṇč'em, аор. *haṇč'ec'i* – ‘реветь’. Сюда же относится глагол *haṛnč'em* (аор. *haṛnč'ec'i*) ‘рычать’. На незасвидетельствованный глагол **xṛč'em* указывают производные существительное *xṛč'ak* ‘гортань’ и вторичный глагол *xṛč'atim* ‘с трудом дышать, хрипеть’. NBH, I: 921.

Этимология не ясна.

Приведенный в разделах 2.1.–2.8 анализ глаголов, презентные основы которых образуются с помощью назальных суффиксов, позволяет сделать ряд выводов о формировании рассмотренных глагольных классов, которые изложены в следующей главе диссертации.

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАРМЯНСКИХ НАЗАЛЬНЫХ СУФФИКСОВ

3.1. Происхождение суффиксов -na- и -ana-

Проведенный анализ глаголов на -na- и -ana- позволяет сделать ряд выводов и предположений о становлении данных глагольных классов.

Все исследованные первичные глаголы, содержащие суффикс -na- восходят к индоевропейскому пласту лексики. Это указывает на то, что презентные основы на -ana- и -na- были продуктивны на раннем этапе протоармянского до проникновения в язык массовых иранских заимствований.

Анализ вокализма корней позволяет постулировать следующие морфологические типы для стадии развития протоармянского, предшествующей вокализации сонантов:

1. *CR₂-nã-: *spařnam*
2. *C(e)H-nã-: *banam, stanam, t'anam*
3. *CR₂C-nã-: *bařnam, dařnam, ořnam* (?),
4. *CoRC-nã-: *ořnam* (?)
5. *(Hi-)HeR-ãñã-: *imanam*
6. *CeRH-ãñã-: *luanam* (?), *loganam* (?)
7. *CoRC/CoRH/CõR-ãñã-: *loganam* (?), *mořanam, uranam*
8. *CWH-ãñã-: *luanam* (?)
9. *CWR-ãñã-: *slanam*

За исключением спорных случаев *ořnam, luanam* и двух-консонантных корней с исходом на ларингальный, перечисленные выше типы укладываются в более общую деривационную модель, согласно которой при нулевой ступени корня употребляется суффикс *-nã-, а при полной ступени

корня, либо слабой ступени от корней, содержащий глайд (*slanam*), употребляется суффикс *- *ānā*-. Это позволяет сделать предположение о том, что оба суффикса являются алломорфами одного суффикса, которые обусловлены местом ударения. Формально такое решение возможно, если допустить, что в период продуктивности предполагаемого суффикса *-*h*₂- еще не исчез, а суффикс сохранял следы аблаута: *-*naH*-/*ṇH*-.

В нескольких случаях варианты данного протоармянского суффикса восходят напрямую к инфиксальным основам от корней, оканчивающихся на -*h*₂-. Так, например, основа *sprāṇa*- может продолжать и.-е. **spr-n-h*₂-, а *stana*- < **st-ṇ-h*₂-. В остальных случаях приходится считать протоармянские основы, содержащие суффикс новообразованиями. Это говорит об относительно высокой продуктивности суффикса на раннем этапе формирования протоармянского.

С функциональной точки зрения постулируемый протоармянский суффикс является неоднозначным. С одной стороны, на каузативное значение указывают значения *banam*, *stanam*, *sprāṇam* и проч., а с другой глаголы типа *daṇnam* и *slanam* демонстрируют медиальное значение, восходящее, по-видимому, непосредственно к индоевропейским корням с медиальным значением, и объяснить употребление каузативного суффикса в этих крайне затруднительно. Ниже приведена таблица обобщающая характеристика морфо-синтаксических особенностей глаголов, образованных с помощью протоармянского суффикса *-*naH*-/*ṇH*-:

	перех.	акт.	перех./неперех.	неперех.
	¹ /неперех.		мед.-пасс.	мед.-пасс.
	мед.-пасс.			

¹ Здесь и далее «акт.» и «мед.-пасс.» сокращения употребляются для обозначения залоговой оппозиции, формально выраженной двумя наборами окончаний аориста.

Первичные основы, восходящие к прото-арм. *-naH-/-ṇH-			
-na-	<i>baṙnam</i>		<i>daṙnam</i>
-ana-	<i>banam</i>	<i>imanam</i>	<i>slanam</i>
Вторичные основы, образованные путем добавления *-ana- к именным основам и *-na- к стативным основам на *-a- на более поздней стадии развития прото-арм.			
инхоативные -ana-		<i>golanam</i>	<i>isanam</i>
стативные -ana-		<i>c'ankanam</i>	<i>oxanam</i>

Как видно из таблицы, инвариантным для всех морфологических типов, восходящих к протоармянской основе ***-naH-/-ṇH-**, является медиальное значение. Это находит выражение также в том, что доминирующим для глаголов на **-na-** и **-ana-** в древнеармянском является медио-пассивный аорист, а также то, что единственным глагольным классом со сходным разнообразием синтаксических функций и морфологических типов является **-ni-** класс, также имеющий медиальный залог в качестве доминантной синтаксической функции.

Непереходные глаголы, восходящие к индоевропейским основам на ***-neh₂-/-nh₂-** засвидетельствованы и в других языках. Так, например, в древнеагреческом ряд глаголов типа *δύναμαι* ‘мочь’ имеют, по-видимому, первичное непереходное значение. Еще более точная параллель обнаруживается в германских языках, где суффикс ***-no-** (из ***-nā-**) участвует в образовании непереходных глаголов от первичных переходных, а также деноминативных непереходных инхоативных глаголов, ср. гот. *(us)lukan* ‘открывать’ → *(us)luknan* ‘открываться’ (др.-арм. *banam* ‘открываю(сь)'), *mikils* ‘большой’ → *mikilnan* ‘увеличиваться’ (др.-арм. *tes* ‘большой’ → *tesanam* ‘увеличиваться’). В качестве синхронной параллели в рамках древнеармянского можно упомянуть аналитическую конструкцию со вспомогательным глаголом *linel*, добавление которой к причастию

прошедшего времени может выражать пассивный залог, а к именной словоформе – инхоативное значение становления признака.

Следует также отметить, что суффикс **-na-* в чистом виде сохранился только при моносиллабических корнях, оканчивающихся на *-a-*, и при корнях, оканчивающихся на **-r-*. Такую ситуацию можно объяснить, если допустить, что во всех остальных случаях, основы на *-na-* перешли в новые продуктивные классы активных переходных (например, основы на *-e-*, *-u-*, *-ane-* и *-uc'ane-*) и медио-пассивных непереходных глаголов (например, основы на *-nu-*, *-č'i-*, *-i-*, *-ani-*). В случае же моносиллабических корней и корней, в которых произошло фонетическим развитием **-rn-* > **-rñ-*, морфемная граница размылась настолько, что в результате метаанализа эти глаголы стали восприниматься как относящиеся к классам *-ana-* и *-a-* соответственно, ср. през. *spar̄-nam* : аор. **spar-i* → през. *spar̄n-am* : аор. **sparn-ac'i*, а также презентную основу през. *baṛ-nam* → през. *baṛn-anim* в пост-классическом древнеармянском.

Стативный суффикс **-a-* (возможно, из **-ā-*) развился в деноминативных глаголах и продолжает именную основу косвенных падежей, либо фактитивный суффикс **-eh₂-* (ср. Watkins 1994: 183¹). Так, например, протоармянскому стативному **-ā-* в других индоевропейских языках иногда соответствуют глаголы со стативным **-ē-*, ср. арм. *mn-a-m* ‘оставаться’, лат. *manēre* ‘оставаться’ (см. Watkins 1973; Barton 1990–1991: 33²). Также есть свидетельства того, что в образовании протоармянских стативных презенсов на *-a-* принимали участие основы, восходящие к индоевропейскому перфекту, ср. *ateam* ‘ненавидеть’ ← **ate-* < **h₃od-*. Таким

¹ По мнению К. Уоткинза, фактитивное значение индоевропейского суффикса было заменено на инхоативное или стативное в связи с развитием нового фактитивного показателя *-uc'anem*.

² Ч. Бартон предлагает возводить стативные основы на *-a-* к **-h₁-je-* от архаичных стативных основ на **-eh₁-*.

же образом от перфекта могла быть унаследована *o*-огласовка глаголов *loganam*, *mořanam* и *uranam*. Как и и.-е. **-ē-*, прото-армянский суффикс **-ā-* мог добавляться как к глагольным и именным основам, образуя новые глаголы, так и выступать деривационной базой для вторичных глагольных основ с инхоативным значением. Особенно важны в данном случае примеры образования инхоативных глаголов на *-ana-* от стативных на *-a-*, ср. *taltk-a-m* ‘быть удрученным’ → *taltk-a-na-m* ‘уствовать, падать духом’, ср. лат. *sen-ē-re* ‘быть старым’ → *sen-ē-sce-re* ‘стареть’.

3.2. Происхождение суффиксов *-ane-* и *-ani-*

Приведенный выше анализ глаголов с презентными основами на *-ane-* и *-ani-* позволяет сделать некоторые обобщенные выводы.

Этимологический анализ позволяет выявить следующие морфологические типы у глаголов данных двух классов (полужирным шрифтом выделены глаголы, восходящие к корням, для которых восстанавливаются индоевропейские назальные презенсы):

1. **CR_ḡC-*: *ankanem*, *ankanim*, *arkanem*, *awcanem* (?), ***harkanem*** (?), *hasanem*, *spananem*;
2. **CWC-*: ***gtanem***, *mtanem*;
3. **CWC-je-/CWC-s-*: *kcanem* (?);
4. **CW-ne/n-H-*: ***p'lanim*** (?), ***snanim***;
5. **CR_ḡC-sk-*: *anc'anem*, *harc'anem*, *c'uc'anem*;
6. ? **CR_ḡ(C)-g-*: *ankanem*, ***harkanem*** (?), ***lucanem*** (?);
7. ? **CR_ḡ(C)-k-*: *busanim*;
8. **C(e)H-*: *hatanem* (?);
9. **CeC-*: *aganim* (1), *aganim* (2), *ařawelanim*, ***bekanem***, ***bucanem*** (?), *cnanim*, ***dizanem***, ***elanem***, ***ergicanem*** (?), *gelanim*, *gercanem* (?), *hiwcanim* (?),

ĩjanem (?), *lizanem* (?), *lucanem* (?), *meřanim* (?), *nerkanem*, *p'lanim* (?), *sp'acanem* (?), *tesanem*, *usanim* (?);

10. *CeC-je-/*CoC-je-/CeC-s-: *acanim*, *anicanem*, *aracanem*, *bucanem* (?), *ergicanem* (?), *gercanem* (?), *hiwcanim* (?), *ĩjanem* (?), *lucanem* (?), *luc'anem* (?), *meřanim* (?), *tucanem*, *sp'acanem* (?), *suzanem*; а также окончание каузатива *-uc'anem*;

11. *CoC-eje-: *ařoganem*, *awcanem* (?), *bucanem* (?), *lizanem* (?), *lucanem* (?), *luc'anem* (?), *usanim* (?);

12. *CeC-sk-: *luc'anem* (?).

Неоднозначность интерпретации фонетической формы протоармянских реконструкций значительно размывает картину. Из перечисленных типов более надежно восстанавливаются 1, 2, 5, 9, 10; менее надежно – 4, 6, 7, 11, для которых засвидетельствовано по одному примеру; реконструкция остальных типов ненадежна. Обращает на себя внимание тот факт, что корни, для которых засвидетельствован индоевропейский назальный презенс, в протоармянском демонстрируют корневую основу в нулевой и полной ступени (типы 2 и 9), которую, по-видимому, следует отождествлять с индоевропейским корневым аористом. Особенно характерен глагол *gtanem* производное значение которого точно соответствует значению, восстанавливаемому для индоевропейской инфиксальной основы.

Типы 2–4, 8–12 согласуются с правилом, по которому в период продуктивности протоармянского суффикса *-naH-/-nH- существовала тенденция ставить ударение либо на первый, либо на предпоследний слог, что приводило к образованию алломорфа *-ñH- при полной ступени (либо слабой ступени, если место второго согласного занимал глайд) корней, оканчивающихся на согласный, см. 2.1.3. Это позволяет допустить, что некоторые из входящих в эти классы глаголов могли быть образованы от основ на *-ana-*. Так, например, непереходный глагол *elanem* мог быть образован от *elana- < *pél(H)-ñH- ← *pelh₂-.

С точки зрения своих синтаксических функций, глаголы могут быть представлены следующим образом:

	перех. акт.	неперех. акт.	неперех. мед.- пасс.
-ane-	<i>arkanem</i>	<i>elanem</i>	
-ani-			<i>spanim</i>

Установить какие-либо корреляции между морфологическим типом и синтаксическими свойствами той или иной основы крайне затруднительно. Это объясняется в частности тем, что, по крайней мере, некоторые основы на *-ane-* были образованы как активные варианты медио-пассивных основ на *-ni-* и таким образом сохраняют вокализм последних точно также как основы на *-ani-* во многих случаях отражают вокализм основ на *-ane-*, от которых они были образованы. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что большинство непереходных основ на *-ane-* и *-ani-*, которые можно надежно отождествить с тем или иным морфологическим типом, образованы от корневой бессуффиксальной основы. Характерен пример непереходного глагола *mtanem*, образованного от корневой основы, наряду с образованным от него переходным каузативным глаголом *tiscanem*, основа которого образована с помощью суффикса (**-je-* или **-s-*), добавленного к полной ступени корня: **mud-* (неперех.) → **meud-je-*, либо **meud-s-* (перех.).

Приведенные Клингеншмиттом примеры (1.2.2.) не подтверждают тот факт, что предлагаемая им дистрибуция вариантов *-ane-* и *-ne-* когда-либо действовала в протоармянском языке. Кроме того назальные презенсы от корней типа *CeCH-* и *CSeH-* надежно не восстанавливаются, тогда как производные от них, согласно Г. Клингеншмитту, суффиксы **-an-*

значительно продуктивнее вариантов с **-n-* от типичных для назальных презенсов корней типа *CeRH-* и *CReH-* как в древнегреческом, так и в древнеармянском. Предполагаемый Клингеншмиттом сценарий можно было бы предположить для слабой ступени суффикса **-ne/ṇ-* атематических основ, но не для инфикса.

Прямое возведение древнеармянских суффиксов *-ane-* и *-ani-* к индоевропейским инфиксальным основам возможно только, если допустить специфическое развитие группы сонантов в слабой ступени корней типа *CeRH-* и *CReH-*, при котором в протоармянском вокализовался именно инфигированный, а не корневой сонант:

CeRH-, CReH-: CR-né-H-/CR-ṇ-H- → CRneH-/CRanH-

а не ожидаемое:

CeRH-, CReH-: CR-ne-H-/CRṇ-n-H- → CRneH-/CaRnH-.

К сожалению, надежные примеры, иллюстрирующие древнеармянское развитие группы сонантов между смычными отсутствуют.

Другая возможность – принять вслед за К. Штунком, для корней типа *CeRH-* инфиксацию по модели *CeR-ṇ-H-/CRṇ-n-H-* (см. выше). В рамках теории К. Штунка распределение древнеармянских форм на *-ane-* и *-ne-* могло бы отражать особенности регулярного развития инфикса в полной ступени корней типа *CeRH-* и во всех остальных формах соответственно:

CeRH-: CeR-ṇ-H-/CRṇ-n-H- → CeRanH-/CaRnH-.

CReH-: CR-ne-H-/CRṇ-n-H- → CRneH-/CaRnH-.

Как следствие этого, мы бы ожидали видеть рефлекс индоевропейской *e*-огласовки корня во всех исконных *-ane-* (*-ani-*) основах, восходящих к индоевропейским назальным презенсам. Такая огласовка встречается у глаголов: *elanem* ‘выхожу’, *elanim* ‘становлюсь’, *jeṛanim* ‘греюсь’, *hesanim* ‘еду верхом’, *helanim* ‘теку’, *gelanim* ‘поворачиваюсь’, *meṛanim* ‘умираю’. Однако только в *elanem* и *elanim* (если оба этих глагола действительно восходят к и.-е. **pelh₂-*) армянское слово формально может восходить к

реконструируемому для индоевропейского назальному презенсу от корня типа *CeRH-*. Даже если указанная выше этимология *elanem* и *elanim* верны, а также верна гипотеза К. Штрукка о структуре назальных презенсов от корней типа *CeRC-*, кажется недопустимым видеть в этом глаголе источник аналогии для формирования суффиксов *-ane-* и *-ani-*.

Что касается древнегреческих глаголов на *-ανω*, несмотря на формальное сходство, их происхождение скорее связывается либо с индоевропейским презентным суффиксом, предшествовавшим формированию инфикса, либо со вторичный суффиксом, развившемся на базе инфиксальных основ уже в греческом (Brugmann 1892: 989; Pedersen 1906: 135; Thurneysen 1894: 78–79 с библиографией по вопросу в прим. 1).

3.2.1. *-ane-*. При рассмотрении переходных глаголов класса *-ane-* не всегда легко различить собственно лексические каузативы (например, *mutanem* ‘ввожу’ или *sphanem* ‘убиваю’) и переходные варианты непереходных глаголов (например, *heljanem* ‘душу’, наряду с *heljnim* ‘задыхаюсь’). Эта особенность нашла отчетливое выражения в регулярном употреблении формы каузатива на *-ис'ane-* для выражения переходного значения медио-пассивных глаголов *-ni-* класса. Это позволяет предположить, что в период продуктивности презентного суффикса *-ane-* этот суффикс: а) мог выражать каузативное значение; б) участвовал в образовании переходных форм от непереходных глаголов. Вследствие большой продуктивности двух классов при аттестации *-ni-* (неперех.) и *-ane-* (перех.) основ от одного и того же корня сложно определить какая из них более архаичная. На то, что от глаголов на *-ane-* могли образовываться приставочные дериваты на *-ni-* в частности указывают следующие аористы на *-i-*: *aṛaseay* (см. *zaṛasanem*), *yanc'ea* (см. *anc'anem*), *zanc'ea* (см. *anc'anem*), *zateay* (см. *hatanem*).

Относительно происхождения «транзитивирующего» форманта *-ane-* наиболее вероятным кажется идея о том, что суффикс, сформировался на базе инхоативного суффикса *-ana-* по аналогии с другими активными переходными презентными основами на *-e-*. На формирование новой активной презентной основы могла повлиять поляризация тематических гласных *-e-* и *-a-* для выражения залоговой оппозиции. Добавление тематической гласной *-e-* «вернуло» суффиксу каузативную коннотацию, унаследованную от суффикса **-na-* и развившуюся в инхоативное значение медио-пассивных глаголов класса *-ana-* (аор. *-ac'a-*). В этой связи важно упомянуть о замене суффикса *-ni-* на *-ne-* в глаголах типа *pšnet* (см. выше).

Новый суффикс с каузативной функцией *-ane-* заместил архаичные каузативные основы *-na-*, продолжавшие и.-е. **-nā-* и имевшие корневой аорист. Каузативный суффикс *-na-* сохранился только в нескольких глаголах с исходом корня на **-r-*. Обновленные презенсы на *-ane-* с корневым аористом легли в основу данного класса.

Таким образом, все древнеармянские глаголы на *-ane-* являются новообразованиями и формально не восходят к индоевропейским инфиксальным презенсам. При этом благодаря каузативной коннотации, многие унаследованные индоевропейские инфиканьные основы вошли именно в древнеармянский класс глаголов на *-ane-*.¹

¹ Аналогичный процесс, по-видимому, произошел в древнегреческих глаголах на *-άνω* (Thurneysen 1894: 78–84; Pedersen 1906: 357; Fraenkel 1906: 4–30; Schwyzer 1939: 691). Индоевропейские назальные презенсы были полностью обновлены основами на *-άνω*. При этом происхождение суффикса может быть связано с деноминативными (*-άνω* из **-an-je/o-*, ср. др.-инд. *-anya-*)¹ или первичными глаголами, образованными с помощью суффикса **-nā-* (ср. *ἰσχανάω* ‘содержать’ (наряду с *ἰσχάνω*), *ἐρικανάω* ‘останавливать’ (наряду с *ἐρικάνω*), см. Pedersen 1893: 295).

На разных этапах в языке действовали следующие продуктивные словообразовательные модели, приведшие к формированию зафиксированных в классическом древнеармянском:

1.1. R-?- (през.) : R- (аор.) → R-*ane*- (през.) : R- (аор.). Исходная презентная основа была замещена и ее восстановление проблематично.

1.2. R- (аор.) → R- (основа отглагольного имени, образованного путем обратной деривации), либо R-S- (где -S- отличный от -*an*- именной суффикс);

1.3. R- (именная основа) → R-*e*- (през.) : R-*ec* ' (аор.);

2.1. R-?- (през.) : R- (аор.) → R-*an*- (отглагольные имена);

2.2. R- (аор.) → R- (основа отглагольного имени, образованного путем обратной деривации), либо R-S- (где -S- отличный от -*an*- именной суффикс);

2.3. R-*an*- (основа отглагольного имени) → R-*an-e*- (през.) : R-*ec* ' (аор.).

Сосуществование в синхронии образованных таким образом глагольных классов:

R- <i>ane</i> - (през.), R- (аор.)	:	R- <i>e</i> - (през.) : R- <i>ec</i> ' (аор.)
	:	R- <i>an-e</i> - (през.) : R- <i>ec</i> ' (аор.)

являлось источником аналогических процессов. Так, например, в глаголе *aṛoganem* (аор. *aṛogec 'i*) корневой аорист **aṛogi*, вероятно, заместился новым аористом от корневого презенса *aṛogem*.

Следует также учесть возможное иранское влияние. Так в древних восточно-иранских языках засвидетельствован каузативных суффикс *-*ana*-, ср. согд. -(*a*)*n*- в *'nwysn*- 'вводить (к.-л.)', *rwdn*- 'выращивать' (Gershevitch 1954: 86).

Глагол *harkanem* указывает на вторичное расширение презентной основы с помощью форманта -*an*-, а не на отаористное происхождение суффиксального презенса, в то время как вариант *harum* действительно

образовался от основы корневого аориста *har-*. На то же направление деривационного развития указывает глагол *tasnim*, аор. *taseay*, где переходный глагол *tasanim* был образован от корня, а не от основы аориста на *-i-*, а также *dnanim* от *dnim* (см. *dnem*), *zarkanem* (аор. *zarki*) от *harkanem*.

Глаголы *anc'anem*, *c'uc'anem* и *harc'anem*, согласно принятым в данной работе этимологиям, продолжают основу на **-sk-*, следовательно *-c'-* может продолжать как основу презенса, так и основу имперфекта.

3.2.2. -ani-. Презентный суффикс *-ani-*, несомненно, развился как медио-пассивный вариант суффикса *-ane-*, ср. выражение залоговой оппозиции в бессуффиксальных презентных основах акт. *-e-* vs. мед.-пасс. *-i-*.¹

Новые медио-пассивные основы на *-ani-* конкурировали с медио-пассивными основами на *-ni-*, в результате чего образовались варианты обоих основ с одинаковым значением при одинаковых корнях.

Вариативность медио-пассивных основ, образовавшихся в рамках деривационной модели

R-*ni-* (мед.-пасс.) → R-*ane-* (акт.) → R-*ani-* (мед.-пасс.)

привела, с одной стороны, к образованию новых *ani*-основ непосредственно от архаичных *ni*-основ по модели

R-*ni-* (мед.-пасс.) → R-*ani-* (мед.-пасс.),

а с другой стороны, к проникновению характерных для *-ni-* класса форм аориста и причастия в новый класс медио-пассивных глаголов (ср. *zařasanim*, аор. *zařaseay* вместо **zařacay*).

¹ Залоговое противопоставление основ на *-e-* и *-i-* должно быть достаточно архаичным. Кажется убедительной гипотеза Р. Годеля (Godel 1975: 120) о том, что основы настоящего времени на *-i-* восходят к суффиксу **-ĩ-*, характеризовавшему непереходные глаголы физического и душевного состояния (ср. лит. *sėdi*, ст.-сл. *сѣдитъ* 'сидит').

Кроме того сосуществование активных основ на *-e-* и *-ane-* с одинаковым значением, могло привести к образованию основ на *-ani-* от медио-пассивных бессуффиксальных основ на *-i-* по модели

R-e-m, аор. *R-ec'-i* (акт.) : *R-ane-m*, аор. *R-i* (акт.)
R-i-m, аор. *R-ec'-ay* (мед.-пасс.) : *R-ani-m*, аор. *R-ay* (мед.-пасс.)

Таким образом, есть основания полагать, что все презентные основы на *-ani-* сводимы к трем источникам: активным основам на *-ane-*, медио-пассивным основам на *-ni-* и *-i-*.

3.3. Происхождение суффикса *-ne-* и *-ni-*

Из приведенного выше анализа глаголов на *-ne-* можно сделать следующие выводы о происхождении презентных этих основ.

Обращает на себя внимание тот факт, что все глаголы относящиеся к классам *-ne-* и *-ni-* отражают либо нулевую ступень прото-армянских корней, либо образованы от моносиллабических корней с исходом на гласный.

С точки зрения синтаксических особенностей глаголы, относящиеся к данным классам, могут быть как переходными, так и непереходными, хотя основы на *-ni-* всегда имеют медио-пассивный аорист.

	перех. акт.	перех. мед.- пасс.	неперех. мед.- пасс.
<i>-ne-</i>	<i>aṙnem</i>		<i>pšnem</i>
<i>-ni-</i>		<i>unim</i>	<i>hagnim</i>

В глаголах *pšnem* и *yaṙnem* суффикс *-ne-* развился, по-видимому, от основ на *-ni-*, сохранив непереходное значение, медиальный залог, специфический аорист и причастие последних. Глаголы *aṙnem*, *arcnem* и

dnem являются либо вторичными активными вариантами несохранившихся медиальных основ на *-nu-*, либо продолжают индоевропейский, либо протоармянский каузативный суффикс **-ne-*. Для первых двух глаголов засвидетельствован аорист с редупликацией, *dnem* имеет корневой аорист, однако для корня, от которого образован этот глагол надежно восстанавливается редулицированный презенс (либо перфект) в индоевропейском: аор. *arari* (др.-гр. *ἀραρίσκω*) от корня **h₂er-*; *arcarci* от корня **h₂erǵ-*; *edi* от корня **d^heh₁-*, наряду с **ded^hoh₁-*. На основании этого факта Э. Хэмп (Hamp 1975: 102) сделал заключение о том, что в древнеармянском существовала модель замены редулицированного презенса на презенс с назальным суффиксом и тематической гласной. Это находит параллель в древнегреческом, так например, вед. *pībati* и др.-ирл. *ibid* ‘пьет’ соответствует др.-гр. *πίνω*. Возможно в основу такой замены могло лечь сходство семантических коннотаций (например, дуративной или инхоативной) между редулицированной индоевропейской основой и армянской основой с назальным суффиксом.

Г. Клингеншмитт (Klingenschmitt 1982: 159) возводит суффикс *-ne-*, наряду с *-ane-*, к индоевропейским инфиксальным презенсам от корней, оканчивающихся на ларингальный, при этом тематическую гласную он объясняет аналогией с формой 3 л. мн. ч. на **-n̥-H-ent(i)*. Он указывает на сходство между распределением суффиксов др.-арм. *-ane-/ne-* и др.-гр. *-avε-/vε-*. В действительности из глаголов на *-ne-* только *arcne-* и *dne-* могли бы восходить к индоевропейским презентным основам, из которых только *dne-* восходит к корню, оканчивающемуся на ларингальный – **d^heh₁-*. Однако, как было показано выше, формально основа *dne-* не может быть возведена к индоевропейской инфиксальной основе (см. *dnem*).

За исключением медио-пассивных вариантов презенсов основ на *-ne-* и *hagnim*, имеющего вариант *haganim*, к данному типу относятся глаголы с односложным корнем, оканчивающимся на гласную фонему.

Являются ли глаголы *linim*, *tanim* и *unim* вариантами незасвидетельствованных основ с суффиксами **-ne-* (ср. *aṛnim*), **-na-* или **-ni-*, или они продолжают индоевропейское **-neh₁-* установить невозможно. Из корней, оканчивающихся на **-h₁-*, для которых восстанавливается инфиксальный презенс, древнеармянские соответствия имеют три – **h₂leh₁-* ‘молоть’, др.-арм. *ałam* ‘молоть’ (LIV²: 277), **pleh₁-* ‘наполнять’, др.-арм. *lnum* ‘наполнять’ (LIV²: 482–483) и **skelh-* ‘бить’, др.-арм. *s’elum* ‘раскалываю’ (LIV²: 553–501). При этом *ala-* формально может восходить к **al-na-* из **H₁-nə-* с нулевой ступенью суффикса. Относились ли *lnum* и *s’elum* в протоармянском к классу **-na-*, **-ni-* или какому-либо другому классу с уверенностью сказать нельзя.

3.4. Происхождение суффикса -ni-

Представленный выше грамматический и этимологический анализ глаголов на *-ni-* позволяет сделать ряд выводов.

С точки зрения морфологической структуры относящиеся к данному классу корни могут быть разбиты на следующие типы (полужирным шрифтом выделены глаголы, образованные от корней, для которых восстанавливается индоевропейская основа на **-nu-*):

1. **CR₀C-neu/nu-*: ***aṛnum***, *erdnum*;
2. **CeC-neu/nu-*: ***zgenum***;
3. **CR₀C-/ CWC-/ CHC-*: *hangnum*, *hart’num*, *klum*, *lk’num*, *macnum* (?), *matnum* (?), *pšnum*, *saṛnum*, *sartnum*, *sksnum* (?), *t’ak’num* (?), *t’k’num*, *uṛnum*, *zbałnum*;
4. **CoC*: *aytnum* (?), *t’ołum*;
5. **CeC-*: *aytnum* (?), *ənkenum*, *ənt’eṛnum*, *helum*, *heljnum*, *herjnum*, *jeṛnum*, *lnum*, *macnum* (?), *matnum* (?), *stelcnum*, *t’ak’num* (?), *t’ṛnum*, *yenum*;

6. *CeC-je-/CeC-s-: *c'acnum, hesnum*.

Как видно из приведенных выше данных очевидные корреляции между структурой корня и употреблением некоторых основ на *-ni-* в переходном значении отсутствуют.

Данный глагольный класс с диахронической точки зрения является гетерогенным, он возник в результате слияния и взаимовлияния нескольких глагольных классов протоармянского, чем определяется многообразие подтипов указанных в разделе 2.5.1.

Два архаичных глагола *aṛnum* (ἀρνυμαι) и *zgenum* (ἐγγιγμαι) указывают на то, что исходно данный класс был, скорее всего, медиальным.

Предполагается, что на раннем этапе формирования глагольной системы протоармянского языка, презентный суффикс **-neц/ni-*, унаследованный в ряде глаголов, являлся наиболее характерным для выражения непереходности. В этой функции суффикс сохранился как минимум до начала проникновения в язык иранских заимствований. Ряд вторичных отглагольных (ср. *andelnum* от *elanem*, а также *hesnum* от *hesanim*, либо прямо от сигматического аориста **sed-s-*, но не от архаичного презенса на **-ni-*) и отыменных глаголов указывает на то, что модель образования медиальных глаголов являлась относительно продуктивной.

В синхронии глаголы данного класса по своим семантико-синтаксическим характеристикам пересекаются с другими глагольными классами, что, учитывая большую вариативность основ, позволяет предположить, что некоторые глаголы относившиеся когда-то к этому архаичному классу, впоследствии могли перейти в другие глагольные классы, ср. *snanim*, *yaṛnet* – для индоевропейских корней, к которым восходят эти глаголы, засвидетельствованы презенсы на **-ni-*.

Вместе с тем, в аористе данный класс глаголов сохранил характерный для него, видимо, еще в индоевропейском медиальный залог. В качестве же основы аориста в данном классе обобщился не корневой аорист, как в

аористе глаголов на *-ane-* и *-ani-*, а основа на *-i-* (из **-ē-*). Образовавшийся в результате аорист на *-ea-* (из **-i-a-* < **-ē-a-*) послужил основой для образования аориста на *-eac' / ec'* и причастия на *-eal*.¹

Суффикс *-i-*, также как и *-ni-*, мог выражать медиальное значение непереходных глаголов, ср. *hay-i-m* ‘смотрю’, аор. *hay-ec'-ay*, импер. 2 л., ед. ч. *hay-eac'* (основа аориста – *hay-eac'* – из **hay-i-ac'* – образована от основы презенса²).

Презентный суффикс *-č'i-* восходит к **-ič'i-* из и.-е. **-ē-ske/o-je-* (Klingenschmitt 1982: 255; Olsen 1999: 618, см также Watkins 1973 о следах данного суффикса в других языках)³.

¹ Вопрос о том, является ли суффикс *-uc'* – причастной основы (причастия на *-uc' eal* образуются только от глаголов *-ni-* класса) архаичным или вторичным, расвившимся по аналогии с каузативной основой (*-uc' anem*), остается открытым.

Возможно *-uc'* – восходит к суффиксу перфектного причастия **-ú-* (откуда *-ú-* прилагательных от глаголов с эфивным значением, ср. др.-гр. *βρῆχύς* ‘тяжелый’ : *βρίθω* ‘давить’; скр. *sādhú-* ‘хороший, правильный’ : *sādhati* ‘преуспевать’), или производным от него суффиксам перфектного причастия **-uós/us-*, **-uót-*.

В любом случае, несомненна семантическая связь между причастием непереходных глаголов, выражающих действие, контролируемое субъектом, и вторичными активными переходными каузативными глаголами. То же семантическое развитие происходило при образовании транзитивных пар от непереходных глаголов на *-ni-* путем добавления суффикса *-ane-* к корню.

² Общепринятая точка зрения о том, что *-ec'* и *-eac'* аористной парадигмы представляют собой безударную и ударную формы одного и того же суффикса, восходит к А. Мейе (Meillet 1913, § 26; см. также Meillet 1936: 115–116; Jensen, § 43). При этом не вызывает сомнений, что *-a-* в *-eac'* принадлежит аористному суффиксу *-ac'* (ср. Mann 1968: 44 и Godel 1975: 44, авторы допускают, что речь идет о “non historical *-a-* of uncertain origin”). Далее в тексте Р. Годель замечает (Godel 1975: 124): “Whatever the ultimate background of this type, its expansion in connection with the *-eay* aorist belongs to the gloomy history of PA [Proto Armenian – прим. автора]”.

³ На то, что *-i-* презентной основы **-ič'i-* и аористной *-ea-* имеют общее происхождение и восходят к индоевропейскому суффиксу **-ē-*, указывалось еще в Godel 1975: 120–121, Джаукян 1982: 186.

Какую функцию играл сложных суффикс **-ē-ske/o-* в протоармянском не ясно. В других индоевропейских языках данный суффикс выступает как суффикс вторичных инхоативных основ, ср. лат. *flaccēre* ‘быть слабым’ → *flaccēscere* ‘становиться слабым’, хетт. *ašīuant-* ‘бедный’ → *ašīuantēšš-* ‘становиться слабым’. Таким образом, древнеармянский суффикс *-ič’-* мог быть унаследован из индоевропейского как суффикс медиальной презентной основы, наряду с медиальным суффиксом *-ni-*.

Как показывает пример *pšnum/pšnem*, еще одним источником глаголов на *-ni-* были словосочетания, образованные по модели существительное + *inel* ‘иметь’ и являвшиеся кальками аналогичных иранских словосочетаний. Синонимичность основ на *-ni-* и аналитических конструкций со вспомогательным глаголом «иметь» может указывать на перфективную коннотацию презентной основы.

3.5. Происхождение суффикса -nč’-

Приведенный в разделе 2.5.1. анализ позволяет сделать некоторые выводы о развитии данного глагольного класса.

Этимологический анализ глаголов, образующих презентную основу с помощью суффикса *-nč’-*, позволяет выделить следующие морфонологические типы:

1. **CR₀C-*, **CWW-*: *erknč’im*, *martnč’im*, *yarnč’im* (?)
2. **CeR-*: *melanč’em*, *yarnč’im* (?)
3. **CoRH-*: *koṛnč’im*

2.5.2.1. Презентные основы некоторых относящиеся к этому классу глаголов с аористом на *-ea-* вторичны. Это видно, в частности, из отсутствия

Суффикс отглагольного имени деятеля *-ič’-*, ср. *gorc-ič’* ‘делающий’, восходит к **-ik₂ā* (Godel 1975: 66).

перехода *-rn-* > *-r̄n-* (ср. *kornč'im*, *yarnč'im*), который имел место в более архаичных глаголах типа *aṙnem* (аор. *arari*) 'делаю', а также глаголах со вторичным аористом на *-c'*. По-видимому, новые презентные основы у этих глаголов образовались либо от аориста на *-i-*, ср. *erknč'i-* < **erki-nč'i-* (тогда суффикс *-nč'* является контаминацией уже существовавших на тот момент в языке презентных суффиксов *-ni-* и *-č'i-*, выполнявших одну и ту же функцию и часто образовавших параллельные формы от одних и тех же глагольных корней, ср. Pedersen 1906: 356), либо является результатом вторичной инфиксации презентных основ на *-č'* после действия перезода **-rn-* > **-r̄n-*.

Особую проблему составляет вопрос о происхождении форманта *-č'*, который также засвидетельствован в виде отдельных суффиксов *-(i)č'* и *ač'*. Существует два взгляда на решение этого вопроса.

Х. Педерсен впервые предложил возводить *-č'* к палатализованному **-c'* (< **-sc'* < **-ss-* < и.-е. **-sk-*), ср. *čanač'em* 'знаю' (аор. *caneay*) < и.-е. **ǵnh₃-ske/o-* (Pedersen 1905: 207; позднее данная гипотеза была принята Г. Клингenschмиттом, Klingenschmitt 1982: 68, 84).

Неучтенное различие в рефлексах **ǵnh₃-ske/o-* и **prk-ske/o-* побудило А. Мейе (Meillet 1936: 109; ср. принятие этой гипотезы в Schmitt 1981: 136; Kortlandt 1991: 1) реконструировать для *-č'* вторичную презентную основу **-sk-je/o-*. По мнению Кортландта, добавление нового презентного *-je-* суффикса было обусловлено распространением суффикса **-ske-* на аорист и субъюнктив. Действительно как показывает пример *harc'anem* (аор. *harc'i*), в раннем протоармянском от презентных основ на **-sk-* мог образовываться имперфект, перешедший позднее в аорист – през. **prk-sk-e-mi*, имперф. **e-prk-sk-o-m*. По мере того как в результате армянского передвижения ударения начали редуцироваться конечные безударные гласные и, следовательно, исчезать различие между «первичными» и «вторичными» окончаниями, появилась необходимость в обновлении либо основы презенса, либо основы

аориста. Очевидно, обновление презенса с помощью суффикса **-je/o-* было возможно, если к этому периоду, еще не произошел звуковой переход **-je/o-* > *-e-*.

Косвенным подтверждением в пользу происхождения арм. *-čʻ-* из и.-е. **-sk-* являются примеры вариативности рефлексов **-néu/nu-* и **-ske/o-*, ср. *μείγνυμι* ‘я смешиваю’ вместо *μίγγω* ‘id.’ (Гом.) < **mik-ské-* от **meik-* ‘мешать’ (LIV²: 428–429), что находит параллель в древнеармянских вариантах презентной основы на *-nu-* и *-čʻi-* при одном корне.

2.5.2.3. Х. Педерсен в дальнейшем отказался от сопоставления *-čʻ-* с и.-е. **-ske/o-* в пользу сопоставления с и.-е. **-k-* (Pedersen 1906: 348–349). Педерсен предлагает объяснять отглагольные существительные типа *canaut* ‘наблюдение, замечание’ от *čʻanacʻem* ‘знать’ как результат развития **-kt-* > *-ut-* – сравнимого с **-pt-* > *-ut-* (*ewtʻn* ‘семь’ < **septm*). То же презентное **-k-* он видит в *lsem* ‘слышу’ (< **lu-s-em*), аор. *luay* (с регулярной палатализацией велярного после **-u-*).¹ Постулируемый презентный суффикс **(a)k-* находит соответствия в других индоевропейских языках – др.-гр. *-(a)σσ-* (< **(a)k-je-*) в глаголах типа *ἀλλάσσω* ‘меняю’ от *ἄλλος* ‘другой’, *πτώσσω* ‘сворачиваюсь, приседаю’ < **ptoh₂-k-je-*, а также др.-гр. *τήκω* ‘таю’ < **teh₂-ke/o-*; *ἔθηκα* (аор.) ‘я положил, поставил’ и лат. *faciō*, (перф. *fēcī*) ‘делать’, фриг. *αδδακετ* ‘сделал’ и, возможно, тох. В *takä* ‘он является’ < **d^heh₁-k-* (см. LIV²: 136–138; Hardarson 1993: 146–147 о проблеме индоевропейского расширителя **-k-* в презентных основах). В рамках этой гипотезы Р. Годель (Godel 1975: 80) рассматривает *-čʻ-* как рефлекс **-k-je-*.

В качестве критики данной гипотезы, Кортландт указывает на то, что для объяснения глаголов типа *čʻanacʻem* требуется постулировать презентную основу на **-je-* от нулевой ступени корня – тип, восстанавливаемый для индоевропейского со стативным или пассивным

¹ О возможности отнесения к этой группе *busanim* см. Klingenschmitt 1982: 205–206.

значением. Однако, не следует забывать, что в случае гипотетических основ на **-k-je-* перед нами вторичные образования на *-je-*, не продолжающие напрямую индоевропейский презентный класс; вторичный суффикс **-je-* мог распространиться на первичные презентные основы в протоармянский период по аналогии с продуктивным типом активных деноминативных основ на **-je-*.

Второй вариант принимается Г. Клингеншмиттом, который реконструирует протоармянскую презентную основу **dui-ské-*, откуда в результате вторичной инфиксации развилась засвидетельствованная основа *erknč'-*. Такой сценарий подтверждается в частности прилагательным *erk-č'-ot* без назального элемента, а также аористом на *-i-* (*erkeay*), характерным для презентных основ на *-č'i-*. По мнению Г. Клингеншмитта (ср. также Olsen 1999: 522, прим. 654), вторичная инфиксация могла происходить по модели архаичных индоевропейских основ, то есть элемент *-n-* инфигировался после протоармянского рефлекса сонанта, в том числе слогаобразующего.

Если гипотеза Г. Клингеншмитта верна, и речь идет о регулярной фонетически обусловленной инфиксации, то основы *sařč'i-* (см. *sařnum*), *t'řč'i-* (см. *t'řnum*) и *uřč'i-* (см. *uřnum*) следует считать вторичными (на что также указывает *-ř-*).

С другой стороны, также вероятно, что на базе презентных основ с назальным суффиксом и активным значением путем добавления продуктивного медио-пассивного презентного форманта *-č'i-* к основе презенса и аористного суффикса *-i-* к основе аорста образовались новые медио-пассивные глаголы: **erk-na-m* (аор. **erk-i*) 'пугаю' → *erk-n-č'i-m* (аор. *erk-e-ay*) 'пугаюсь, боюсь'. Такой сценарий не объясняет отсутствие *-ř-* в *yarnč'im*.

То, что некоторые глаголы к моменту письменной фиксации успели перейти в продуктивный класс глаголов с презенсом на *-e-*, *-a-* и аористом на *-ec'-*, *-ac'-*, говорит об относительной архаичности презентных основ на *-č'-*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Относительная хронология формирования презентных классов древнеармянского языка

Как видно из синхронного описания рассмотренных в работе глагольных классов, категория переходности/непереходности и залог (активный, медиальный и пассивный) далеко не всегда находили выражение в презентной и аористной основах глагола, ср. основы *-na-* (*baṙnam* ‘открываю’, *daṙnam* ‘поворачиваюсь’), *-ana-* (*moṙanam* ‘помню’, *slanam* ‘несусь’), *-nu-* (*lnum* ‘наполняю’, *ostnum* ‘прыгаю’), *-ane-* (*harkanem* ‘спрашиваю’, *elanem* ‘приближаюсь’). Вместе с тем почти все глагольные классы демонстрируют доминирующую синтаксическую функцию, наряду со второстепенными. Основные синтаксические функции презентных и аористных основ можно представить следующим образом:

	акт. залог	мед. залог	пасс. залог
през.	<i>-e-</i> , <i>-u-</i> , <i>-ane-</i>	<i>-nu-</i> , <i>-č'i-</i> , <i>-nč'-</i> , <i>-(a)na-</i>	<i>-i-</i> , <i>-ani-</i>
аор.	<i>-(ec')-</i> , <i>-(ac')-</i>	<i>-ea-</i> , <i>-(ac')a-</i>	<i>-(ec')a-</i> , <i>-(ac')a-</i>

Учет второстепенных синтаксических функций глагольных классов, которые описаны в соответствующих разделах второй главы, показывает, что четкие границы между классами отсутствуют. Многие классы дублируют синтаксические функции других классов, полностью или частично. Подобные функциональные соответствия могли служить мотивационной базой для переходов глаголов из одного класса в другой и указывать возможные направления морфологического развития. Существование глагольных классов, в презентной основе которых не различались залоговые

значения, по необходимости вело к их смешению и вариативности презентных основ от одних и тех же корней.

Как было показано в соответствующих главах диссертационного исследования, наиболее архаичными являются презентные суффиксы **-naH-/ *-nH-* (др.-арм. *-na-*, *-ana-*) и **-neц-/*-ni-* (др.-арм. *-ni-*). В результате аналогических процессов, направленных на унификацию системы спряжения, с одной стороны, произошло закрепление протоармянских аористных (корневых и сигматических) и имперфектных (образованных с помощью суффикса **-sk-*) основ за каждым из презентных классов, а с другой стороны, все презентные основы, суффиксальные и бессуффиксальные, распределились по четырем спряжениям, характеризующимся конечной гласной основы (*-a-*, *-u-*, *-e-* и *-i-*). В рамках этого процесса произошли следующие инновации:

1) Произошло смешение *-na-* и стативного *-a-* классов, в результате которого сформировался инхоативных класс глаголов на *-ana-* с аористом *-ac'-*. При этом первичные глаголы на *-ana-* могут восходить к **-ṇH-*.

2) Часть медиальных презенсов на *-i-* перешла в более продуктивный медиальный класс *-ni-*, а за формантом *-i-* закрепилось пассивное значение. При этом произошло смешение классов *-ni-* и *-č'i-*, выразившееся, с одной стороны, в сосуществовании этих вариантов основ при многих глагольных корнях, а с другой стороны, в контаминации суффиксов в новый формант *-nč'-*. По-видимому, суффикс *-č'i-* восходит к **-ič'-* < **-eh₁-sk-*, тогда как аорист на *-ea-* восходит к **-i-* < **-eh₁-*. В связи с этим есть основания полагать, что аорист на *-ea-* распространился на класс *-ni-* из класса *-č'-*, заместив, вероятно, корневой аорист, следы которого еще сохранились у глаголов *-ni-* класса.

3) В силу слабой дифференциации залоговых форм в основах презенса на базе основ на *-ana-* развились классы переходные активные основы на *-ane-* и непереходные медио-пассивные основы на *-ani-* (возможно,

по аналогии с бессуффиксальными переходными презентами на *-e-*, непереходными основами на *-i-* и стативными деноминативными основами на *-a-*). Новые суффиксы обобщили корневой аорист, который, вероятно, был свойственен основам на *-na-* и *-ana-*, до того как в *-ana-* класс корневой аорист был замещен аористом на *-acʰ-* по аналогии с деноминативными глаголами на *-a-*. Суффикс *-ane-* характеризовал многие лексические каузативы других глагольных классов (в том числе и рефлексы индоевропейских инфиксальных основ). Таким же образом на базе основ на *-ni-* развились переходные основы на *-ne-* и непереходные основы на *-ni-*.

Эти процессы полностью не завершились к моменту письменной фиксации, о чем свидетельствует вариативность презентных основ.

Следы индоевропейских инфиксальных основ в системе древнеармянского глагола

В рамках предложенного выше сценария формирования глагольной системы древнеармянского незначительные прямые свидетельства индоевропейских инфиксальных основ сохранились только в классах *-na-*, *-ana-* и *-ni-*. Опосредованно, инфиксальные основы от индоевропейских корней, оканчивающихся на **-u-* и **-h₂-* послужили источником аналогии при формировании продуктивных протоармянских суффиксов **-naH/-nH/-ṇH-* и **-neṇ/-ni-*. С помощью этих суффиксов в протоармянский период были образованы презентные основы от корней, которые, судя по свидетельству других индоевропейских языков, никогда не имели назальных презентов в индоевропейском.

В результате перехода многих архаичных протоармянских основ на **-na-*, **-ana-* и **-ni-* в классы *-ane-* и *-ani-* более позднего образования в ряде случаев к последним относятся корни, для которых восстанавливаются

индоевропейские назальные презенсы. Однако прямой связи между основами *-ane-* и *-ani-*, несомненно, нет.

Суффикс *-ane-* характеризовал лексические каузативы с корневым аористом (частично восходившие к назальным презенсам); в этой связи можно говорить о функциональной преемственности между индоевропейскими инфиксальными основами и древнеармянским основам на *-ane-*. Этот факт может служить косвенным свидетельством в пользу того, что индоевропейские назальные презенсы могли выражать каузативную семантику. При этом, немаловажно, что суффиксы **-nā-* и **-ni-*, напротив, характеризовали в протоармянском, по-видимому, преимущественно непереходные медиальные глаголы.

Функциональная разнородность отражений назальных аффиксов в разных индоевропейских языках непротиворечивым образом объясняется в рамках гипотезы Й. Куриловича о зависимости производного значения суффиксальных презентных основ, содержащих назальный аффикс, от того, образована ли она от глагола действия или глагола состояния.

Многие вопросы общего и частного характера, так или иначе связанные с объектом настоящего исследования, были затронуты лишь вскользь. К таким вопросам, например, относится: формирование аористных суффиксов *-es'* и *-ac'* и связь этих суффиксов с корневым аористом; взаимосвязь древнеармянских назальных презенсов и основ с редупликацией; связь приставок *aṛ-*, *and-*, *y-*, *z-* с различными назальными суффиксами и синтаксические особенности их употребления. По объяснимым причинам эти и многие другие аспекты рассматриваемой проблематики, требующие в частности отдельной текстологической работы, остались за рамками диссертационного исследования, и их решение может стать предметом дальнейшего изучения.

Список использованной литературы

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–3. – М.–Л.: «Издательство Академии наук СССР», 1958–1979.
2. Джаукян Г. Б. Общее и армянское языкознание. – Ереван: «Изд. АН Арм. ССР», 1978. – 334 с.
3. Джаукян Г. Б. Сравнительная грамматика армянского языка. – Ереван: «Изд. АН Арм. ССР», 1982. – 274 с.
4. Герценберг Л. Г. О реконструкции праиндоевропейских активных причастий перфекта // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. Т. 2, ч. 1. – СПб.: «Наука», 2004. – С. 5–10.
5. Иванов Вяч. Вс. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковая системы. Сравнительно-типологические очерки. – М.: «Наука», 1965. – 298 с.
6. Историческая грамматика армянского языка. Т. 2. Под. ред. Л. С. Ховсепян. – Ереван: «Изд. АН Арм. ССР», 1975. – 383 с.
7. Калугян Т. Происхождение системы спряжения древнеармянского языка. – Ереван: «Изд. АН Арм. ССР», 1961. – 181 с.
8. Перльмуттер И. А. Об оппозиции «переходность–непереходность» в системе индоевропейского глагола // *Вопросы языкознания*. – № 3, 1974.
9. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: «Едиториал УРСС», 2003.
10. Туманян Э. Г. Древнеармянский язык. – М.: «Наука», 1971. – 448 с.
11. Шацков А. В. Хеттские инфиксальные глаголы. Диссертация на соиск. ученой степ. к. ф. н. – СПб, 2007. – 156 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. I–IV. – М.: «Прогресс», 1986.

13. Adams Q. D. A Dictionary of Tocharian B. – Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1999. – 830 p.
14. Ałayan Ė. A. Armenische Etymologien // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 89/1, 1975. – P. 80–88.
15. Anttila R. Proto-Indo-European Schwebelaut. – Berkley, Los Angeles, 1969.
16. Autmann E. Denominative *ē*-Verben im Altgermanischen. – Leipzig, 1935. – 48 p.
17. Bader F. Parfait et moyen en grec // Mélanges P. Chantraine. – Paris: Klincksieck, 1972. – P. 1–21.
18. Bader F. Les présents à nasale indo-européens: la classe en **-nu-* // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. – Vol. 74, 1979. – P. 191–235.
19. Bader F. Présents moyens Hittite à vocalisme *-e-*, et formations de présents indo-européens / Recherches de linguistique, Hommage à M. Leroy. – Bruxelles, 1980. – P. 21–40.
20. Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka. – London, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1979. – 559 p.
21. Bailey H. W. Iranian loanwords in Armenian // Armenian and Iran IV. Iranian influences in Armenian, 2. Encyclopaedia Iranica. London–New York: Routledge & Kegan Paul. – Vol. 2, 1987. – P. 459–465.
19. Barton, Ch. R. A Re-examination of the Historical Morphology of the Old Armenian Verb with a Classification of Stems from the point of view of Comparative Indo-European Linguistics. Unpublished doctoral dissertation. New York University, 1965.
22. Barton, Ch. R. PIE. *mer-*, Arm. *meṙanim* «die» // Indogermanische Forschungen. – Vol. 94, 1989. – P. 135–157.
23. Barton, Ch. R. The Armenian Strong Aorist // Révue des études arméniennes. – Vol. 10, 1973–1974. – P. 27–38.

24. Barton, Ch. R. The verbs *linim* and *elanim* in Old Armenian / Studies in Honour of J. Alexander Kerns. – The Hage, Paris: Mouton, 1970. – P. 18–21.
25. Barton Ch. R. On the denominal *a*-statives of Armenian // *Révue des études arméniennes*. – Vol. 22, 1990–1991. – P. 29–52.
26. Bedrossian M. New Dictionary Armenian – English. – Beirut: Librairie du Liban, 1879. – 786 p.
27. Beekes R. Laryngeal developments: A survey/ A. Bammesberger (ed.) *Die Laryngalthorie und die Rekonstruktion des indogermanischen Laut- und Formensystems*. – Heidelberg: Carl Winters, 1988. – P. 59–105.
28. Belardi W. Arm. *nerkanem*; *p'ayt e payt'em* // *Ricerche Linguistiche. Bollettino dell'Institut di Glottologia dell'Università di Roma*. – Vol. 1, 1950. – P. 147–149.
29. Benveniste E. Sur le consonantisme Hittite // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* –Vol. 33, 1932. – P. 136–143.
30. Benveniste E. La construction passive du verbe transitif // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. – Vol. 48, 1952. – P. 52–62.
31. Benveniste E. Origines de la formation des noms en indo-européen. – Paris: Adrien-Maisonneuve, 1935. – 223 p.
32. Benveniste E. Tokharien et Indo-Européen // *Germanen und Indogermanen: Volkstum, Sprache, Heimat, Kultur. Festschrift für Herman Hirt / hrsg. von Helmuth Arntz*. 1–2. – Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1936. – P. 227–240.
33. Bonfante G. The Armenian Aorist // *The Journal of the American Oriental Society*. –Vol. 62, 1942. – P. 102–105.
34. Brugmann K., Delbrück B. *Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der indogermanischen Sprachen*. 1. Tl.: Allgemeines Zusammensetzung (Komposita) Nominalstämme – 1906. 2. Tl.: 1.Lfg. Zahlwörter... – 1911. 2. Lfg. Bedeutung der Numeri... – 1911.

3. Tl.: 1.Lfg. Vorbemerkungen... – 1913. 2. Lfg. Vorbemerkungen... – 1916. – Strassburg: Trübner, 1906–1916.
35. Bugge S. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache // Indogermanische Forschungen. – Vol. 1, 1892. – P. 437–459.
36. Bugge S. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 32, 1893. – P. 1–87.
37. Burrow T. Sanskrit *kṣi-* : Greek ΦΘΙΝΩ // The Journal of the American Oriental Society. – Vol. 79, 1959. – P. 255–262.
38. Chantraine P. Grammaire homérique. 1–2. – Paris: Klincksieck, 1953.
39. Clackson J. The Linguistic Relationship between Armenian and Greek. – Kent: Blackwell, 1994. – 272 p.
40. Clackson J. Indo-European Linguistics. An Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 260 p.
41. Cowgill W. Greek *ov* and Armenian *oč'* // Language. – Vol. 36, 1960. – P. 347–350.
42. DELG = Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. I–IV. – Paris: Klincksieck, 1968.
43. Demiraj, A. Albanische Etymologien, Untersuchungen zum albanischen Erbwortschatz. – Amsterdam/Atlanta, GA, 1997. – 484 стр.
44. Drinka B. The sigmatic aorist in Indo-European: Evidence for the Space-Time Hypothesis. – The University of Texas at Austin, 1990.
45. Eichner H. Die urindogermanische Wurzel **H₂rey-* «hell machen» // Die Sprache. – Vol. 24/2, 1978. – P. 144–162.
46. Endzelin J. Zum lettischen Präteritum // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 43, 1910. – P. 1–41.
47. Evangelisti E. L'imperfetto armeno e l'uso preteritale dell'ottativo indoeuropeo // Scritti tocarici e altri studi. – Paideia, 1990. – P. 69–92.
48. EWAi = Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindiarischen. 1–2. Heidelberg : Winter, 1986.

49. Falk H, Tork A. Wortschatz der germanischen Spracheinheit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1909.
50. Fraenkel E. Griechische Denominativa in ihrer geschichtlichen Entwicklung und Verbreitung. – Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 1906. – 296 p.
51. Fraenkel E. Beiträge zur baltischen Wortforschung // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 69, 1948. – P. 76–79.
52. Frisk H. Etyma Armeniaca // Göteborgs Högskolas Årsskrift. – Vol. 50, 1944. – P. 5–36.
53. García Teijeiro M. Los presents indoeuropeos con infijo nasal y su evolución. – Salamanca, 1970. – 167 p.
54. Gasparyan G. Das Armenische Tempus- und Modussystem: Synchrone und diachrone Analyse. Sprache und Kulturen des Christlichen Orients, 9. – Wiesbaden: Reichert Verlag, 2000. – 161 pp.
55. Geldner K. F. Avesta, the Sacred Books of the Parsis. 1–3. Stuttgart, 1889–1896.
56. Gershevitch I. A Grammar of Manichean Sogdian. – Oxford: Blackwell, 1954. – 308 p.
57. Gharibian A. De la morphologie du verbe dans les dialects arméniens // St. et Acta Orient Monographs. – Vol. 4, 1962. – P. 3–11.
58. Godel R. Questions de phonétique et de morphologie (II). La flexion nominale // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 9, 1972. – P. 47–66.
59. Godel R. An Introduction to the Study of Classical Armenian. Wiessbaden: Dr. Ludwig Reichelt Verlag, 1975. – 139 p.
60. Godel R. Les origines de la conjugaison arménienne // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 2, 1965. – P. 21–41.
61. Godel R. Les aoristes arméniens en -c'- // Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata, 2. – Roma, 1969. – P. 253–258.
62. Godel R. Note sur *linel* 'devenir' // Cahiers F. de Saussure. – Vol. 11, 1953. – P. 42–44.

63. Gonda J. The Aspectual Function of the Rigvedic Present and Aorist. – s'Gravenhage, Mouton, 1962. – 286 p.
64. Greppin J. A. C. The Origin of Armenian Nasal Suffix Verbs // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 87/2, 1973. – P. 190–198.
65. Greppin J. A. Classical Armenian *elanim* «again» // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 15, 1981. – P. 11–18.
66. Greppin J. A. Some comments on Arm. *eluxanem* 'extract', *etl* 'place' and *eljewr* 'horn' // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 95/1, 1981. – P. 134–140.
67. Greppin J. A. C. The development of *Ty in Classical Armenian. / The second international symposium on Armenian linguistics: Proceedings. Yerevan: Press of the Armenian Academy of Sciences, 1987. – P. 15–24.
68. Greppin J. A. The Armenian onomatopoetic verbal infix (A)(N)Č // Annual of Armenian Linguistics. – Vol. 16, 1995. – P. 53–66.
69. Greppin J. A. C. Does IE *sV give Arm. hV-? // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 89/1, 1975. – P. 46–52.
70. HAB = Ačařryan H. Hayerēn armatakan bařaran. I–IV. Erevan, 1971–1979.
71. Hamp E. **ues-* in Indo-European // Acta Linguistica Hafniensia. – Vol. 12, 1969. – P. 151–169.
72. Hamp E. Western Indo-European Studies // Indogermanische Forschungen. – Vol. 87: 1982. – P. 79–81.
73. Hamp E. A note on Armenian *tesanem* 'see' // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 18, 1984. – P. 315.
74. Hamp E. Two Armenian Etymologies // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 21, 1988–1989. – P. 25–27.
75. Hamp E. Two Notes on Armenian Linguistics // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 25, 1994–1995. – P. 7–8.
76. Hamp E. On the essentiality of the Armenian nasal declensions // Annual of Armenian Linguistics. – Vol. 9, 1988. – P. 19–20.

77. Hamp E. On the nasal presents of Armenain // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung . – Vol. 89, 1975. – P. 100–109.
78. Hannick Ch. Der Gebrauch des Konjunktivs in der altarmenischen Evangelienübersetzung // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 89, 1976. – P. 152–173.
79. Hardarson J. A. Studien zum urindogermanischen Wurzelaoist und dessen Vertretung im Indoiranischen und Griechischen. – Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1993. – 250 p.
80. Hoffmann K. Das Kategoriensystem des indogermainschen Verbums // Münchener Studien für Sprachwissenschaft. – Vol. 28, 1970. – P. 19–41.
81. Hoffmann K. Aufsätze zur Indoiranistik. Bd. 1. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1975. – 338 p.
82. Holisky D. A. Aspect and Georgian medial verbs. – Delmar, NY: Caravan Books, 1981. – 212 p.
83. Holisky D. A. On derived incaptives in Georgian // International Review of Slavic Linguistics. – Vol. 5, 1980. – P. 1–2.
84. Hopper P. J., S. A. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. – Vol. 56, 1980. – P. 251–299.
85. Hübschmann H. Armeniaca // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 23, 1877. – P. 400–407.
86. Hübschmann H. Armenische Grammatik. I Teil : Armenische Etymologie. Leipzig : Breitkopf & Härtel, 1895–1897.
87. IEW = Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke, 1959.
88. Isebaert L. Nouvelle note sur l’arménien *ownim* // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 1, 1982. – P. 17–19.
89. Notes on the Armenian Personal Endings // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 93, 1979. – P. 133–149.

90. Jasanoff J. H. The Hittite and the Indo-European Verb. Oxford: Oxford University Press, 2003. – 270 p.
91. Jensen H. Altarmenische Grammatik. – Heidelberg: Carl Winters, 1959. – 224 p.
92. Jokl N. Beiträge zur albanischen Grammatik // Indogermanische Forschungen. – Vol. 30, 1912. – P. 192–210.
93. Jungmann P. Partizipien und analytische Verbalformen im Klassisch-Armenischen und im (Neu)-Westarmenischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 89, 1976. – P. 123–151.
94. Jungmann P., J. J. S. Weitenberg. A Reverse Analytical Dictionary of Classical Armenian. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1993. – 876 p.
95. Karst J. Historische Grammatik des Kilikisch-Armenischen. – Strassburg: Trübner, 1901. – 444 p.
96. Karstien H. Das slav. Imperf. und der arm. *ac'e*-Aor. / Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956 / zusammengest. von Margarete Woltner u. Herbert Bräuer. Wiesbaden: Harrassowitz, 1956: 211–229.
97. Kerns J. A. The imperfect in Armenian and Irish // Language. – Vol. 15, 1939. – P. 20–33.
98. Klingenschmitt G. Das altarmenische Verbum. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichelt Verlag, 1982. – 306 p.
99. Klingenschmitt G. Zum Ablaut des indogermanischen Kausativs // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 92, 1978. – P. 1–13.
100. Kloekhorst A. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden: Brill, 2008. – 1170 p.
101. Kølln H. Opposition of voice in Greek, Slavic, and Baltic // Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filosofiske Meddelelser. – Vol. 43/4, 1969.

102. Kortlandt F. On the relative chronology of Armenian sound changes // Proceedings of the 1st international conference on Armenian linguistics. Delmar, NY: 1980. – P. 97–106.
103. Kortlandt F. 1st sg. middle *-H₂ // Indogermanische Forschungen. – Vol. 86, 1981. – P. 123–136.
104. Kortlandt F. Arm. *artawsr* ‘tear’ // Annual of Armenian Linguistics. – Vol. 6, 1985. – P. 59–61.
105. Kortlandt F. Arm. *canawt* ‘known’ // Annual of Armenian Linguistics. – Vol. 12, 1991. – P. 1–4.
106. Kortlandt F. Armenian and Albanian // La place de l’arménien dans les langues indo-européennes. Leuven: Peeters, 1986. – P. 38–47.
107. Kortlandt F. On the relative chronology of Armenian sound changes // Proceedings of the 1st international conference on Armenian linguistics. Delmar, N.Y.: Caravan Books, 1996. – P. 97–106.
108. Kortlandt F. Palatalization of dentals in Armenian // Annual of Armenian Linguistics. – Vol. 15, 1994. – P. 27–31.
109. Kortlandt F. Sigmatic or root aorist? // Annual of Armenian Linguistics. – Vol. 8, 1987. – P. 49–52.
110. Kortlandt F. The development of the indo-european syllabic resonant in balto-slavic // Baltistica. – Vol. 42/2, 2007. – P. 7–12.
111. Kortlandt F. The Proto-Armenian verbal system // Proceedings of the 5th international conference on Armenian linguistics. Delmar, N.Y.: Caravan Books, 1996. – P. 35–43.
112. Kortlandt F. The sigmatic forms of the Armenian verb // Annual of Armenian Linguistics. – Vol. 16, 1995. – P. 13–17.
113. Kozinceva N. A. Resultative, Passive and Perfect in Armenian // Typology of Resultative Constructions. Ed. V. P. Nedjalkov. Amsterdam–Philadelphia: Benjamins, 1988. – 573 p.

114. Kouyoumdjian M. G. A Comprehensive Dictionary Armenian – English. Cairo, 1950.
115. Kronasser H. Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962–66.
116. Kuiper F. B. Die indogermanischen Nasalpräsentia: ein Versuch zu einer morphologischen Analyse. Amsterdam: Noord-Hollandische Uitgeversmaatschappij, 1937. – 246 p.
117. Kuryłowicz J. *a* i.e. et *h* Hittite / Symbolae Grammaticae in honorem Ioannis Razwadowski. 1. Cracovie, 1927: 95–104.
118. Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg: Carl Winters, 1964. – 246 p.
119. Lagarde P. A. de. Zur Urgeschichte der Armenier. Berlin: W. Hertz, 1854. – 47 p.
120. Lamberterie Ch. de. Armeniaca X // Revue des Études Arméniennes. – Vol. 13. – P. 31–40.
121. Lamberterie Ch. de. Poids et force: reconstruction d'une racine verbale indo-européenne // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 16, 1982. – P. 21–55.
122. Lamberterie Ch. de. Die infiniten Verbalformen des Armenischen // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. – Vol. 80/2, 1985. – P. 129–131.
123. Lamberterie Ch. de. Les adjectives grecs en *-υς*. Semantique et comparaison. 1–2. Louvain-La-Neuve: Peeters, 1990. – 1036 p.
124. Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: Brill, 1986. – 712 p.
125. Létoublon F., Ch. de Lamberterie. La roué tourne // Revue de philology. – Vol. 54, 1980. – P. 305–326.
126. Lidén E. Zur indogermanischen Terminologie der Milkwirtschaft // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung. – Vol. 61. – P. 1–13.
127. Lindeman F. O. Note sur l'origine de l'arménien classique *unim* // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 10, 1973–1974. – P. 45–46.

128. Lindeman F. O. Note sur l'origine du verbe *linim*, aor. *ele* en arménien classique // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 10, 1973–1974. – P. 47–50.
129. Lindeman F. O. Remarques sur le verbe *yañnem*, *yareay* en arménien ancien // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 12, 1977. – P. 15–20.
130. LIV = Lexicon der indogermanischen Verben. Ed. by H. Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1998. – 754 p.
131. LIV² = Lexicon der indogermanischen Verben. 2. ed. by H. Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001. – 701 p.
132. Lubotsky, A. The Old Phrygian Areyastis-inscription // Kadmos. – Vol. 27, 1988. – P. 9–26.
133. Lubotsky A. Reflexes of Proto-Indo-European *sk in Indo-Iranian // Incontri linguistic. – Vol. 24, 2001. – P. 25–57.
134. Lühr R. Zum Konjunktivmorphem *-ic^c*- im Armenischen / In honorem Holger Pedersen. Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 26. bis 28. März 1993 in Kopenhagen, hrsg. von J. E. Rasmussen. – Wiesbaden : Reichert, 1994. – 520 p.
135. Mańczak W. Arménien classique *elanim* // Revue des Études Arméniennes, n.s. – Vol. 18, 1984. – P. 583–587.
136. Mariès L. Sur la formation de l'aoriste et des subjonctifs en *-c'*- en arménien // Revue des Études Arméniennes. – Vol. 10, 1930. – P. 167–182.
137. Marstrander C. J. S. Observations sur les présents indoeuropéens à nasale infixée en celtique // Videnskapsselskapets Skrifter. II. Hist.-Filos. Klasse. Kristiania: En commission chez Jacob Dybwad. – Vol. 4, 1924. – P. 1–75.
138. Mann S. E. Armenian and Indo-European: (historical phonology). London: Luzac, 1963. – 203 p.
139. Mann S. E. An Armenian Historical Grammar in Latin Characters. London: Luzac, 1968. – 174 p.
140. McCarthy J., A. Prince. Prosodic Morphology. Ms., University of Massachusetts, Amherest, MA and Brandeis University, Waltham, MA [Annotated

version 1996, issued as Technical report no. 32, Rutgers Center for Cognitive Science].

141. McCone K. The Indo-European Origins of the Old Irish Nasal Presents, Subjunctives and Futures. – Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1991. – 210 p.

142. Meier-Brügger M. Indogermanische Sprachwissenschaft. Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2000. – 293 p.

143. Meillet A. Etymologies arméniennes // Mémoire de la Société de Linguistique de Paris. – Vol. 10, 1898. – P. 274–282.

144. Meillet A. Notes sur la conjugaison arménienne // Banaser. – Vol. 2, 1900a. – P. 97–113.

145. Meillet A. Etymologies arméniennes // Mémoire de la Société de Linguistique de Paris. – Vol. 11, 1900b. – P. 390–401.

146. Meillet A. Altarmenisches Elementarbuch. – Heidelberg: Carl Winters Universitäts-Buchhandlung, 1913. – 212 p.

147. Meillet A. Remarque sur l'étymologie de quelques mots grecs // Bulletin de la Société de linguistique de Paris – Vol. 26, 1925. – P. 1–22.

148. Meillet A. Arménien *gir*, *grel* // Bulletin de la Société de linguistique de Paris – Vol. 37, 1936. – P. 12.

149. Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. 2nd ed. – Vienne: Imprimerie des PP. Mekhitharistes, 1936. – 207 p.

150. Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. 8th ed. – Paris: Hachette, 1937.

151. Meillet A. Notes de phonétique // Mémoire de la Société de Linguistique de Paris. – Vol. 7, 1890. – P. 63–65.

152. Meillet A. Notes sur la déclinaison arménienne // Mémoire de la Société de Linguistique de Paris. – Vol. 8, 1892. – P. 153–165.

153. Meillet A. Varia // Mémoire de la Société de Linguistique de Paris. – Vol. 9, 1896. – P. 149–159.

154. Meillet A. Étymologies arméniennes // Mémoire de la Société de Linguistique de Paris. – Vol. 10, 1898. – P. 274–282.
155. Meillet A. Slave *mazati*, arménein *macanim* // – Mémoire de la Société de Linguistique de Paris. – Vol. 19, 1914. – P. 122–123.
156. Meillet A. Altarmenisches Elementarbuch. – Heidelberg: Carl Winters, 1913. – 212 p.
157. Melchert H. C. Studies in Hittite Historical Phonology. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1984. – 176 p.
158. Melchert H. C. Aspects of Verbal Aspect in Hittite / Uluslararası Hititoloji Kongresi Bildirleri. Acts of the 3rd International Congress of Hittitology. Çorum, Sep. 16–22, 1996. Eds. S. Alp and S. Süel. – Çorum, 1998. – 413–418.
159. Meiser G. Zur function des Nasalpräsens im Urindogermanischen / Indogermanica et Italica. Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag. Ed. 149 G. Meiser. – Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1993. – P. 280–313.
160. Mignot, X. Les verbs dénominatifs latins. – Paris: Klincksieck, 1969. – 419 p.
161. Milizia, P. Proto-Indo-European Nasal Infixation Rule // Journal of Indo-European Studies. – Vol. 32, 2004. – P. 337–359.
162. Narten J. Die sigmatischen Aoriste im Veda. – Wiesbaden, 1964. – 311 p.
163. Narten J. Zum ‘proterodynamischen’ Wurzelpräsens / Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies Presented to F. B. J. Kuiper on his 60th Birthday. Ed. by J. C. Heesterman, Schokker G. H. V. I. Subramoniam. – The Hague: Mouton, 1968. – P. 9–19.
164. NBH = Nor baġirk’ haykazean lezuġ. [Новый словарь древнеармянского языка]. 1–2. – Ереван: Изд. Ереванского университета, 1979–1981.
165. Neu E. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalsystems / Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics offered to L. R. Palmer. – Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1976. – P. 239–254.

166. Neu E. Das frühindogermanische Diathesensystem. Funktion und Geschichte / Grammatische Kategorien. Funktion und Geschichte. Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Berlin, 20.–25. Februar 1983 (Hrsg. B. Schlehrath). – P. 275–295.
167. Normier R. Beiträge zur armenischen Etymologie. 1 // *Annual of Armenian Linguistics*. – Vol. 10, 1980. – P. 19–22.
168. Oettinger N. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg: Hans Carl, 1979. – 636 p.
169. Oettinger N. Etymologisch unerwarteter Nasal im Hethitischen / In honorem Holger Pedersen. Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 26. bis 28. März 1993 in Kopenhagen. Ed. J. E. Rasmussen. – Wiesbaden: Reichert, 1994. – P. 307–330.
170. Oettinger N. Indogermanisch **s(₂)neur/n-* ‘Sehne’ und **(s)men-* ‘gering sein’ im Hethitischen // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. – Vol. 35, 1976. – P. 93–103.
171. Olsen B. A. On the Origin of Armenian c’. // *APILKU. Papers given at the Second International Symposium of Armenian Linguistics*. – Erevan, 1987. – P. 67–87.
172. Olsen B. A. The Formation of the Subjunctive Paradigm in Classical Armenian // *Annual of Armenian Linguistics*. – Vol. 9, 1988. – P. 7–14.
173. Olsen B.A. Three Notes on Armenian Historical Phonology // *Annual of Armenian Linguistics*. – Vol. 10, 1989. – P. 5–25.
174. Olsen B.A. The Noun in Biblical Armenian. Origin and Word-Formation. NY, Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. – 1100 p.
175. Osthoff, H. Etymologische Parerga. Leipzig: Hirzel, 1901.
176. Pedersen H. Das Präsensinfix *n* // *Indogermanische Forschungen*. – Vol. 2, 1893. – P. 285–332.
177. Pedersen H. Die guttural im Albanischen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* – Vol. 36, 1900. – P. 277–340.

178. Pedersen H. Zur armenischen Sprachgeschichte // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung – Vol. 38, 1905. – P. 194–240.
179. Pedersen H. Armenisch und Nachbarsprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 39, 1906. – P. 334–485.
180. Pedersen H. Einige Fälle von Nasal Infigierung // Indogermanische Forschungen. – Vol. 24, 1900. – P. 38–52.
181. Pedersen H. Vergleichend Grammatik der keltischen Sprachen. 2 Bde. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1909–1913.
182. Peters M. Zur Frage strukturell uneinheitlicher Laryngalreflexe / Die Laryngal-theorie und die Rekonstruktion des indogermanischen Laut- und Formensystems. Hrsg. A. Bammesberger. – Heidelberg: Carl Winters, 1988. – P. 373–381.
183. Peters M. Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen. – Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. – 364 p.
184. Pisani V. Studi sulla fonetica dell'armeno // Ricerche Linguistiche. – Vol. 1, 1950. – P. 165–193.
185. Pisani V. Armeniaca // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 61, 1934. – P. 180–189.
186. Poultney J. W. The Distribution of the Nasal-Infixing Presents // Language. – Vol. 13/3, 1937. – P. 163–176.
187. Praust K. Studien zu den indogermanischen Nasalpräsentien. Diplomarbeit. Wien, 1998.
188. Rasmussen J. E. Zur Abbauhierarchie des Nasalpräsens – vornehmlich im Arischen und Griechischen // Sprachwissenschaft und Philologie, Jakob Wackernagel und die Indogermanistik heute. Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 13. bis 15. October 1988 in Basel. Heiner Eichner and Helmut Rix (eds.). – Wiesbaden: Reichert, 1988. – P. 188–201.

189. Rasmussen J. Processes of grammaticalization in Indo-European verbal derivation // Sound law and analogy. Papers in honor of Robert S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday. Ed. A. Lubotsky. – Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1997. – P. 249–262.
190. Rix H. Historische Grammatik des Griechischen. Laut- und Formenlehre. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. – 297 p.
191. Rix H. Zur Entstehung des indogermanischen Modusystems. – Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft, 1986.
192. Saussure F. de. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. – Paris : Vieweg, 1887. – 303 p.
193. Scheftelowitz J. Zur altarmenischen Lautgeschichte. 1 // Beiträge zur Kunde der idg. Sprachen. – Vol. 28, 1904. – P. 282–313.
194. Schindler J. A Thorny Problem // Die Sprache. – Vol. 23, 1977. – P. 23–35.
195. Schindler J. Armenisch *unim* // Handes Amsorya. – Vol. 90, 1976. – P. 339–344.
196. Schindler J. L’apophonie des noms-racines indo-européens // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. – Vol. 67, 1972. – P. 31–38.
197. Schmalstieg W. The historical morphology of the Baltic verb // Journal of Indo-European Studies, Monograph No. 37. – Washington D.C: Institute for the Study of Man, 2000. – 445 p.
198. Schmidt K. H. Die indogermanischen Grundlagen des armenischen Verbums // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – Vol. 98, 1985. – P. 214–237.
199. Schmidt K. Zur Vorgeschichte der tocharischen Nasalpräsentien // XIII. Deutscher Orientalistentag. Ausgewählte Vorträge. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Supplement VII. – Stuttgart: Steiner Verlag Wiesbaden, 1989. – P. 303–313.
200. Schmid W. Untersuchungen zur Stellung der Nasalpraesentia im indoiranischen Verbalsystem. – Inaugural-Dissertation, 1956.

201. Schmitt, R. Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichen-
den Erläuterungen. – Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft,
1981. – 253 p.
202. Schrijver P. C. H. The Reflexes of the Proto-Indoeuropean Laryngeals in
Latin. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1991.
203. Schwyzer E. Griechische Grammatik. Vols. 1–3. – München: Beck, 1939. –
I. 842 p.; II. 714 p.; III. 392 p.
204. Seebold E. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der
germanischen starken Verben. – The Hague – Paris: Mouton, 1970. – 571 p.
205. Sjoestedt M.-L. L'aspect verbal et les formations a affixe nasal en celtique. –
Paris: Champion, 1926. – 212 p.
206. Solta G. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen
Sprachen. Eine Untersuchung der indogermanischen Bestandteile des armenischen
Wortschatzes. – Wien: Mechitharisten Buchdruckerei, 1960. – 515 p.
207. Stang Ch. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. – Oslo:
Universitetsforlaget, 1966. – 483 p.
208. Stempel R. Die infinite Verbalformen des Armenischen. – Frankfurt a. M.,
Bern, New York: P. Lang, 1983. – 120 p.
209. Stempel R. The Old Armenian Transitive Perfect Reconsidered // The Non-
Slavic Languages of the USSR: Linguistic Studies. Ed. H. I. Aronson. – Chicago:
Chicago Linguistic Society, University of Chicago, 1989. – 302 p.
210. Streitberg W. Gotisches Elementarbuch. – Heidelberg: Carl Winters, 1920. –
308 p.
211. Strunk K. Probleme der Sprachrekonstruktion und das Fehlen zweier Modi
im Hethitischen // *Incontri Linguistici*. – Vol. 9, 1984. – P. 135–152.
212. Strunk K. Nasalpräsentien und Aoriste. – Heidelberg: Carl Winters, 1967. –
143 p.
213. Strunk K. Methodisches und Sachliches zu den idg. Nasalpräsentien (Skt. 7.
Klasse) // *Indogermanische Forschungen*. – Vol. 78, 1973. – P. 51–74.

214. Strunk K. Heth. *huekzi*, heth. *hūnikzi* und die indogermanischen Nasalpräsentien / Hethitisch und Indogermanisch. Eds. E. Neu and W. Meid. – Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1979. – P. 237–256.
215. Strunk K. Anhaltspunkte für ursprüngliche Wrzelabstufung bei der indogermanischer Nasalpräsentien // *Incontri Linguistici*. – Vol. 5, 1979. – P. 85–102.
216. Strunk K. Reflexions sur l’infixe nasal / É. Benveniste aujurd’hui: Actes du Colloque International du C. N. R. S., Université François Rabelais (Tours, 28–30 Septembre 1983). Vol. 2. Eds. J. Taillardat, G. Lazard, G. Serbat. – Paris, 1984. – P. 151–160.
217. Strunk K. Zum Verhältnis zwischen gr. *πτάρνυμαι* und lat. *sternuo* // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. – Vol. 46, 1985. – P. 221–242.
218. Strunk K. Miscellanea zum avestischen Verbum. *Studia grammatica iranica*. Festschrift für Helmut Humbach. Eds. R. Schmitt, O. Skjaervø. – München: Kitzinger, 1986. – P. 441–459.
219. Szemerényi O. *Iranica II // Die Sprache*. – Vol. 12.2, 1966. – P. 192–226.
220. Szemerényi O. Greek *ταφών – θάμβος – θεάομαι* // *Glotta*. – Vol. 33, 1954. – P. 266–282.
221. Szemerényi O. *Introduction to Indo-European Linguistics* – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 352 p.
222. Tichy E. Zur Funktion und Vorgeschichte der idg. Modi // *Indogermanische Syntax – Fragen und Perspektiven*. Ed. H. Herrich. – Wiesbaden: Reichert, 2002 – P. 189–206.
223. *The Unaccusativity Puzzle. Explorations of the Syntax-Lexicon Interface*. Ed. by A. Alexianou, E. Anagnostopoulou, and M. Everaert. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 372 p.
224. Thurneysen R. 1. Der Präsenstypus *λιμπάνω*, 2. ind. **pr̥thiví* // *Indogermanische Forschungen*. – Vol. 4, 1894. – P. 78–85.

225. Thurneysen R. A grammar of Old Irish. – Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1946. – 688 p.
226. Tremblay X. Ist jüngavestisch *nāismī*, *nāist* Präsens oder sigmatischer Aorist? // *Compositiones Indogermanicae in Memoriam Jochem Schindler*. Ed. by H. Eichner, H. Ch. Luschützky. – Praha: Enigma Corporation, 1999. – P. 537–543.
227. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Le verbe. Vol. 1. – Paris: Kliecksieck, 1966. – 557 p.
228. Van Windekens A. J. Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. 1–3. – Louvain: Centre international de dialectologie générale, 1976–1982.
229. Viredaz R. Contractions et place de l’accent en ancien arménien // *Revue des Etudes Arméniennes*. – Vol. 28, 2001–2002. – P. 1–11.
230. Viredaz R. Notes on Armenian historical phonology // *Annual of Armenian linguistics*. – Vol. 24–25, 2004–2005. – P. 85–103.
231. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 4th ed. – Heidelberg: Carl Winters, 1965.
232. Watkins C. Indo-European Origins of the Celtic Verbs. I. The Sigmatic Aorist. Dublin: The Dublin Institute for Advanced Studies, 1962. – 203 p.
233. Watkins C. Indogermanische Grammatik. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion. Bd. 3/1. – Heidelberg: Carl Winters, 1969.
234. Watkins C. Hittite and Indo-European studies: the denominative statives in -*ē*- // *Transactions of the Philological Society*. – Vol. 71, 1973. – P. 51–93.
235. Weitenberg J. Die hethitischen *u*-Stämme. – Amsterdam: Rodopi, 1984. – 526 p.
236. Weitenberg J. Infinitive and Participle in Armenian // *Annual of armenian linguistics*. – Vol. 7, 1986. – P. 1–26.

Приложение: сочетаемость презентных основ у глаголов, для которых в классическом древнеармянском засвидетельствованы назальные презенсы¹

	Основы настоящего времени										
	e	i	u	ane	ani	ana	na	ne	ni	nu	č'i
ac-	+				+						
aṛ-ac-		+									
z-aṛ-ac-				+	+						
ag-					+						
h-ag-					+				+		
ag-					+						
anc'-				+	+						
aṛ-anc'-				+	+						
y-anc'-	+			+							
z-anc'-				+							
z-aṛ-anc'-	+										
anic'-	+			+							
anjat-	+			+							
ank-				+	+						
z-ank-	+			+							
arac-	+			+							
arc-								+			
arcarc-	+			+							
ark-				+	+						
aṛ-								+	+		
y-aṛ-	+	+	+					+			
aṛ-										+	
aṛog-	+			+							
y-at-	+			+							
aṛ-avel-	+		+								
y-avel-	+		+								
awc-	+	(?)		+	+	(?)					

¹ В данную таблицу не вошли вторичные глаголы на *-ana-* звукоподражательные глаголы на *-nč'-*.

ayt-										+	
b-						+					
bal-	+										
balbal-	+										
baṛ-							+		+		
bek-	+			+	+						+
bekbek-	+										
buc-	+			+							
bus-					+						
cn-					+						
cʼac-										+	
cʼas-										+	
cʼucʼ-				+							
d-								+	+		
aṛ-d-								+			
daṛ-							+				
darjadarj-		+									
diz-				+	+						
el-				+	+						
ənd-el-					+					+	
ənd-eluz-				+							
el-					+						
elc-	+			+	+					+	
aṛ-elc-			+	+						+	(?)
z-elc-	+			+	+						
erd-									+	+	
erd-u-		+									
ergic-				+							
h-ergic-				+	+						
əntʼ-						+					
əntʼer-				+	+					+	
əntʼercʼ-				+	+					+	
z-ge-										+	
gel-					+						
gerc-	+		+	+							
gt-				+	+						
hal-	+										
hang-										+	+

harc'-				+							
hark-	+			+	+						
z-(h)ark-				+	+						
hart'-										+	+
has-				+	+						
hat-				+	+						
z-hat-	+			+	+						+
hec-					+					+	
hel-					+					+	
helj-			+	+						+	
herj-				+						+	
hiwc-		+			+						
ij-				+	+						
z-ij-				+	+						
im-						+					
jeř-									+	+	
kc-	+			+							
z-kc-	+										
ən-ke-										+	
kl-				+						+	
ən-kl-										+	
k'alc'-										+	
ař-l-										+	
li-									+		
liz-	+		+	+							
lk'-	+			+	+					+	
log-						+					
lu-						+					
luc-	+			+	+						
luc'-				+							
mac-				+	+					+	
mat-										+	+
meř-					+						
moř-						+					
mt-	+			+							
ənd-mt-				+							
muc-				+							
nerk-	+			+	+						

olol-	+	+		+	+						
oř-							+				
ost-					+					+	+
ostost-	+										
pak-										+	+
pš-								+		+	
p'ax-										+	+
p'l-					+						
p're-					+						
sart-										+	+
sařn-										+	+
sks-					+					+	
sl-						+					
sn-					+						
span-				+	+						
spař-							+				
sp'ac-				+	+						
st-						+					
stalc-			+	+						+	
suz-	+			+	+						
šij-					+						
šrt-										+	+
tes-				+							
tol-					+					+	
tř-					+					+	+
t'-						+					
t'ak'-										+	+
t'k'-	+			+	+					+	
t'k't'k'-	+										
t'ř-										+	+
t'řt'ř-	+										
u-									+		
ur-						+					
uř-										+	+
us-					+						
x-										+	
xc'-	+		+	+							

xrt-										+	
ye-										+	
zart^c-										+	
zawc-					+ (?)						
zbał-	+	+								+	
zbaws-	+				+					+	